

Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ
Сборник документов

Составитель Ц. Фридлянд

М.: ОГИЗ. Государственное антирелигиозное издательство. 1933. 267 с.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Сканы иллюстраций из книги – в альбоме

<http://fotki.yandex.ru/users/pere-duchesne/album/165389/>

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна:

воспоминания, документы, исследования, публицистика, фильмы, радиопередачи

можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

См. также материалы с тэгом «церковь/религия»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=2548302>

оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ составителя

МАРКС – ЭНГЕЛЬС – ЛЕНИН – СТАЛИН О РЕЛИГИИ и БОРЬБЕ с НЕЙ

Луи Огюст БЛАНКИ

1. ДВЕ МОРАЛИ

2. АТЕИЗМ и СПИРИТУАЛИЗМ

3. МОНОТЕИЗМ

4. ОТЕЦ ЦЕРКВИ IV ВЕКА

5. ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЕЦ ГРАТРИ

Пьер Жозеф ПРУДОН

РЕЛИГИЯ

Михаил Александрович БАКУНИН

1. НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ РЕЛИГИЯ?

2. ЧТО АТЕИЗМ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ РЕЛИГИИ!

Гено-Венже

ПРИЗНАНИЯ СВЯЩЕННИКА, ОТРЕКШЕГОСЯ ОТ САНА

**МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ об ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ от ГОСУДАРСТВА
и ШКОЛЫ от ЦЕРКВИ**

МАТЕРИАЛЫ О БОРЬБЕ с КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ДУХОВЕНСТВОМ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА КОММУНЫ и КЛУБЫ

в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ДУХОВЕНСТВОМ

Примечания (добавлены к каждому файлу)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из исторических заслуг Парижской коммуны — борьба с религией и господствующим положением церкви. В нашем сборнике мы даем небольшой, но разнообразный материал для уяснения антирелигиозной политики первого пролетарского государства.

Парижскую коммуну мы можем сопоставить с двумя отпавшими пунктами истории революционных движений новейшего времени: с гражданской войной конца XVIII в. и великой пролетарской революцией 1917 г. Идеями 1792—1794 гг. и памятью об июньских боях 1848 г. жили, мыслили, под их влиянием действовали коммунары; но их политика во всех областях была не только подражанием старым образцам, а продолжением начатого дела; они подымали революционное движение трудящихся на новую ступень и вместе с тем создали нечто принципиально новое. Парижская коммуна была не столько продолжением прежних революционных боев, сколько началом новой величайшей эры в истории человечества. Впервые был создан прообраз рабочего государства. После многочисленных поражений это была первая победа пролетариата.

Вслед за Марксом Ленин разработал вопрос об историческом значении Коммуны:

„Советское движение, — писал Ленин, — перестало быть русской формой власти пролетариата, оно стало позитивной международной пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом ко всемирному развитию социалистической революции. Первым шагом была Парижская коммуна, которая показала, что и социализму рабочий класс придет не иначе, как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров“ (курсив наш. — Ц. Ф.) *.

Тов. Сталин, анализируя ленинское учение о советском государстве и отмечая характерные черты советской власти,

* Ленин — Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов (1919 г.). Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 483.

приходит к выводу: „Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением“ (курсив наш. — П. Ф.).

Вот почему для нас особый интерес представляет борьба Коммуны с религией и церковью.

В своей антирелигиозной политике Парижская коммуна не только продолжала, но во многих отношениях по-новому проводила ту борьбу с богом, которую начали революционные массы осенью 1793 г. Религия, по Марксу, является не чем иным, как рефлексом реального мира, религиозные представления — отражением действительного мира, которые могут исчезнуть лишь тогда, „когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой“, когда „строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало, лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем“ **.

Религия для марксистов отнюдь не продукт страха. Об этом в свое время напоминал Ленин в статье „Об отношении рабочей партии к религии“ (1909 г.).

Задача марксистов сводится поэтому к выяснению условий, порождающих страх не перед природой, а „перед слепой силой капитала, которая слепна, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит „внезапное“, „неожиданное“, „случайное“ разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, плано-

мерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах“ *.

Успехи борьбы с религией таким образом тесно связаны с успехами революционного движения, с организацией и классовой борьбой трудящихся масс. В этой борьбе с религиозными предрассудками рабочий класс защищает передовую мысль против реакции. „Религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке“ (Сталин).

Чтобы понять, в какой мере Парижская коммуна по сравнению с предшествующим революционным движением ушла вперед в своей антирелигиозной борьбе, следует прежде всего выяснить, какое место занимали церковь и духовенство в эпоху Второй империи, в эпоху Наполеона III, свергнутого революцией 4 сентября 1870 г., буржуазной революцией, создавшей благоприятные исторические условия для восстания пролетариата 18 марта 1871 г.

Переворот Луи Бонапарта в декабре 1852 г. наряду с поддержкой крупной капитала нашел опору в выступлениях духовенства. Недаром министр внутренних дел Наполеона III в циркуляре священникам в декабре 1852 г. писал: „Содействие кюре окажет весьма ценную поддержку для достижения добрых результатов, легче всего может объединить, примирить, внушить одним обязанность экономии, другим — долг самопожертвования. Поставить ассоциацию под покровительство религии (речь шла об обществах взаимопомощи. — П. Ф.) — значит заимствовать все, что есть хорошего, возвышенного, благородного в тех старых корпорациях, которые шли под знаком креста и носили имя святого“.

Известный в свое время „закон Фалу“ о народном образовании (15 марта 1850 г.) обеспечил духовенству руководство народным образованием. Священники, принимавшие активное участие в подавлении июньского восстания, получили таким образом вознаграждение. Число епархий было доведено до 92. Наполеон III всеми силами пытался привлечь большинство епископов на свою сторону, не пренебрегая созыву провинциальных соборов, строительству новых церквей, расширению влияния церкви на городские и деревенские массы.

О влиянии духовенства во Франции в годы империи писал пролетарский поэт Э. Потье, автор „Интернационала“:

„И вы с крестами и писанием
Мошеничате весь свой век,

* Сталин — Вопросы ленинизма (Ст. „Об основах ленинизма“, гл. IV „Диктатура пролетариата“). Изд. 9-е. Партиздат. 1933 г., стр. 36.

** Маркс — Капитал. Т. I, гл. „Товарный фетишизм и его тайны“. Изд. 5-е, 1980 г., стр. 37.

* Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 71.

Идете рыться в завещании,
Хоть еще дышит человек,
Дарохранительница с вами.
Жонглерских шариков приют,
Торгуйте же старинными вещами.

Армия духовенства насчитывала по меньшей мере 40 000 священников и больше 50 000 монахов.

Народ коснел в невежестве. В 1850 г. насчитывалось всего 61 000 начальных школ, а в 1863 г. их число возросло только до 69 000, причем это увеличение приходится главным образом за счет церковных школ. Женское образование находилось целиком в руках монахинь. Духовенство удалось захватить богадельни, убежища, ясли, все благотворительные учреждения, и некоторые современники с полным основанием могли утверждать, что для церкви наступило золотое время. Друг католической церкви и религии де-Ля-Горс, историк Второй империи, писал: «Никогда церковь не получала более широких поблажек, никогда не прилагалось столько забот к постройке новых церковных зданий, никогда церковная утварь не обогащалась в такой степени». Успех духовенства, разумеется, отнюдь не означал распространение просвещения. По крайней мере около 27% населения было безграмотно, и французскому мелкому крестьянству, обладавшему жалкими кусками земли, оставалось коснеть в невежестве и «страхе божьем».

Полезная собственность в стране была раздроблена до крайности, а на почве крестьянской нужды выросла мощь банковского капитала. Банки выступили в роли «собирателей денег», и Прудон с полным основанием утверждал, что в эпоху империи «нечестность дарила в жизни, а пиратство — в детах». На этой базе происходит экономический расцвет Франции, вернее, рост ее промышленного капитала. Постепенно Франция превращалась в крупную капиталистическую страну. Этот рост не был делом нескольких лет: Франция оставалась сделать немало, чтобы догнать передовую Англию. В Париже метель ремесла играла печальную роль: на 1 825 000 жителей в 1864 г. среди рабочего населения из каждых 100 человек по крайней мере 61 работали в предприятиях с одним рабочим. Все это не мешало углублению социальных противоречий; зарплата не могла утешаться за дороговизной (цены фабричных изделий поднялись на 15%, а сельскохозяйственные продукты — на 67%).

Наполеон III, отражая интересы собственников, пытался заигрывать с различными группами буржуазии. Отсюда колебания его политики в религиозном вопросе: от прямой под-

держки духовенства Наполеон спустя некоторое время перешел к попытке урезать аппетиты церкви. Через два-три года после переворота император добился, чтобы папа Пий IX приехал на его коронацию в Париж, за что обещал папе отмену закона о запрещении церковного венчания до заключения гражданского брака. Но эта сделка не удалась. Политические причины диктовали Наполеону III выступление в Италии в роли защитника национального объединения. Только после покушения на него итальянца Орсини в 1858 г. снова намечилось тесное сближение между католиками и императором, сближение, продиктованное прямой угрозой со стороны клерикалов, они угрожали объявить императору «крестовый поход». Император решил в свое время посетить на отцу из сильнейших католических конгрегаций — «Общество святого Винченца де-Поля», — организацию, бывшую прямой агентурой Рима, в чьем распоряжении находились миллионные средства и десятки тысяч агентов. По угрозы императора вскоре сменялись уступками: католики перешли в наступление. В законодательных палацах они не давали пройти ни одному законопроекту, который давал бы хотя минимальную гарантию светскому образованию. Законопроект министра Дюрюи, дарувшего несколько расширить народное просвещение, в 1867 г. был объявлен попом покушением на религию только потому, что касался к подчинению монашеских орденов общему закону. Со стороны католического духовенства и фанатизированного населения в верхнюю палату поступали десятки петиций с требованием заставить законом соблюдать воскресный день и не допускать свободы университетского преподавания. Требования очищения библиотек и изгнания книг Вольтера, Руссо, Жюль Жанн, Мишле. А так как в Италии народное движение во главе с Гарибальди принимало все более и более широкие размеры, то министры Наполеона III выступили снова на защиту религии, объявив от имени правительства, что Италия никогда не овладеет Римом. Это обязательство министра Руара было поддержано отобранным парламентом.

Наполеон III остался «членником католической церкви», и накануне революции 1870 г. так называемая «либеральная империя», т. е. империя, вынужденная пойти на некоторые уступки конституционалистам, находилась в большом подчинении у римского папы и католического духовенства, чем в 1852 г. В духовенстве она видела орудие борьбы с революционным движением. В значительной степени и внешнеполитика Наполеона III была связана с успехами католической церкви. Когда французская армия в Китае добывала империи новые рынки, дипломаты Наполеона III настаивали сверх всего на особой охране католических миссий.

Подобную же политику император вел в Сирии, где католическому духовенству было обеспечено особое покровительство, и в Мексике, куда французские багги направили экспедицию во главе с французским ставленником, будущим императором Максимилианом I, впоследствии расстрелянным повстанцами.

Сила католического духовенства внутри Франции возросла. Его поповзновения соответствовали тем претензиям на мировое господство, которое обнаружил папа Пий IX, с 1846 г., в продолжение 32 лет, ни на одну минуту не прекращавший войны с демократией и революцией.

В 1854 г. Пий IX объявил догмат о непорочном зачатии пресвятой девы, догмат, обязательный для всех католиков. Это решение римской церковью было вынесено за несколько лет до опубликования теории Дарвина и выхода в свет Марксовой „Критике политической экономии“ (1859 г.). В эпоху, когда мировые мыслители заложили основы революционного мировоззрения, попытка вернуться к средневековью. Расширив повсюду организацию духовенства, Пий IX в декабре 1864 г., в день десятилетия провозглашения догмата о непорочном зачатии, выступил со знаменитой энцикликой, в которой были преданы анафеме рационализм и демократия, учение об отделении церкви от государства. Римская церковь объявила войну демократии, учению о том, что воля народа в государстве — верховный закон, не зависящий от какого бы то ни было божеского права, войну коммунизму и социализму, даже „реализму“, заявившему, что церковь Иисуса Христа должна быть подчинена гражданской власти. Репugnющую опасность для религии папа видел в коммунизме, который изгоняет веру в бога не только из общества, но и из семьи. Пий IX призывал всех верующих объявить войну угрозе мира и порядка.

На этом поход Рима против идей современности не прекратился. В декабре 1869 г. был созван ватиканский собор, на котором предполагалось обсудить дальнейшие мероприятия по борьбе с демократией. Собравшиеся сановники церкви подтвердили (24 апреля 1870 г.) знаменитое решение о непогрешимости папы, решение, скоро сделавшееся законом и признавшее за папой полную верховную власть над церковью не только в делах, касающихся веры и нравственности, но также в тех, которые относятся к дисциплине и управлению государством. Глава 4-я этого постановления заявляла, что папа, когда он говорит *ex cathedra* (с кафедры), так же непогрешим, как божественный учитель, во всех делах, касающихся веры и нравственности.

Знаменитый слухабус римского папы о борьбе с пантеизмом, пантеизмом, рационализмом в 80 пунктах перечислял всевозможные сомнения в истинности веры и предлагал „человеческое знание подчинить божественному закону“. Анафеме предаются не только социализм и коммунизм, но всякая попытка отказаться от божественной санкции, всякая попытка сопрогивления деспотизму, традициям и бунт против них. Наряду с догматом 1870 г. о непогрешимости указанный слухабус стал катехизисом господствующей церкви на Западе.

Рим противостоял как грозная опасность всякой передовой мысли эпохи. Виктор Гюго в 1870 г. требовал, чтобы Париж, „центр прогресса“, объявил Риму войну. Победа Рима означала бы возвращение человечества вспять. Рисуя мощь и власть духовенства во Франции, Гюго писал: „Рим имеет множество рук. Передав воспитание в руки духовенства, мы передаем в его руки правительство. Рим хочет завоевать Францию, необходимо оказать ему сопротивление“.

Французские мелкие буржуа и буржуазные республиканцы, объявившие войну римскому папе, попытались, после объявления республики 4 сентября 1870 г., представить дело так, что в их борьбе за свободу они защищают дело всей Европы. Виктор Гюго в своей знаменитой речи 1 марта 1871 г. с трибуны Национального собрания заявлял: „Поведение Бисмарка, его насилие против Франции делает его союзником того папы, который объявил себя непогрешимым. Средневековый образ римского папы совпадает со средневековым образом германского императора“. Правое крыло Национального собрания протестовало против этого „кощунства“, но мы знаем, что Национальное собрание и версальское правительство не порвали в дальнейшем своего союза с католическим духовенством: как во всей своей политике, так и в этом случае они продолжали дело Наполеона III. В борьбе с революционным движением союзником римского папы был не только Бисмарк, но и Тьер.

Чтобы понять антирелигиозную политику Коммуны, необходимо поближе присмотреться к той антирелигиозной пропаганде, которую в эпоху империи вели руководители и теоретические мыслители революционной демократии. Когда говорим о революционной демократии во Франции эпохи империи, мы имеем в виду Бланки, Прудона, единомышленников Бакунина и сторонников Маркса в Интернационале — те группы, которые играли позже решающую роль в дни Парижской коммуны.

В Коммуне ожесточенную борьбу вело несколько групп. Засп были якобинцы, жившие воспоминаниями 93 года; они в своем большинстве пытались воскресить идеи Эбера,

Шометта — вождей Парижской коммуны конца XVIII в. Один из наиболее энергичных людей этого крыла, Рауль Риго, писал еще в 1861 г. в газете „Варвар“: „Мы покажем, как революция развивается через атеизм, мы покажем, как она достигла своего апогея с Парижской коммуной, с антирелигиозной декларацией Шометта, с остроумной газетой Эбера“. В якобинской среде было не мало фразеров, вроде Феликса Пиа. Последние дальше подражания старым образцам не шли.

К ним примыкали бланкисты, лучшие представители революционных традиций XIX в., и сам Огюст Бланки, которого версальское правительство арестовало незадолго до провозглашения Коммуны. То были представители тех революционно настроенных элементов, о которых Бакунин писал, что они — истинные революционеры, герои, последние истинные представители демократических идей 93-го года.

Бланкисты были далеки от научного социализма Маркса и Энгельса. Они рекрутировали своих последователей среди обидчивых революционных слоев интеллигенции и ремесленного пролетариата Парижа и в своей идеологии, наряду с передовыми идеями революционного социализма, сохраняли множество пережитков мелкобуржуазной демократии и утопического социализма. Роль и путь массового рабочего движения оставались для бланкистов тайной за семью печатями и в 1848, и в 1871 гг. Решающая роль в Коммуне принадлежала наряду с якобинцами и бланкистами прудонистскому крылу. Последние стремились не допустить разжигания классовой борьбы и готовы были соблюдать известный „нейтралитет“ в вопросах религиозной политики, готовы были ограничиться веротерпимостью в вопросах культа, в крайнем случае — декретом об отделении церкви от государства. Прудонисты отноясь же к ней в виду провести продуманную программу атеистической пропаганды.

Маркс и генеральный совет Интернационала в Лондоне внимательно следили за ходом событий в Париже, они помогали коммунистам *«к советами и людьми, но никого сделать не могли»*, потому что в Париже большинство членов секции Интернационала принадлежало к прудонистам. Сторонники Маркса и Энгельса были одиночки, но эти отдельные представители революционной коммунистической и атеистической мысли в своей борьбе с религией опирались на широкое массовое движение трудящихся Франции и в дни Коммуны 71 года, подчиняя свою антирелигиозную политику общим революционным задачам, требовали перехода от нейтралитета к антирелигиозной политике.

Антирелигиозная политика Парижской коммуны была разработана раньше теоретиками социальной и революционной

оппозиции эпохи империи в лице Бланки, Прудона и Бакунина. Если в лице Бланки мы имеем наиболее последовательное отражение взглядов французского рабочего класса, еще не порвавшего со своим ремесленным прошлым, то Прудон и Бакунин выражали настроения гибнущей под ударами капитализма мелкой буржуазии, в частности Бакунина — настроения ее наиболее обездоленных и деклассированных слоев.

В нашем сборнике мы приводим ряд блестящих статей Бланки, посвященных не только борьбе с церковью, но и с религией, обобщенных общей идеей — „*ми бога, ми господина*“. В статье „Атеизм и спиритуализм“ он доказывает, что религия воспитывает в рабстве, в преклонении перед разнужданным разгулом божественного насилия. „Бог, — утверждает Бланки, — это сыворотка несолидарности, раскола, разделения, взаимных раздоров, вампир, пущенный в среду людей, чтобы их разделить, сделать их взаимными врагами“. „Бог и я“ — вот клич верующего, позорный клич, разрушающий совесть“.

Бланки повторяет основные положения антирелигиозной пропаганды французских материалистов XVIII в., заявляя, что во всякой религии „страх и трепет“ — основные начала веры и культа. Борьба с деспотизмом предполагает таким образом борьбу с религией, и Бланки — в этом его отличие от материалистов XVIII в. — открыто провозглашает атеизм. „Атеистам рекомендуем, — утверждает он, — благоразумно замаскироваться, изменить свою вывеску. Нет, никаких масок, пусть атеизм воздвигнет свои лозунги возможно выше, пусть он открыто будет наносить пощечины своему врагу — предрассудку“. Во имя борьбы с богом, который всегда был бичом рода человеческого, следует шире развернуть знамена атеизма. Правда, до сих пор атеизму не удалось нигде проявить себя в полной мере, но он с полным основанием может обвинять отцов церкви, что там, где господствует их власть, там господствуют „безправственность, нищенство и невежество“.

Уже в этой статье мы находим характерные черты бланкистской антирелигиозной пропаганды: убеждение, что религия и религиозные предрассудки родились из невежества, что пропаганда против мракобесия совершенно достаточно для торжества новой морали. Бланки повторяет своих великих учителей, просветителей XVIII в., когда в статье о монотеизме (мы приводим ее в сборнике) превозносит величие культуры Рима перед невежеством и варварством, которые принесли с собой христианство. Вывод, к которому он приходит, должен означать, что культура античного мира погибла не столько благодаря сложным процессам социально-экономического развития, а как плод христианства, вышедшего, „как черная оспа

из Аравийской пустыни, погружая мир на целые 15 веков в хаос и мрак". И он беспощаден в своей критике христианства, всякой религии, возушей человечество от науки к вере в абсолютно бессмысленное — в бога. Такова основная идея приведенного ниже отрывка „Отца церкви IV века“. При всех своих увлечениях Бланки остается верным исторической правде, когда пишет, что христианство переняло от императорского Рима все преступления, все пороки, все позорные черты, отвергнув лишь величие и просвещение. Оно приняло и осватило *рабство*. На этом положении настаивал Бланки, опровергая заявления отцов церкви о том, что христианство разрушило институт рабства. Следовало бы только прибавить, что ряд отрицательных сторон христианской религии был ею исторически унаследован не только от правых Римской империи, но и с Востока, от восточной деспотии и восточных религий, в том числе и от нудейского монотеизма.

Бланки вскрывает перед нами и ту алчность, которая с первых веков стала характерной особенностью господствующей религии Христа. „Поповский спрут“ с его десятками тысяч чужацких начал высасывать кровь из государственного организма, и никакая сила не в состоянии была оторвать его от добычи. Это утверждение справедливо, если не забывать, что в нем ошибочно только утверждение о самостоятельности „государственного организма и религии“, двух китов, на которых, наряду с собственностью, по Бланки, как впрочем и по Прудону и Бакунину, зиждется классовое общество.

При анализе религии Бланки оставляет таким образом в стороне вопрос о связи религии и классовой борьбы в истории. В своих антирелигиозных рассуждениях Бланки рассматривает бога вне зависимости от социальных отношений данной исторической эпохи.

Особый интерес представляет в сборнике статья Бланки о „Преподобном отце Гратри“, в которой дана блестящая критика попыток священника объединить религию с наукой. Материалист издается над усилиями пона приписать понятию „бог“ чисто научный характер. По „отцу“ Гратри, бог, это — бесконечная сила конечных сил, неподвижный двигатель движения, по это значит, иронически замечает Бланки, „воинство против материализма и в то же время давать богу материалистическое определение“. Бог „превращается из абсолютной сущности в нечто относительное, в конечный двигатель движения“. Теша и преступна всякая попытка объединить несоединимое — религию с наукой.

Но и в этом глупе науке, вне анализа классовых отношений, мы по существу имеем дело с идеалистическими пережитками

взглядов Бланки. Они характерны для него при всем материализме его философского мировоззрения.

В отличие от Бланки Прудон выступает перед нами не как революционный атеист, объявляющий войну господствующей религии, а как враг нетерпимости и сторонник свободной религиозных убеждений, для которого из всех религий приемлема одна „религия труда“. Прудон во имя этой религии отвергает атеизм. Мы приводим в сборнике рассуждение Прудона о религии, главу из одной его сравнительно ранней работы (1843 г.) „О принципах политической организации“.

Основной тезис Прудона в его рассуждении о религии, это — утверждение, что вера в бога противна науке и прогрессу. Он называет это утверждение своим *символом веры*. Рассуждения этого теоретика мелкобуржуазной „золотой середины“, стремившегося не уничтожить, а примирить, утвердить гармонию социально-экономических противоречий капиталистического строя, сводятся к защите принципа антирелигиозной политики под углом зрения науки, в ее борьбе с невежеством, изолируют вопросы науки и религии от вопросов классовой борьбы. Для невежественного человека бог — причина всех явлений природы, всех счастливых и жутких происшествий социальной жизни. Молитва есть попытка размышлений перед лицом бога, как бы первичный зародыш философии.

Один из мракобесов начала XIX в., Жозеф де-Местр, утверждал, что всякая общественная организация построена на религии. Для него бог и палач — опора классового общества. В борьбе с ним и Прудон стремится доказать, что религия может спокойно сосуществовать с любым политическим строем, что она не зависит от экономических и социально-политических форм общества. Религия неспособна поэтому навести порядок там, где царит в обществе анархия, она мешает установлению порядка; политический талант не связан с религиозной мыслью.

Особенность религии своей эпохи Прудон видит в попытках ее заимствовать кое-что у различных отраслей знаний и приспособить к новым требованиям времени, но и он, как Бланки, решительно протестует против этого незаконного слияния. Священник, жрец невежества, не может быть жрецом науки. И характерно для Прудона, что свои взгляды он рассматривает как своеобразную форму *новой религии* — „религии труда“. В практической области он настаивает на ряде мер по отделению церкви от государства, на проведении строгого нейтралитета в вопросах религии. „Политика наемных в отношении церкви, — заявляет Прудон, — подобно той, которая была проведена осенью 1793 г., не уничтожит, а будет способство-

вать возрождению религий¹. Только тогда, когда в широких массах деревенского населения распространялся знания, исчезнет невежество, а вместе с ним исчезнет и вера в бога.

Ученик Прудона, сделавший радикальные выводы из его мелкобуржуазного учения, Бакунин, в основном повторяет его теоретические положения. И для Бакунина вера в бога объясняется тем, что народ к несчастью слишком невежествен и что эта вера, как и само невежество народа, удерживается всеми правительствами, для которых, не без основания, темнота — одна из самых существенных предпосылок их могущества. Бог и государство становятся для Бакунина самостоятельными сущностями.

В этом смысле он идет гораздо дальше, чем Прудон. „Бог и государство — всемогущи, человек — раб². Все религии основаны на крови. Вера в бога оказывает на человеческое общество деморализующее влияние. Имущие классы, или, как точнее пишет Бакунин, „все проповедники, все угнетатели, все эксплуататоры человечества, — священники, монархи, государственные люди, военные и финансисты, чиновники всех сортов, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты и ростовщики, предприниматели и собственники, адвокаты, экономисты и политики всех двояков до последнего бакалейщика, — все в один голос повторяют слова Вольтера: „Если бы бога не было, его надо было бы изобрести“.

В чем же Бакунин видит основную задачу борьбы с религией? В распространении рациональной науки и пропаганде социализма. Вся эта борьба радикальная критика представляет собой прикрытую фразами левооппортунистическую форму борьбы с религией. Но, как в свое время отмечал Ленин, необходимо уметь „не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой „революционизм“ анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, — премудрым правилом: „живи и жить давай другим“ и т. д. и т. п.“.

Главная ошибка бланкистов и анархистов, их критики религии состоит в том, что они не понимают, „что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную

практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии“.

Так Ленин характеризует взгляды Энгельса и его критику атеизма бланкистов и анархистов.

Атеистическую пропаганду и государственную политику в области религии — эти два момента надо уметь в разное время сочетать по-разному, твердо помня, что атеистическая пропаганда должна быть, как писал Ленин, подчинена основной задаче: классовой борьбе эксплуатируемых масс против эксплуататоров. Разрешить эту задачу мог только марксизм; осуществить ее в полной мере смогла только советская власть после Октябрьской революции 1917 г. В какой мере это удалось сделать Парижской коммуне, — об этом речь впереди.

Отделение церкви от государства — эту историческую задачу Парижская коммуна выполнила за краткий промежуток своего существования в двух направлениях: с одной стороны, она сбросила с народных плеч бремя содержания церкви, мероприятия, имевшее огромное значение для Франции, страны, в которой империя, низвергнутая революцией, была, как мы видели, тесно связана с церковью и духовенством; с другой стороны, она провела довольно большую работу за освобождение народного образования от влияния священников и религии. Этим однако не ограничилась ее практическая деятельность. Антирелигиозная пропаганда в парижских клубах и прессе, в самой Коммуне и в армии была шире, чем сумма проведенных ею практических мероприятий. Историю антирелигиозной политики Коммуны не следует рассматривать изолированно от всей истории ее борьбы с Версалем. Деятели об отделении церкви от государства, о светском образовании в школах, о чем речь впереди, подобно мероприятиям по смене чиновников и борьбе с милитаризмом, имели своей целью сломать аппарат государственной власти империи и буржуазной республики, которая была ее логическим продолжением. Борьба с духовенством достигла наибольшего напряжения в момент, когда полонизация контрреволюционеров приняла угрожающий характер. Антирелигиозная политика Коммуны стала таким образом необходимым звеном всей революционной истории 18 марта.

Мероприятия Коммуны для ликвидации монополии католического духовенства, как об этом свидетельствуют документы, не исчерпывают истории ее антирелигиозной политики. Трудящиеся массы Парижа видели в капиталисте и попе своих

¹ Ленин — Об отношении рабочей партии к религии. Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 72—73.

² Ленин — Об отношении рабочей партии к религии. Соч., изд. 3-е, т. XIV, стр. 69.

злейших врагов. Постепенно программа социалистической революции стала боевой программой Коммуны. Народные массы рабочих кварталов Парижа были передовыми бойцами антикапиталистической и антирелигиозной борьбы.

Два момента толкали коммунаров на борьбу с церковью. Во-первых, это была их общериндипиальная установка об освобождении нового общества от влияния религиозных корпораций, а во-вторых, — вопрос чисто практического значения — необходимость мобилизации денежных средств путем конфискации имущества духовенства. Он был поднят блестящим памфлетистом мелкой буржуазии Анри Рошфором. Последний требовал для покрытия контрбюджации Вильгельма конфисковать миллионы у незуитов. Мысль эта была потихвачена всеми якобинцами и бланкистами Парижа. В приведенной нами статье из газеты „Гора“ мы узнаем, что эта конфискация может иметь еще и тот смысл, что „она заставит смолкнуть проповеди невежества и подлости со стороны попов“.

Популярная народная газета „Папаша Дюшен“ подхватывала эту проповедь. Лозунг становился все более и более популярным. Но наряду с требованием конфискации имущества корпораций духовенства естественно выдвигалось требование об отделении церкви от государства. Верующие доля и сами содержать тех, кто обслуживает их религиозные потребности. Принятый 2 апреля декрет об огнене бюджета культов и о превращении в национальную собственность неотчуждаемого имущества религиозных конгрегаций был первым мероприятием на этом пути. Декрет однако не был проведен в жизнь, и почти месяц спустя Коммуне пришлось снова поднять вопрос об осуществлении своих постановлений.

Интересно, что при обсуждении этого декрета в Коммуне поднимались горячие споры на тему о том, имеет ли она право осуществить этот закон, который касается всей Франции и имеет поэтому общегосударственное значение. Декрет был принят большинством 22 голосов против 16. Возражения относились не к существу декрета — к его борьбе с монополией католической церкви, — а к тому, признает ли Париж правительство коммунальным или национальным. Анри Рошфор писал: „Кошель или ад“ — такова в настоящее время программа католического духовенства, но так как французская нация уже не верит больше в ад, то нет ничего более естественного, если она в случае нужды возвратит себе и кошелек“.

Национализация имущества церквей была бы Коммуне значительные источники дохода, тем более, что вследствие отказа от захвата банк в ее распоряжении ичелось не более

5 млн. франков. Коммуна получила от конфискованной части церковного имущества гроши, не больше 8 тысяч, в то время как ежедневные расходы составляли 675 тыс. франков.

При всей мизерности результатов закона нельзя однако согласиться с теми, кто считает, что решение об отделении церкви не имело значения. Утверждающие это повторяют слова одного из руководителей Парижской коммуны, Арну, который писал, что этот декрет не представлял интереса даже как смелый акт потому, что он входил как составная часть в программу дворянско-буржуазной партии, заседавшей в вергальском собрании. Но забывают, что задачу борьбы с церковной монополией, задачу буржуазной революции европейская буржуазная демократия не разрешила, хотя и пыталась это сделать в своих революциях. Только пролетариат, придя к власти, смог выполнить то, на что уже неспособна была французская буржуазия, вступившая в союз со своими врагами для борьбы против большей опасности, против опасности пролетарской революции.

К основному декрету об отделении церкви от государства следует добавить ряд более мелких постановлений, имевших одну и ту же цель. Так, священникам запрещалось обслуживать заключенных в тюрьмах, упразднились политическая и профессиональная приюты; обсуждался, хотя и не был проведен в жизнь, вопрос о призыве священников в ряды национальной гвардии. Коммуна попыталась осуществить ряд мероприятий по устранению религии из публичных правовых актов рождения, брака и смерти. 4 мая руководитель ордена, бланкист Прото, добился отмены судебной приюти; 16 мая из педения духовенства были изъяты акты гражданского состояния; 17 мая в Коммуне было предложено ввести свободный гражданский брак, но издать последний декрет не удалось.

Ряд мероприятий огромного значения был проведен в области освобождения школ от религиозного влияния. Серьезную революционную деятельность в этой области развил Вальян, назначенный для руководства народным просвещением. Принципы, положенные в основу реформы народного образования, его освобождение от влияния церкви, изложены были еще 1 апреля в проекте, представленном Коммуне „Обществом нового воспитания“. Это общество требовало отмены религиозного обучения, упразднения преподавания религиозных предметов, изгнания из школ всяких религиозных изобретений и культовой обрядности. Для выполнения этого плана 28 апреля была организована специальная комиссия. Она должна была, наряду с организацией научного и профессионального

образования для всех округов Парижа, ускорить превращение религиозного обучения в обучение светское.

12 мая Вальян предложил поспешить с освобождением школьных помещений от всяких признаков культа, но духовенство сопротивлялось проведению в жизнь мероприятий. Парижское революционное население в отдельных округах проявляло большую заинтересованность в этом деле, и, когда Вальян в своем постановлении от 22 апреля пригласил граждан подавать в делегацию Коммуны по народному просвещению свои проекты реформ, такие проекты начали поступать с разных сторон. Правда, еще раньше, 8 апреля, представитель XVII округа Парижа, член позже назначенной комиссии „по организации обучения“, Раме, в специальном циркуляре приглашал объявить войну религиозным предрассудкам в деле воспитания детей. „Пользуясь невежеством и легковерием детей, им внушили посредством примера, насилия и привычки — суеверия, предрассудки и чувство несправедливости и ненависти — основные причины возникновения войн и социальных потрясений“. Учителя и учительницы должны были отныне пользоваться исключительно экспериментальным и научным методом преподавания, т. е. таким, объяснял циркуляр, „который вытекает из наблюдения фактов, какова бы ни была их природа — физическая, моральная или интеллектуальная“. Образование должно было оставаться чуждым всяческих религиозных привидов.

В том же духе выступал ряд других округов, требовавших чисто светского образования. Конечно обстановка не благоприятствовала успешному осуществлению намеченных мероприятий, и член Коммуны Клеманс 10 мая в особом циркуляре к руководителям школ имел право заявить: „Новая система обучения, которую предполагает ввести Коммуна, не может быть пока осуществлена. Война, которую ей навязывают, не дает ей возможности, как бы она этого ни хотела, немедленно разрешить все важные вопросы, выдвинутые революцией“. Клеманс предлагал в первую очередь ограничиться тем, чтобы изгнать из школ картины, книги религиозного содержания, кресты, статуи святых, прекратить преподавание священной истории, катехизиса и церковного пения и наконец отменить молитвы. В воспитании детей должно быть строго проведено начало мягкости и человеческого. „Вы покройте слою белой или черной краски, — читаем мы в этом обращении, — латинские надписи и замените их таким общечеловеческим девизом, как свобода, равенство, братство, труд, справедливость, республика“.

Духовенство оказывало жестокое сопротивление револю-

ционным законам. 12 мая официальный орган Коммуны вынужден был признать, что многого еще не сделано, но, — добавлял он, — в скором времени религиозное обучение совершенно исчезнет из парижских школ. А через два дня Вальян издает декрет, в котором утверждает: „В некоторых округах члены конгрегаций отказываются подчиняться приказаниям Коммуны и препятствуют проведению светского обучения. Случай, когда два сопротивления будет иметь место, должны немедленно пресекаться, ослушники арестовываться“. Свои жалобы он снова повторил 17 мая на заседании Коммуны. Он указал на то, что преподавание идет до сих пор далеко не так, как следовало бы согласно новым принципам. Изданные повсюду и всеми средствами мешают проведению революционных мероприятий в жизни. Те муниципалитеты, которые проявлял революционную энергию, покопчили с ними в два дня, но в других местах они все еще не изгнаны. „Было бы крайне важно, чтобы спустя два месяца после революции 18 марта эти люди не попадали бы больше на глаза в наших школах. Пусть окружные муниципалитеты вложат больше усилий в это дело и в срок восемь часов покончат с ними самым решительным образом“. Согласно этому требованию Коммуна вынесла постановление о составлении в кратчайший срок списка всех учебных заведений, находящихся еще, несмотря на приказание Коммуны, в руках конгрегаций.

Этим многочисленными мероприятиями однако не исчерпывается антирелигиозная деятельность Коммуны. Революционеры нуждались в помещениях для собраний. Церкви были наиболее подходящими местами для клубов. Правда, Коммуна боялась, чтобы подобное посягательство на свободу совести не вызвало лишнего возбуждения среди враждебно настроенного населения, но принятые властями меры предосторожности не помогли. И церкви одна за другой были заняты революционными массами. В этих клубах особенно громко раздавались голоса тех, кто требовал объявления войны религии. Женщины шли в первых рядах атеистической армии. Повсюду устраивались лекции о преступлениях духовенства, газеты и клубы разоблачали их обман.

Приведем для иллюстрации несколько фактов. С амвона церкви Сан-Сюльпис 11 мая председательствовавший на собрании рабочий заявлял: „Пусть уничтожат монахи, пезитов и попов. Нужно выкинуть их из этого доха, который принадлежит нам и где Бонапарт давал пиры. Нужно вырвать их из рук наших детей и женщин, которых они воспитывают в невежестве и ненависти к социальной республике“. Таков же был смысл выступления и одной женщины 18 мая

в церкви „святой троицы“. „На наш взгляд, — сказала она, — та социальная язва, которую необходимо уничтожить в первую очередь, это — хозяева, эксплуатирующие рабочего, его пот, труд, хозяева, которые смотрят на рабочего лишь как на рабочую машину. Пусть работники объединяются, пусть они трудятся сообща, и тогда они будут счастливы. Другим пороком современного общества являются богачи, которые много пьют и много веселятся, но совершенно не трудятся. Их необходимо искоренить так же, как попов и монахов. Мы будем счастливы только тогда, когда избавимся от хозяев, богачей и собственников“.

Не будет больше ни попов, ни буржуа — таков был лозунг, под которым развивалась антирелигиозная пропаганда первого рабочего государства — Парижской коммуны.

Материалы сборника прекрасно свидетельствуют об этом постепенном развитии и углублении социально-революционного содержания атеистического движения 1871 г. Приведенные у нас признания священника, отрекшегося от сана, говорят о том, что в широких массах вначале все еще царило не столько антирелигиозное, сколько антицерковное настроение. Священник разоблачает церковь и духовенство, говорит о том, как он, жертва трепета и страха, был захвачен колесами ужасной машины, как невыразимо страдал, как вырывался из этого механизма весь покрытый ушибами и сипяками. Кюрэ рассказывает нам, как постепенно переходил он от идеализма к материализму, увлеченный образами 1793 г., и как вместе с тем он уходил из-под власти имущих, желая помочь трудящимся массам. Документ этот интересен не только как свидетельство о раскаянии священника, — его значение в том, что он показывает нам широко распространенное антицерковное движение масс, заславившее не только данного священника, но и целый ряд других поспешно сложив с себя священнический сан, как делали их собратья осенью 1793 г., и перейти на службу революции.

Еще более характерны статьи из популярной, фотографически отражающей настроения парижских масс газеты „Мапаша Дюшен“ („Пер Дюшен“). В грубой форме редакторы этой газеты проводили, правда, довольно умеренную политическую линию якобинско-бланкистского большинства Коммуны. Начав с антицерковной пропаганды, с требования отделения церкви от государства, с требования конфискации церковных земель и имущества духовенства, газета постепенно, шаг за шагом, переходила к требованию террора против контрреволюционного духовенства и к антирелигиозной пропаганде, сочетая ее со все более и более популярными социальными

лозунгами. В одном из своих последних номеров „Пер Дюшен“ пишет:

„Всех тех, кто уже 80 лет бросает палки в колеса прогресса, быстро движущегося вперед, несмотря на все препятствия, изгоним из наших рядов, изгоним всех тех, кто изво всех сил мешал революции, пробившейся наверх из народных недр... Ныне революция спершилась! Красное знамя не может склониться перед сутанами попов! Да здравствует Коммуна! Долой всех тех, кто противодействует ее утверждению! Позор тем, кто проповедует невежество, кто тащит людей к костости, кто тянет к деспотизму, к эксплуатации нищеты богатством, к торжеству капитала. Старый мир потерпел крах, ничего из прошлого не должно вылезть из-под его обломков“...

Этот путь углубления антирелигиозной пропаганды соответствовал всему развитию событий в Коммуне, которая возникла 18 марта как протест пирокит масс против измены буржуазии и быстро оформилась как революция пролетариата с широкой социальной программой.

Углубление антирелигиозной пропаганды привело к обыскам и арестам духовенства. „Тайны церкви“ постепенно были разоблачены. Народные массы на примерах обучались тому, что несла с собой религия, се обман стал очевидным для всех. 24 апреля в одном из писем в редакцию газеты „Коммуна“ сообщали, что в церкви святого Лаврентия в подземельи найдены были скелеты женщин. Тогда парижане вспомнили, что уже давно говорили в стоице о заточении людей священниками этой церкви. Но в эпоху империи дело было забыто. Назначенная Коммуной комиссия смогла опубликовать свой протокол только 24 мая. Она выяснила, что священники нередко похищали женщин, преимущественно из монастырей и приютов для сирот. Вскоре подобные „дела“ были раскрыты и в монастыре Пиктос, где найдены были в подземельи несколько живых женщин; их содержали там как умалишенных. Та же газета „Коммуна“ 6 мая давала отчет об этом событии. „Монастыри, — писала газета, — являющиеся и всегда являющиеся не чем иным, как домом терпимости для священников, капуцинов и членов конгрегаций“.

Революция в конце мая угрожала опасностью. От общих гучанных разговоров надо было перейти к решительным действиям против контрреволюции. 5 мая был издан декрет о заложниках; декрет этот был принят после ожесточенной борьбы в рядах самой Коммуны. Статья 5-я декрета заявляла: „Всякая казнь военнопленных или сторонников законного правительства Парижской коммуны будет иметь немедленное следствие — казнь в тройном числе заложников“. Эта мера не могла не

обрушиться прежде всего на попов. В конце мая газеты Коммуны писали, что солдаты, у которых на груди вышито белое сердечко, дерутся в передовых рядах рука-об-руку с полицией и с жандармами. „Серые сутаны этих папских зуавов пахнут порохом и кровью. „Да здравствует король!“ Церковь подает руку полиции!... Перед лицом общего врага — революции — произошло объединение врагов Коммуны. „Либо старый мир, т. е. деспотизм и монархия, католическая церковь и эксплуататоры — еще раз продиктуют нам свою волю, либо из всех потрясений родится победа!“. Так начались в половине апреля массовые аресты духовенства. Среди арестованных попов находилось несколько явных представителей высшего духовенства, между ними парижский архиепископ Дарбуа. Он был взят как заложник за Бланки. „Мы упраздним бога! — писал журналист Коммуны. Наши собаки не хотят только смотреть на епископов, они их хватают. Не раздастся ни одного проклятия нам в тот день, когда архиепископ Дарбуа будет нами расстрелян!“

Но на защиту архиепископа выступил весь дипломатический корпус, а представитель русского правительства в Версале Окунев переслал Александру II просьбу французского духовенства, которая имела целью побудить представителей России, Англии и Австрии освободить из тюрьмы революционной Коммуны архиепископа, задержанного ею в качестве заложника. Окунев писал, что в тюрьмах Коммуны сидят еще 60 парижских кюре. Но Тьер отказался освободить Бланки в обмен на Дарбуа. Приведенное нами в сборнике письмо аббата Терона русскому послу — характерный документ, свидетельствующий о ненависти духовенства к Коммуне. „Тому, кто вырвет лучшего архиепископа нашего времени из рук мучителей, возможно палачей, — писал Терон, — не придется краснеть перед своими соотечественниками — его деяния будут вписаны в историю человечества как акт человеколюбия“.

Мы знаем, что в расстрелах коммунаров священники принимали самое активное участие. Об этих фактах сообщает в своих воспоминаниях Лиссагаре, и не только он один. Попы издевались над коммунарами в последнюю минуту перед расстрелом, они играли роль провокаторов, они сами хватали людей. Стоит вспомнить арест Варлена священником, который ждал ему за заключение в тюрьме во время Коммуны. А позже, после поражения Коммуны, во главе белого террора наряду с буржуа, генералами стояли и попы. После подавления Коммуны, пользуясь страхом буржуазии, они хотели наверстать потерянное Духовенство, следуя призыву римского папы, объявившего войну всей передовой части европейского общества.

Министр внутренних дел Казимир Перье в особом циркуляре приказывал кюре на помощь для уничтожения той социальной опасности, которая угрожает буржуазному обществу со стороны пролетариата. И эту поддержку правительство реакции готово было добыть любой ценой.

Спустя несколько месяцев после поражения Коммуны клерикалы издали брошюру, в которой без всякого стеснения писали: „Поскольку мы видим прогресс в сторону варварства, безнравственности и преступлений. Революция — вот причина всему. В этом нужно искать основания тем разрушениям, которые начаты были людьми 89 года и их законными наследниками, черзавачи 93 года. Для нашей Французской республики — скверная вещь. Умеренная в этом случае не отличается от более крайней, она — только мост, ведущий от христианской монархии к Коммуне. Революционеры и республиканцы (на практике это одно и то же) — враги религии. Они — враги нашей национальной славы!“

В борьбе против всякой попытки освобождения народного просвещения от монополии духовенства последнее апеллировало к идеалам средневековья, утверждая, что в VII—XIII вв. было больше школ, чем в настоящее время. Реакция победила, и Третья республика вышла из поражений Парижской коммуны не чем иным, как монархией, окруженной псевдореспубликанскими и клерикальными учреждениями. В этой республике господствовала „троянка“: „Святая троица! Мы все в твоей петле. Поп, ростовщик, жандарм — их трое на земле. Жизнь, воровство и смерть — вот три ипостаси бога“. Огромная роль католического духовенства в республике объясняется общей причиной — поражением пролетариата.

Тридцать лет буржуазная республика затратила после поражения Коммуны, чтобы вернуться снова к закону об отделении церкви от государства. Католическое духовенство окрепло, церкви и монастыри богатели, реакция и монархисты находили в них своих лучших союзников, но буржуа-республиканцы, опасаясь революции, мирились с господством черной сутаны. И только к началу XX в., когда дело Дрейфуса, а главное — рост рабочего движения потребовали изменения их политики, они от подавления революции с помощью попа пошли по новому пути ее удушения, — путем ничиных уступок трудящимся и ограничения монополии церкви. В 1905 г. Комбом был проведен закон об отделении церкви от государства, который конечно был далек от радикализма декрета Коммуны 2 апреля. Буржуа-республиканцы сохранили за духовенством солидное обеспечение, не отняли всех богатств церкви и монастырей, а главное, сохранили за духовенством широкие возможности

воспитывать массы в религиозном духе. Как в годы империи Наполеона III, так и во время Республики атеизм оставался составной частью революционной пропаганды пролетариата.

В наши дни союз буржуазии с католической церковью — характерная особенность государственной политики капиталистических государств. К Риму обращаются не только фашистские правительства Германии и Италии, но и „либеральные“ владыки Франции. Фашист фон-Паппен и социал-фашист Поль Бонкур равно заинтересованы в его содействии. Кампания против СССР, возглавляемая папой, нашла поддержку не только в капиталистических кругах, но и во II Интернационале. Последовательную и непримиримую борьбу за освобождение общества от власти церкви ведет только пролетариат под революционным знаменем коммунизма.

Парижский коммунал заканчиваются революции XIX в. Будучи завершением того революционного движения, которое началось в эпоху великой якобинской диктатуры конца XVIII в., Коммуна была вместе с тем началом новой победоносной революции, революции пролетариата. Ее прямыми предшественниками были июньские бои 1848 г., ее наследником стал революционный пролетариат России.

В Советском Союзе борьба с церковью и духовенством была проведена радикальным образом, попы лишены власти, церковь — принадлежащих ей ценностей, школы освобождены от поповского влияния. Эти мероприятия были дополнены продуманной и систематически проводимой антирелигиозной программой пропаганды и агитации, воспитания масс. „Религия — опиум для народа“, — таков лозунг нашей революции. То, что было массами только намечено осенью 1793 г., то, что пыталась осуществить Коммуна 1871 г., реализовала революция 1917 г. Атеизм получил впервые в истории поле для своей деятельности, и успех ему обеспечен потому, что ликвидация классов в Советском Союзе, построение социализма вконец разрушает самый фундамент религии. В Советском Союзе атеизм не только провозглашен как система идей, но и осуществлен как система учреждений в реальной жизни. В стране, где царит труд, где производством руководит пролетариат, где разоблачен до конца фетишизм религии и свергнуты фетиши буржуазии, идея бога потеряла свой смысл, она стала бессмыслицей, как идея дара и полицейского. Люди больше не нуждаются, говоря словами Прудона, в этой „гипотезе невежества“. С построением социализма впервые в истории создаются объективные и субъективные условия для торжества атеизма не только в сознании образованного меньшинства, но и подавляющего большинства трудящихся масс. Ц. Фридланд.

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН — СТАЛИН О РЕЛИГИИ И БОРЬБЕ С НЕЙ

1

Человек создает религию, религия не создает человека. Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя. Но человек — не абстрактное, вне мира выходящее существо. Человек, это — мир человека, государство, общество. Это государство, это общество создают религию, превращают мирознание, ибо сами они — превращают мир. Религия есть общая теория этого мира, его андидологическая сводка, его логика в популярной форме, его спиритуалистический *point d'honneur**, его антуизм, его моральная санкция, его торжественное завершение, его общая основа, дающая ему утешение и оправдание. Она — фантастическое воплощение человеческого существа, ибо человеческое существо не обладает истинной действительностью. Таким образом, борьба против религии есть косвенно борьба против того мира, духовным ароматом которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительности нищеты и протест против действительной нищеты. Религия, это — вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — опиум народа.

Упразднение религии, как призрачного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказаться от иллюзии о своем положении есть требование отказаться от положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть следовательно в зародыше критика той юдоли плача, священной ореолом которой является религия.

Критика сорвала воображаемые цветы с цепей не затем,

* Вопрос чести.

чтобы человек носил грязные, безнадежные цепи, а затем, чтобы он сбросил цепи и срывал живые цветы. Критика религии разочаровывает человека, чтобы он мыслит, действовал, развивал свою действительность, как разочарованный, обрзавшийся человек, чтобы он двинулся вокруг себя самого и своего действительного солнца. Религия есть лишь призрачное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начнет двигаться вокруг себя самого.

Таким образом, с тех пор как исчезла правда взнезманная, задача истории — восстановить земную правду. Ближайшая задача философии, находящейся на службе истории, с тех пор как разоблачен священный образ человеческого самоотчуждения, состоит в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его неосознанных образах. Критика неба обращается таким образом в критику земли, критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики.

К. Маркс — К критике гегелевской философии права (1843).

2

Социальные принципы христианства имели в своем расхождении 1800 лет, чтобы развиваться, и ни в какой дальнейшей пропаганде со стороны прусских консисторских советников не нуждаются.

Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также в случае нужды защитить, хотя и с жалкой grimасой, современное угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов — господствующего и поражаемого — и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал.

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанное консисторским советником вознаграждение за все перепененные на земле мерзости и тем самым оправдывают прохождение этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства провозглашают все глупости угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости испосылает испуленным им людям.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоотчуждение, почитание, смирение. — словом, все качества черни; но для пролетариата, ко-

торый не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать прощальности и ханжества, пролетариат же — революционер.

Вот как дело обстоит с социальными принципами христианства.

К. Маркс — Коммунизм „Рейнского обозревателя“ (1847).

3

Религиозный мир есть только рефлекс реального мира. Для общества товаропроизводителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д. При древне-азиатских, античных и т. д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая однако становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы, торговые в собственном смысле этого слова, существуют лишь в междумировых пространствах старого мира, как боги Эпикура¹, или как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны по своему устройству, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуупины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта реальная связанность отражается идеально в древних естественных и народных религиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя чисти-

ческое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для такого общества необходима определенная материальная основа, или ряд определенных материальных условий существования, которые в свою очередь представляют естественный выросший продукт длительного и мучительного процесса развития.

К. Маркс — Канцал, т. I (1867).

4

Уничтожив регулярную армию и полицию — эти орудия материальной силы старого правительства, — Коммуна приступила немедленно к сокрушению власти духовенства, этого орудия духовного порабощения: она декретировала ликвидацию и экспроприацию всех церквей, поскольку они были корпоративными, владеличными и имущественными. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей и, подобно их предшественникам — апостолам, жить милостыней верующих. Все учебные заведения, поставленные вне влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом школьное образование сделалось доступным всем: с науки были сняты оковы, наложенные классовыми предрассудками и правительственной властью...

К. Маркс — Гражданская война во Франции в 1871 г. (1871).

5

Наши бланкисты имеют то общее с бакунистами, что они хотят быть представителями самого крайнего направления, хотят идти дальше всех. Потому-то — заметим мимоходом — они и пользуются перекто теми же средствами, что и бакунисты, хотя и для достижения противоположных целей. Итак, требуется быть радикальнее всех по части атеизма. В настоящее время, к счастью, атеизмом быть уже не трудно. У европейских рабочих партий атеизм является неразрывно связанным с социализмом, хотя в некоторых странах он довольно часто напоминает собою атеизм того испанского бакуниста, который говорил: веровать в бога — противно всякому социализму, но веровать в дева Марию — это совсем другое дело, в нее естественно должен веровать всякий порядочный социалист. Относительно огромного большинства немецких рабочих — социал-демократов можно даже сказать, что для них атеизм — уже пройденная ступень: это слово, имеющее чисто отрицательное значение, неприменимо

к ним, так как они выступают уже не теоретическими, а только практическими противниками религии, они покончили с идеей бога, они живут и мыслят в мире действительности и являются поэтому материалистами. То же будет, вероятно, и во Франции. А если нет, то всего проще было бы позаботиться о том, чтобы среди рабочих была распространена в громадном количестве блестящая французская материалистическая литература XVIII в., — та литература, которая — со стороны формы и содержания — представляет собою до сих пор величайшее создание французского гения, которая по своему содержанию, принятым во внимание тогдашнее состояние науки, и теперь еще стоит на недостижимой высоте, а по форме и теперь еще не имеет ничего себе равного. По нашим бланкистам до всего этого нет дела. Чтобы показать, что они всех радикальнее, они — по примеру революционеров 1793 г. — отменяют бога декретом: „Пусть Коммуна навсегда освободит человечество от этого призрака бедствий прошлого (т. е. бога), от этой причины (несуществующий бог — причина!) всех бедствий настоящего. В Коммуне нет места для священника; всякая религиозная манифестация, всякая религиозная организация должны быть запрещены“. И это требование — о превращении людей *par ordre du mufti* (по приказу муфтия) ² в атеистов — подписано двумя членами Коммуны ³, которые имели, кажется, случай вполне убедиться, во-первых, в том, что на бумаге можно приказывать очень-очень многое, но этого еще недостаточно для того, чтобы приказание было исполнено, а во-вторых, в том, что преследования являются лучшим средством к укреплению нежелательных убеждений! Несомненно одно: единственная услуга, которую можно еще оказать теперь религии, это — объявить атеизм обязательным символом веры и, переделав все бисмарковские законы против церкви, запретить вообще всякую религию.

Ф. Энгельс — Программа коммунаров-бланкистов (1893).

6

Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший историческую традицию материализма XVIII в. во Франции и Фейербаха ⁴ (1-я половина XIX в.) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь „Анти-Дюринг“ Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга ⁵ в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии.

Напомним, что в своем сочинении о Людовике Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подмены, сочинения новой, "вымышленной" религии и т. п. Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мировоззрения марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всеческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса.

В то же время однако Энгельс неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть "дешеве" или "революционнее" социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявление войны религии. В 1874 г., говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отрицание религии. Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять то, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне влияющая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза.

В. И. Ленин — Об отношении рабочей партии к религии (1909).

7

Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. По марксизму не есть материализм, основывающийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *здесь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической пропагандой, нельзя сводить к такой пропаганде; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в остальных слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, — отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша

задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубокий, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии.

В современных капиталистических странах это — корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед *сильными* силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежедневно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений радowym рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события, вроде войн, землетрясений и т. д. — вот в чем самый глубокий современный корень религии. "Страх создал богов". Страх перед силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит "внезапное", "неожиданное", "случайное" разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитала, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

В. И. Ленин — Об отношении рабочей партии к религии (1909).

8

Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Тот, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной опиумной, в которой рабы капитала тонят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

По раб, сознавший свое рабство и полинявший на него, бегу,

за свое освобождение, папологию перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханж, завоевывал себе лучшую жизнь здесь на земле. Современный пролетариат становится па сторону социализма, который привлекает к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сличивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь.

В. И. Ленин — Социализм и религия (1905).

9

11 вопрос Мы знаем, что некоторые хорошие коммунисты не совсем согласны с требованием компартии, чтобы все новые члены были агностики, ибо в настоящее время реакционное духовенство подавлено. Могла ли бы компартия в будущем быть нейтральной по отношению к религии, которая бы поддерживала всю науку в целом и не противостояла бы коммунизму? Могли ли бы вы в будущем разрешить членам партии придерживаться религиозных убеждений, если последние не расхолись бы с партийной лояльностью?

Ответ. В этом вопросе несколько неточностей. Во-первых, я не знаю таких „хороших коммунистов“, о которых толкует здесь делегация. Едва ли вообще такие коммунисты существуют в природе. Во-вторых, я должен заявить, что, говоря формально, у нас нет таких условий приема в члены партии, которые бы требовали от кандидата в члены партии обязательного атеизма. Наши условия приема в партию: принятие программы и устава партии, безусловное подчинение решениям партии и ее органов, членские взносы, вхождение в одну из организаций партии.

Один из делегатов Я очень часто читаю, что исключают из партии за то, что верят в бога.

Сталин. Я могу лишь повторить уже сказанное об условиях приема в партию. Других условий у нас нет.

Значит ли это, что партия нейтральна в отношении религии? Нет, не значит. Мы ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков. Законодательство страны таково, что каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив сво-

боду вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке. Такие случаи, как в Америке, где осудили недавно дарвинистов⁶, у нас невозможны, потому что партия ведет политику всемерного отстаивания науки. Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы и пропагандирующего повиновение этим классам. Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Лиги религиозной пропаганды является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким „коммунистам“ не место в рядах нашей партии.

И. Сталин — Беседа с первой американской рабочей делегацией (9 сентября 1927 г.)

Примечания

I. Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин о религии и борьбе с ней.

1. ЭПИКУР (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, развивший атомистическое учение величайшего материалиста древности, Демокрита. Школа, основанная Эпикуром и просуществовавшая около 600 лет, неизменно служила рассадником атеистических идей и настроений. Отрицал существование сверхъестественных сил, потустороннего мира и бессмертия души, Эпикур все же учил, что боги существуют. Боги Эпикура однако столь бездеятельны (он отрицает всякое вмешательство их в жизнь мира и людей), что в них приходится видеть простой привесок к системе великого философа, безбожной по своему существу.

2. Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман, авторитетный толкователь корана. „По приказу муфтия“ — по приказу свыше.

3. Имеются в виду члены коммуны — Вальи и Мортье. Последнему принадлежит следующее заявление в заседании коммуны 14 мая: „Если бы Комитет общественной безопасности распорядился очистить или закрыть все церкви Парижа, он только предупредил бы мои желания“. Мортье, выражая мнение атеистов-бланкистов, высказал желание, чтобы церковные здания были превращены в учреждения, где „свободно дышала бы проповедь атеизма, уничтожая с помощью науки старые предрассудки, которыми шайка иезуитов сумела забить мозги невежественных людей“.

4. ФЕЙЕРБАХ, Людвиг (1804—1872) — немецкий философ, от левого гегельянства пришедший к метафизическому материализму (в противоположность Марксу и Энгельсу он не преодолел и не очистил гегелевской диалектики, а просто отбросил ее). Беспомощность системы Фейербаха дала себя знать прежде всего в постановке социальных проблем. Несмотря на то, что материализм и атеизм не получили у Фейербаха законченного характера (всем существующим религиям Фейербах противопоставлял „религию без бога“, „религию человечества“), его сочинения („Сущность христианства“, „Основы философии будущего“ и др.) в свое время нанесли сильный удар идеализму и религии. Они оказали значительное влияние на философское развитие молодых Маркса и Энгельса, которые, преодолев Гегеля, отталкиваясь от Фейербаха и критикуя его, пришли к диалектическому материализму. См. „Немецкая идеология“ Маркса — Энгельса и „Людвиг Фейербах“ Энгельса.

5. ДЮРИНГ, Евгений (1833—1920) — немецкий философ, математик и экономист, ярый противник пролетарского социализма и атеизма, выступавший против Дарвина и Маркса. Уничтожающая критика его взглядов дана Ф. Энгельсом в „Анти-Дюринге“. В настоящее время идеями Дюринга заигрывают фашисты.

6. В 1925 г. в некоторых штатах САСШ (Теннесси и др.) цер-

ковниками во главе с известным мракобесом брайаном была начата погромная агитация против дарвинизма как „угрозы религии и цивилизации“. Агитация эта, поддержанная властями, привела к запрещению преподавания дарвинизма в школах и к осуждению ряда учителей (Скопса, Бимби и др.) за приверженность к эволюционной теории (знаменитые „обезьяньи процессы“ в городе Дайтоне и других местах).

ощущение своего скотства, христианство, указывая перстом на просвещенного человека, говорит: „Вот этот смеет говорить тебе, что ты — „сын обезьяны“. — „Я — сын обезьяны?!“ — рычит тигр, готовясь к прыжку.

Жертва, которую готовы растерзать адепты спиритуализма, спокойно отвечает: „Да, это правда, с течением времени, в процессе многовекового развития обезьяна превратилась в человека. Но вы и все ваши, вы все, несчастные, хотели бы превратить человека в обезьяну!“ Ризница отныне имеет в своем палаческом арсенале еще одно орудие пытки: теорию Дарвина⁸. Отныне обезьяна загрызает собаку во всех воплях попов, направленных к разжиганию кровожадности у суеверной паствы.

Спиритуализм не имеет других аргументов, кроме оскорблений, угроз, насилия. Он пытается сокрушить своего противника всей тяжестью своего презрения, тем, что ставит его вне рядов человечества, тем, что отказывает ему в совести. Он вопит:

„Лишь один человек среди всех живых существ имеет совесть, а следовательно и бессмертную душу, ибо лишь он один различает между добром и злом и предвидит кару и воздаяние“.

Великолепно, милостивый государь! Многие животные имеют ту совесть, о которой говорят богопоклонники, т. е. способность сравнивать кару и награду. Собака отлично различает добро, заключающееся в протянутой ей кости, и зло, исходящее от удара бича. Собака никогда не путает и с величайшим страхом убегает, когда у нее *совесть* не спокойна. Крикеры собаки абсолютно тождественны критерию спиритуалиста, ведь и собака отличает добро от зла по награде и каре.

„Софизм! — могут нам сказать, — грубейшая путаница: собака ведь судит лишь по грубым результатам того или иного явления. Лишь кара сама по себе дает ей почувствовать, что ею совершено что-то плохое. Замените наказание наградой или награду наказанием в отношении одного и того же поступка, и у собаки создастся совершенно превратное представление о добре и зле. Человек же, напротив, имеет совершенно твердое представление о справедливом и несправедливом, чувство добра и зла у него совершенно независимо от возмездия за тот или иной поступок“. Но, простите, друзья, один из ваших единомышленников держался именно того мнения, которое приведено выше. Он совершенно отчетливо говорит: „Народ судит о тяжести преступления лишь по тяжести наказания“. И криминалисты также все держатся его мнения. Именно

наказуемость того или иного поступка и самая мера наказания служат признаком и мерой наказания как для человека, так и для собаки. Прекрасные слова о том, что „не плаха, а преступление является позором“, остаются скорбным воплем. На деле везде, во всей истории лишь плаха служит в глазах черни и преступлением и позором. Таким образом мораль уголовного кодекса и религии, вся спиритуалистическая мораль, оказывается собачьей моралью, моралью палки и кости. Материалистическая же мораль, основанная на солидарности, является одновременно и продуктом и залогом человеческой социальности. Так как индивид неотделим от общества, так как интересы личности и общества столь неразрывно между собой связаны, что их нельзя даже представлять себе раздельно, то и мораль для материалиста является не одним только долгом,

она — потребность для всех членов великой семьи. Если угодно, материалистическая мораль остается личным интересом, но очищенным, разросшимся до гигантских размеров, получившим одно из наиболее возвышенных выражений в следующей формуле: „Наноси рану своему ближнему, ты наносишь рану самому себе“. Здесь уж нет ничего от того узкого и низменного расчета богопоклонников, которые повинуются либо страху, либо надежде.

2. АТЕИЗМ И СПИРИТУАЛИЗМ *

Арика, перуанский порт, является одним из многочисленных городов, разрушенных ужасным землетрясением, которое поколебало весь массив Анд 13 августа 1868 г.

Английский вице-консул, г. Педжен, описал эту катастрофу. Он рассказывает о том, как обрушивались здания, как море отступило далеко назад, чтобы потом ринуться на город, снести и расшвырять все, что осталось от полуразвалившихся городских сооружений. Самому консулу удалось во время бежать мимо обваливающихся домов, мимо трупов, мимо агонизирующих жертв. Описывая свое бегство, он восклицает: „При виде этого ужасного зрелища я благодарил бога с сердцем, исполненным признательности за то, что он пощадил мою жизнь, жизнь моей жены и моих бедных детей“.

Книга падает из рук при чтении этих напыщенных строк. Как? Благодарность такому бестошадному истребителю! Что бедней был счастлив после спасения его семьи, представить себе не трудно. Но из уважения к этим горам трупов и из жалости к этим агонизирующим детям и женщинам он должен был воздержаться от всяких благословений и благодарностей по адресу их убийцы! О, эта адская идея о всемогущей воле, о, эта извращенность сердца, эта душевная грязь! Вот посреди поля смерти стоит человек, вопиющий осанку по адресу владыки, который спас его самого и его близких! А остальные миллионы, которых он не пощадил? — „Ах, тем хуже! Бог и я! Провались все остальное!“.

Епископы однако молчат по этому поводу. Они не были столь застенчивы после холеры и наводнений в бассейне Дуаяры. Тогда они в своих окружных посланиях заставляли свою расносоную армию вопить в уши народа о небесных карах. Ныне они что-то меньше торопятся изобразить великое американское бедствие как подвиг небесного палача. Понялай ли

они, что это шарлатанское издевательство над общепризнанными бедствиями слишком потрлело совесть многих, слишком резко разоблачило их ужасного Молоха? ¹ Или, может быть, они не осмеливаются проронить хотя бы слово потому, что их Иегова оказался на этот раз таким злодеем или таким неуклюжим, что выбрал себе в жертву как раз самую папистскую страну во всем мире? Как бы там ни было, епископы молчат. Но можно быть спокойным: низшие расносопы там, на местах, не перестанут действовать в том же духе, что и раньше. Полное невежество их паствы дает им в этом отношении достаточную свободу. Действуя именем небесного палача, они имеют полную возможность укреплять и утверждать суеверие, в сотни раз более гибельное для Южной Америки, чем все судороги землн. Колесания земли минуют, а католический яд остается и продолжает свое губительное действие. Он наполняет души страхом перед какой-то безграничной силой, жадной до человеческих страданий, в любой момент готовой сокрушить без всякого разбора невинных и виновных. Горе тому, кто осмелится входить в обсуждение справедливости всех капризов этой силы и не благословлять как величайшее благодеяние самые кровавые ее проявления!

Какой гнусный сервиллизм! Безупречно не проходит такое рабское преклонение перед разнузданным разгулом насилия! Оно губит душу, которая превращается в какой-то ком грязи. Поклонение всемогуществу в его самых отвратительных, в его самых несправедливых проявлениях — это уничтожение характеров, это подавление воли, это отрицание морали, это источник всякого позорного бесчестия! От веровавших, культивирующих такое поклонение, не ждите ничего, кроме низости, предательства, бесчувственности, всяческих пороков. Идея бога совершенно не в состоянии дать какие-нибудь иные плоды!

Бог! Несolidарность, раскол, разделение, взаимные раздоры! Вампир, пущенный в среду людей, чтобы разделить их, сделать их взаимными врагами. „Бог и я!“ — вот клич верующего, позорный клич, разрушающий совесть. Ничего не жалко, чтобы завоевать благосклонность господина, сделать его Венз-людином, его самым возлюбленным. Бог в какой вечной лихорадке пребывает набожный человек, вот яд, который убивает в его сердце всякое чувство привязанности, который делает его образом жестокости и наездности. До тех пор, пока эта мерзкая идея не будет уничтожена, до тех пор, пока бог будет дарить в сознании людей, насилие будет господствовать в отношениях этих людей, несправедливость и варварство законов. Истребим этот корень всякого зла, если мы хотим,

* „Ni Dieu, ni Maitre“ №№ 70, 71, 78, 1870 г.

чтобы мир и справедливость утвердился наконец на земле!

Молитва, которую превозносят как добродетель, которая является предметом всеобщего уважения, есть не что иное, как взрыв эгоизма, пресмыкательство перед силой, пропашайничество, бунт против законов природы. Молить господа бога, хотя бы за сына или за мать, это означает не что иное, как выпрашивать у какой-то непреодолимой силы нарушения порядка и справедливости. В одном месте молятся во имя скорби и печальности, но в другом месте молятся во имя преступления.

Идея бога губительна, ибо она приписывает некоему разумному существу ради его прославления роль слепой силы, поглощенной исключительности тем, чтобы разрушать, растирать в порошок миллионы существовавших ради создания новых.

Какое кровавое оскорбление наносится разуму такого рода прославлением! Нет, мысль не может быть автором и творцом этого ужасного механизма, она, напротив, является скромной и благодеющей каплей масла, которая пытается смягчить вращение безжалостных шестерен гигантской машины. Разве не чудовищем был бы архитектор, который способен был бы разработать и осуществить подобный жестокий план вселенной, какой мы обнаруживаем на каждом шагу? Как продукт слепой рока, как сцепление слепых сил, подобный план может быть еще переносим более или менее равнодушно, но как измышление какого-то разумного существа это — тирания, подавляющая и оскотинивающая.

Из двух этих объяснений человек из гордости и невежества выбрал рабское объяснение. Умозаключая по работе собственной мысли о существовании какого-то бесконечного разума, он выслал бога по собственному своему образу и горделиво возвел его в звание царя — творца вселенной. Ну, а потом, чего ж удивлялись тем ужасам, которые совершаются религиями, простиравшимися ниц перед фантастическим деспотом, пред гнилыми убийцей, разищим свои жертвы без устали и жалости! Его пытаются заклясть и умолять добродетельными жертвами. Миллионы человеческих жизней были принесены к подножию его алтарей, потоками текла кровь для насыщения голода, для утоления жажды ненасытного идола. Нет ни одной религии, которая не имела бы страха и трепета в качестве основного начала и жизненстремления — в качестве культа. Самая свирепая из религий — христианство — воздвигла смерть в качестве знамени и утвердила своего кровавого бога на троне из пламени.

Посмотрите на зеленеющий склон холма, на развевываю-

щуюся по этому склону длинную вереницу мужчин и женщин. Небо чисто, в воздухе не слышно ни мадейшего дуновения. Жемчужная роса сверкает на каждой былинке. Ликующее майское солнце совершает свой утренний путь, согревая первыми лучами животворящую свежесть леса с его сладкими ароматами. Где-то в листьях соловей рассыпает свои переливчатые трели и жаворонок, кунаясь в сияющем воздухе, приветствует своей всеюлой болтовней пробуждение природы...

Но что это за унылое, жалобное пение, которое среди всего этого ликования, подобно рыданию, несется к небу: „Помилуй, господи, помилуй народ твой, вожди не гневайся на нас“.

Это — вопль муки и страха, с которым толпа обращается к мрачному самодержцу, вопль, которым хотят отравить его гнев и его опустошительные действия. В настоящую минуту земля полна самых радостных обетований. Но ведь может быть, что где-то за всем этим великолепием кроется черное облачко, грозный вестник непреодолимого повелителя бурь. Может быть, где-нибудь собирается уже градовая туча, несущая гибель плодам столь упорного и утомительного труда, насущной пище тысяч людей. Селяне трепещут. Им кажется, что когда они выйдут из своих домов, то их молящиеся голоса скорее будут услышаны господом и легче найдут путь к его сердцу. „Помилуй, господи, помилуй народ твой, вожди не гневайся на нас“.

Однообразное и мрачное пение продолжается с перерывами, которые похожи на ожидание, на прислушивание, дошла ли жалоба к подножию трона всемогущего. Где-то вдали теряется его голос. Соловей продолжает свою любовную песню в чаще лесов, жаворонок, паря в небесной лазури, продолжает свое радостное щебетание.

Медленно движется вперед от поля к полю унылая процессия молящихся. Наконец она поворачивает обратно к селению, распевая все те же траурные гимны. Тихие моления! Черная точка появляется на горизонте и починает превращаться в тучу, заволакивающую все небо. Жаворонок и соловей умолкают. Пачинает грохотать гром, злое свертывает молния. Потерявшие голову земледельцы устремляются снова к божьему храму, чтобы еще раз попытаться умолять Иегову. Увы, лишь звуки града являются ответом на их молитвы, града, хлещущего тучные нивы и разрывающего в клочья их роскошное убранство.

Глупцы и безумцы! Этот бог, которому вы молитесь, ваша надежда и предмет вашего страха, не что иное как иллюзия.

Вы зря тратите время у его алтарей, вы зря истощаете свою энергию в воплях к нему. Никто не повелевает природе, рабыне своих собственных непоколебимых законов.

Это она рождает вашу жатку, и она же губит ее с одинаковой щедростью и с одинаковым безразличием. Ищите защиты у науки, и еще больше у человеческого братства, которое не является пустым словом. Вот единственная спасительная сила, и никакая другая вам помочь не может. Пусть люди помогают друг другу, и они в своем единении обретут спасительное оружие против слепых случайностей и сцеплений, которые управляют миром. Все остальное химера и бред.

К несчастью, для христианина наводнение, град, засуха, землетрясение являются не явлениями природы, а проявлениями божественного гнева. Это, мол, оскорбленный и обиженный всевышний карает преступника, совершившего оскорбительный проступок, и невинного, попустительствующего преступнику. Горе же нечестивцу! Его казнь должна искупить его преступление и предотвратить действие небесной мести.

Откройте историю! Все религиозные жестокости оправдываются и объясняются одной короткой формулой: „Отомстить за бога“. Любая фраза, расходящаяся с правове́рием, любая небрежность в совершении обрядов оказываются преступлениями, достойными смерти. Трепещущие легковверие служат платформой для пылающих костров. Рычание и завывание жертв служат в веках свидетельством величия и могущества предвечного.

Христос побеждает, христос царствует, христос повелевает. Ничего кроме бога и его служителей! Взаимные обязанности людей совершенно исчезают. Суеверие утверждается в качестве верховного владыки, а мораль упраздняется.

Богу лжи и обмана, порожденному человеческим страхом, расписку, проповедующему религиозную мораль, человек, сохранивший стремление к добру, вправе сказать:

„Не болтай так много о справедливости и жалости, варварский архитектор, сооружающий на развалинах и строящий на кладбищах. Твоя гигантская мастерская не что иное как живодерня, и смерть — твое единственное орудие! Существа, выходящие из твоих рук, рождаются единственно для страдания. Истреблять друг друга — вот закон их существования. Они пожирают и сами оказываются пожираемыми. Это бесконечная цепь взаимного удушения. Ты упрямеешь меня в убийстве невинной ласточки, но ведь сама она в состоянии жить лишь благодаря непрестанному убийству. Все твои дети — убийцы, и ты — тот, который даешь им оружие для убийства и который указываешь им жертвы.

И ты осмеливаешься вменять мне в преступление мою жестокость к слабым, мое пресмыкательство перед сильными? Далеко мне в этом отношении до тебя. Что мои преступления по сравнению с той вечной гражданской войной, которая по твоему произволу царит среди животных и которая доставляет тебе радость морями страданий! Когда ты сам, после того, как тебе паскучит роль простого зрителя, вмешиваешься в эту борьбу, то удары твои приходится только на слабых. Разве не находишь ты развлечение в пожарах, наводнениях, кораблекрушениях? Но кто же больше всего страдает обычно от твоих мерзких развлечений? Дети, женщины, старики. Стоят только появиться у тебя жажды, как выигрывают войну, и кровь сотен тысяч людей льется для утоления этой жажды“.

— „Как, ты хочешь сделать меня ответственным за все подвиги иступленных и бешеных людей в мире?“

— „Лидемер, эти иступленные и бешеные убийцы являются марionетками, которыми ты управляешь и которых ты ведеешь. Гизо и Жюль Фавр⁵ говорят это ясно. И куда же ведеешь ты их? На бойню. Холера, желтая лихорадка, голод, землетрясение, морь, засуха, град и т. д. и т. д. — все опустошительные бедствия, все это ты посылаешь на род человеческий. Ты ведь не станешь, я думаю, опровергать Дюпанлу⁶, епископа, являющегося твоим доверенным лицом“.

— „Нечестивец, как ты смеешь даже думать о том, что ты в состоянии проникнуть в непонятные пути моего промысла?“

— „Я никаку не проникаю, я только повторяю слова твоих первосвященников, твои официальные декларации. В них-то ведь не надо проникать, они ведь не нуждаются в особом толковании! Вот они-то и говорят, что ты убиваешь направо и налево за непослушание твоим служителям. В наказание за это преступление ты в состоянии заживо сжечь несколько дюжины несчастных или отправить на дно морское целую полдюжину экипажа какого-нибудь судна“.

— „Это верно, зато другая половина с великой торжественностью превозносит мое милосердие, которое спасло их, потопив их товарищей. Это свидетельство нежного братства неизменно достигает своего эффекта... все растроганно плачут“.

— „Ты разжигаешь наш эгоизм, свирепое существо. Впрочем, оп так же дело твоих рук, как и наша глупость... убивать одних, превращать в негодяев и оглулять других — вот двойственное проявление твоего могущества. Ты доставляешь себе удовольствие и развлечение нашим вырождением, трепетом и страданием всего того, что дышит, — о, чудовище, тебя

скоро разнесут вдребезги. И от души напесу свой удар киркой!"

— "Идиот! Ты ведь ударишь по пустому месту. Я по существу. Мои слова — не что иное как воображаемые голоса, звучащие в твоем собственном мозгу. Ты галлюцинируешь".

— "Прошло время галлюцинаций! Да, я это знаю, — мне известно, что ты всего только слово, ненавидящий призрак, сын обмана и лжи. Но твой кровавый идол все еще красуется на своем пьедестале. От него-то и следует избавить человечество".

Атеизму рекомендуют благоразумно замаскироваться и изменить свою вывеску. Нет! Никаких масок! Пусть атеизм подруги свои лозунги возможно выше, пусть он открыто наносит пощечины своему врагу, предрассудку, сыну, и отцу убийства. Слово „атеизм“ звучит в ушах как оскорбление и хула лишь потому, что костры в течение веков приучили людей к этому. Читал это слово на всех позорных столбах, на всех ашарфатах, толпа привыкла видеть в этом слове пароль казни и палачей. Ужас, который внушает этим людям слово „атеизм“, служит свидетельством его славы и бесчестия его противников. Это — выжженное каленым железом клеймо позора на лбу врагов атеизма. Но кровавым следам, оставленным минувшими столетиями, спиритуалистическая пещаря и ныне продолжает еще улюлюкать на атеизм. Лишь наполовину разоруженная, она продолжает изрыгать анафемы и осуждения с высоты своих сорока веков полновластия.

К счастью, эти инквизиторы, столь верные традиции, не владеют больше наследством своих предков. Железо и пламя не находятся больше в их руках. Но злоба попрежнему наполняет их сердце и попрежнему поношениями полны их уста. Они выступают в качестве надменных представителей сотен поколений убийц, и толпа, воспитанная в роковом рабстве, машинально склоняет перед ними голову... толпа, но не мы, которые слишком долго и терпеливо выносили на себе всю их свирепость.

Пора наконец поставить мерзавцев на их места! Восседали на своем бархатном кресле у до краев наполненной христианской бочки, спиритуализм черпает оттуда полными руками, чтобы бросать нам в лицо свои обвинения и клевету.

„Атеизм был бы разрушением морали, распылением всего общества, разрушением, уничтожением, смертью и т. п.". Можно привести целых три страницы подобного рода ласковых выражений. Был бы, говорят вы, просвещенные милостивые государи! Атеист на это отвечает: „Бог был и всегда является бичом рода человеческого. Вы говорите и

условно наклоняя, а мы говорим в изыскательном о том, что есть и было всегда. Вы делаете предположения, а мы опираемся на историю. Вы орудуете теориями, а мы — непрекращаемыми фактами. По сей день зло дарит на земле. Кто за это ответствен? Исключительно руководящая и господствующая идея, идея бога.

Разве станете вы отрицать абсолютное могущество бога? Где вы можете указать соперников бога, мешавших ему устранить зло на земле? Разве можете вы указать на атеистов? Какой народ до сих пор хоть раз проводил атеизм в своих законах? Каким религия когда-нибудь наталкивалась на помеху ирравления своего могущества? Не было никогда ни одного правительства, ни одной партии, ни даже школы, которые мешали бы религии! Нигде религии не приходилось бороться с преследованиями. Атеизм еще нигде не мог себя проявить. Он не имел еще борцов, если не считать отдельных мучеников, эти разрозненные светящиеся точки, которые вспыхивали то тут, то там среди нашего мрака и которые сейчас же гасились насильем. На атеизме нет ни одного пятнышка крови, если не считать его собственной. Его страница в истории чиста и бела, ваша — черна от преступлений.

Вы управляете миром с тех пор, как существуют человеческие летоисчисления. Что же вы сделали, чего вы добились? Вы разрушили и уничтожили одно за другим все человеческие общества, подвальные вам; ведь общества умирают лишь в силу их верований. Их вера, это — их душа, а их душой по сие время является ваш спиритуализм! Все, что делается, все, что говорится среди людей, это ваших рук дело. Баланс очень печален. Этот баланс можно составить, подводя итог минувшим векам. Ваш спиритуализм погрузил в застой или даже погрузил обманутые им народы. Ваш спиритуализм — обман, лицемерие, насилие, предательство, воровство, убийство, безнравственность, нищета, невежество, бессилие, разнузданность, почт. Ваш спиритуализм — совокупность всех пороков, злодейств, бед. И почему? Потому что бог есть зло, а спиритуализм — его пророк".

Идея бога истязала и тиранила весь мир, и вот вы смаете утверждать, что мир осужден на гибель с того дня, как он освободится от своего мучителя и палача! На том основании, что больной еще не окончательно издох от болезни, нас смеют запереть, что именно болезнь дает ему возможность жить и что излечение от болезни причинило бы ему смерть!

О, несравненная добродетель силы! Она замедляет все. Справедливость, истину, здравый смысл. Она может утверждать, что дважды два пять, семь или пятнадцать, что день —

ночь, а ночь — день. Все склоняются и верят. Ни оппозиции, ни сомнения. Вот например эта пресловутая идея бога, которая через посредство сотен религий, из которых одна целеее другой, эта идея бога, которая в течение всех веков без жалости и разбора вешала, обезглавливала, топила, сжигала, душила, крошила людей, заливал всю землю потоками крови! Эта идея естественно является силой. С великолепным хладнокровием она заявляет: „Я — добро!“ — „Ты — добро“, — хором отвечает толпа. Затем эта сила указывает перстом на атеизм, который никогда не пролил ни одной капли крови, не историл ни одной слезы, и свирепо рычит: „Вот преступление!“

„Вот преступление!“ — мычит протестная люд толпа. Свиста сила продолжает дальше: „Эти атеистические совы начинают выходить из мрака, где они до сих пор скрывали свои позорные дела. Можно ли терпеть, чтобы они дерзко прикололи к своей шапке в качестве герба то слово, которое всегда было и останется ругательством во всех языках!“

Католики воят: „Это ужас!“

Протестанты: „Это скандал!“

Деисты: „Это распушенность!“

Мистики: „Это позор!“

Скептики: „Это скандал!“

Общий хор: „Безумие, безобразие!“

Лицемеры, если самое имя атеиста является позором, почему бы вам не позволить вашим врагам, вашим противникам позорить себя самих и собственными руками пригвоздить себя к позорному столбу своим атеистическим гербом! Когда спартанцы выставляли напоказ своим детям пьяного влота¹, то это делалось ведь не для того, чтобы прихотить их к пьянству, а вот вы боитесь ваших пльот и запрещаете им показываться, ибо весь мир пошел бы за ними!

Спиритуализму для того, чтобы существовать, необходимо, чтобы ему была предоставлена полная свобода клеветы и чтобы у его прогвиников был заткнут рот. Что бы с ним стало, если бы общество имело возможность сравнить представлений двух учений и таким образом судить о деревьях по их плодам, если бы величайшие и благороднейшие фигуры древности и иных времен — Диагор, Демокрит, Аристотель, Зенон, Эпикур, Эпиктет, Лукреций, Плиний старший, Марк Аврелий, Силиус, Диало, Гольбах, Гельвеций, Даламбер, Кабанис, Лаплас, Ламанд, Фейербах² и т. д. — были выставлены для сравнения с тем ужасным сборищем преступников, которые фигурируют в истории под именами дамстников и служителей Иисуса Христа, с присоединением к ним Лотера, Кальвина³ и столько других корифеев протестантизма!

Древность оставила нам в наследство замечательное сочинение — „Навафеанское земледелие“ — настоящую всеобщую энциклопедию наук. Астрономия, медицина, ботаника, физика, сельское хозяйство, пидустрия, естествознание, законодательство, литература, — все отрасли человеческого знания представлены в этом драгоценном сборнике.

Он восходит, повидимому, к самым отдаленным временам, к эпохе Навуходносора,¹⁰ а может быть, и к еще более раннему времени. Он сохранил для нас образчик хаддейской цивилизации, которая развивалась уже в русле современного гения. Цивилизация эта погибла под ударами семитического монотеизма, мрачного бедствия, которое погрузило западный мир в мрак на целых 15 веков и на такое же время задержало развитие человечества.

Монотеизм — это начало застоя, т. е. невежества, дикости и бесплодия. Как губительно оказалось владычество монотеизма! Как далеко ушел бы теперь вперед человеческий разум, если бы он, следуя по пути, намеченному в указанном сборнике, изучал бы и решал в процессе непрерывного двухтысячелетнего труда все те проблемы, которые поставлены были Европой едва три столетия тому назад?

Как верно предчувствовал, или, вернее, интуитивно постиг, истину автор знаменитой книги „О трех обманщиках“, ¹¹ этой книги, являвшейся ужасом и кошмаром средних веков, книги, в отношении которой дерковь не скупилась ни на проклятия, ни на костры!

Монотеизм — вот великое препятствие! Необходимо, чтобы человечество перешло через его труп, если оно хочет иметь свободный путь для своего развития. Это не значит, что политеизм может возникнуть из своего пельла по желанию и прихоти нескольких благодущных и мирных умов. Их мечта является анахронизмом и странной причудой. Однако, говоря правду, эта причуда находит себе достаточно оправданий в бедствии, постигшем древний мир. Какое душераздирающее зрелище — это погашение великой цивилизации семитическим чудовищем!

Некоторые люди из расносного лагеря пытаются в данном случае завоить тем же произвольным голосом, которым когда-то произносились смертные приговоры, слово: „язычество!“ — Они воображают, несомненно, что и теперь люди готовы склонить голову перед этим старым, поблекшим и

* „Candide“, № 5, 1855 г.

выдохнемся словом, которое когда-то уже само по себе играло роль осуждающего приговора. Как они заблуждаются! Отвержение, внушаемое ими, могло бы воскресить мертвых, если бы мертвые были необходимы для борьбы с ними. Все, что они проклинают, окажется благословенным, все, что они благославляют, будет проклято!

Однако политикам может мирно спать в своей гробнице. Одной науки достаточно для того, чтобы отомстить за него. Она не имеет ни силы, ни желания возвращать его к жизни. Однако она дает ему справедливую оценку. Политизм ни в малой мере не был убийцей. Он применял свои басы и мифы к развитию человеческого разума, который мало-по-малу освободился от этого излишнего придатка. Терпимый и мягкий, он давал простор для развития человеческого, и, баякая когда-то детство народов, он исчез без всякого сопротивления с наступлением их зрелости.

Он уже начал уступать место великому факелу философии в блестящий период римской истории, он уже начал угасать мало-по-малу перед сиянием этого факела, как вдруг нашествие христианства, вышедшего, как черная оса, из арабских пустынь, погрузило мир на целых 15 веков в хаос и мрак.

Меры веса и времени, счет и астрономия имеют вавилонское происхождение. Здесь, в Вавилоне, мы имеем сверкающую зарю цивилизации, которая померкла в ночи монотеизма. Постоянные завывания Библии Вавилона, великой блудницы, эта неугаемая ярость, которая находит свое выражение в оскорблениях и проклятиях, являются не чем иным, как ненавистью невежества и фанатизма к просвещению и терпимости. Это — та самая ненависть, которая изрыгает по адресу Парижа то же проклятие: великая блудница! — вечное ругательство, изрыгаемое завистью и тупостью варвара против интеллектуального превосходства метрополии.

Таким-то образом кровавая литература разбойников пустыни превратила в позор веков двести городов, проглатываемые катаклизмом на берегу Мертвого моря. В чем заключалось их преступление? В катастрофе, которая их погубила. Поклонники бога мести видят кару в беде человеческой. На обломках и развалинах этого общества, разрушенного мнимым гневом их свирепого божества, они воздвигли позорный столб клеветы, и мы, слепые наследники дикарской ненависти, повторяем их ругательства и анафемы перед могилами, имеющими все права на нашу жалость.

Приходится ли верить в особый пуританизм людей, которые спали со своими дочерьми и козами? Странные борды за чистоту прав! Нет, их остервенение против несчастных

городов Пятиградия имеет несколько менее почтенную причину! Они оклеветали их после того, как они их разрушили. А разрушили они их за то, что они олицетворяли собою искусство, науку, труд, в то время как разрушители были олицетворением варварства, разбоя, безделья. Разве подобает нам теперь распевать с почтительно скрещенными руками гимны этих людоедов? Что бы это было за воспитание для наших детей, если бы эти гимны по всему еще были понятны!

Содом и Гоморра кажутся нам навеки проклятыми именами. Когда-нибудь однако проклятие перейдет с этих певчих городов на бандитов Иеговы, которые их оклеветали. Есть непристойная, совершенно неупучная книга у современного мира, и книга эта — Библия.

4. ОТЕЦ ЦЕРКВИ IV ВЕКА*

Ничто не освещает таким зловещим светом крушения греко-римской цивилизации, как чтение отцов церкви IV в. — Василия, Златоуста, Епифания, Амвросия, Иеронима, Августина и т. д. Вся эта плеяда — это погребальный факел, освещающий вход в катакомбы, куда христианство загнало Запад на целых двенадцать веков. Святой Иероним¹², наименее, быть может, мрачный из этих погребальных святильников, очень отчетливо рисует нам наступление мрака.

«Кто читает ныне Аристотеля? — восклицает он с диким энтузиазмом. — Сколько людей знает пыле сочинения или хотя бы имя Платона?»¹³ Едва лишь несколько бездельников, которые перечитывают их, запрятавшись куда-нибудь в потаенный угол. По вот наши апостолы, эти мужики, эти рыбаки, — весь мир твердит их имена, вся подлунная полна их славы!»

Ночь! Вот она ночь! Со скал Палестины семитический монотеизм обрушился на римский мир. Менее чем в один век этот мир стал трупом. Пауки, искусства, все завоевания и изобретения духа человеческого исчезли под тяжелыми шагами чудовища. Христианский фанатизм с молотом и факелом в руке пронесся по империи, сметая храмы, разбивая статуи, растаптывая в прах в припадке ярости прекрасные сочинения Афин и Рима. Вихрь саума, рипувший из пустыни, разрушительно пронесся над величайшими творениями человеческого разума.

Эта великолепная литература, полная гения и здравого смысла, соединявшая в себе величие и изящество, силу и обаятельную прелесть... запрещена, изгнана, проклята, уничтожена.

* «Candido», №№ 2, 3, 1865 г.

Ничего, кроме религиозного неистовства, монотонного и унылого завывания: *Boh! boh! ah! ad!*

Величайшим преступлением становится чтение языческих сочинений. Руфин, учитель церкви этого периода, в своей полемике с Иеронимом яростно обвиняет его в предпочтении, оказываемом светским авторам...

„Да, он заставляет переписывать диалоги Цицерона. Если он вздумает отрицать это, я могу назвать свидетелей. Он не сможет по крайней мере отречься от того, что, явившись на свидание со мной в Иерусалим, он принес с собой диалог Цицерона и что в своем увлечении греческим язычеством он дал мне диалог Платона. В Вифлееме он занимался истолковыванием Виргилия и стоиков детям, которых ему доверили для преподавания им страха божия“.

Сам Иероним, ученик античности, созданный этой античностью, отплатил ей за ее благоденствия ругательствами и оскорблениями. Что бы он представлял собой без этих великих людей, бывших его учителями красноречия? Каждая знания, хороший вкус вели его помимо его воли к этим великим мужам древности. Каждая духовного утешения увлекла его к бессмертному источнику, однако затем он в своем заблуждении стал просить у бога христиан прощение за свое невольное преступление. Он верил, что его ждет вечное пламя за то, что он с увлечением читал Цицерона. Эпиклентические сцены, которые связаны у Иеронима с этим моментом, внушают нам жалость, смешанную с отвращением.

...„Слабый и жалкий человек, — восклицает он, — я попался перед тем, как читать Цицерона. После нескольких ночей, проведенных в бдении, после обильных слез я брался за Платона. Когда же после, приди в себя, я принимался за пророков, их речи казались мне грубыми и некрасивыми. В своем ослеплении я отворачивался от света!“

Нет, он вовсе не был так слеп, этот бедный человек, в свои светлые минуты! К несчастью, они становились все реже и все короче. Вскоре его неистовство доходит до чудовищных пределов. После приступа лихорадки, вызванного страхом и угрызениями совести, связанными с преступным чтением, больной впадает в летаргический сон. ...Тогда, — рассказывает он, — я увидел себя вознесенным в духе к судилищу верховного судьи“. — „Кто ты?“ — спросил голос. — „Я христианин“. — „Ты лжешь, — ответил верховный судья, — ты не кто иной как цидеронианин“.

Умри, папа, лучше не придумаешь! Но при всем комизме все это весьма грустно.

Всякое серьезное представление о долге исчезло из созна-

ния людей. Если не считать слепой благотворительности, которая являлась векселем на загробное существование, не осталось никаких следов от бывших общественных добродетелей. Люди великим сосредоточивались на эгоистических и идиотских по своей форме сновениях с богом их кошмаров. Страницы Иеронима и подобных ему разносили из провинции в провинцию заразу безумия и разжигали фанатический энтузиазм невежд и рабов. Отныне все эти нелепости и бред заменяют Тацита, Цицерона, Демосфена¹⁴. Читая Гомера значило вызвать обвинение в идолопоклонстве. Цивилизация потонула в ядовитом тумане христианства. О, эти столь прославленные времена! Все нет нужды прибегать к душе, чтобы рассмотреть их во всей их сущности, чтобы оценить по достоинству все дикные легенды, которые распространяются на их счет. Христиане тщательно переняли у императорского мира все преступления, все пороки, все позорные черты, отвергнув лишь величие и просвещение.

Новая религия поспешила освятить рабство. Она отнюдь не собиралась разрушать его, как это смеет утверждать церковная ложь. Христианские матроны разгуливали с целой свитой рабов и слуг. Пытки, телесные наказания, зверские игры продолжали развлекать состоятельных людей. Иная семья, уверовавшая в Иисуса Христа, владела тремя тысячами рабов, которые подвергались жестокой порке по произволу господ.

С утверждением христианства злодейство деспотизма и свирепость нравов только удвоились. Паседение Римской империи все быстрее стало впадать в дикость и варварство. Бедствие, неведомое язычникам и порожденное новым культом, а именно мошеническое получение наследств, быстро оказало свое разорительное действие на все классы общества. Священники, ставшие почти полными господами, не замедлили явить самые худшие образцы хищности и порока. Их алчность стала проявляться с такой ненасытностью и с таким бесстыдством, что правительство, несмотря на свою обычную покладистость, в отношении церковной иерархии, встревожилось и вынуждено было прибегнуть к серьезным мерам, чтобы остановить всеобщее разорение.

„Вот величайший позор для нас, — восклицает по этому поводу св. Иероним. — Священники и монахи не имеют больше права быть наследниками и вообще участниками в завещании. Закон запрещает это им, и только им. Я вовсе не жалуюсь по поводу этого закона. Я жалею лишь о том, что мы его заслужили. Он продиктован мудрой предусмотрительностью. Он однако недостаточно действенен против жадности. Его умудряется обходить при посредстве подставных душеприказчиков“.

Таким образом уже пазарта после христианской победы христианское духовенство прежде всего ознаменовало свою деятельность захватом наследств при помощи мощнических мероприятий. История показывает нам, в какой мере этот милый обычай верно сохранен церковью. В течение шестнадцати веков поны продавали небо за землю. Охота за душами людей есть не что иное как охота за наследствами. Если бы мало-помалу светские власти не взяли за горло это жадное отродье, то народы деликом со всем их добром сделались бы собственностью мертвой руки¹⁵. Нам ведь известно, что, несмотря на все препоны, духовенство к 89 году оказалось обладателем целой трети французской территории. Ни один культ на земном шаре не являл зрелища подобной постыдной алчности. Эта жадность, эта хищность и поныне осталась отличительной чертой расоносной братии. Это — органический порок (другие могут сказать — органическое свойство) поповского сословия, который присущ ему от рождения и который уже с колыбели стал развиваться до чудовищных размеров.

Как велико должно было быть зло, причиняемое мертвой рукой, если оно вызвало репрессивные меры императоров еще в первые века христианства. Ведь этих императоров нельзя было обвинять в недостаточном доброжелательстве, в невнимательности к новой религии. Она ведь сделалась полновластной властительницей империи. Она господствовала над гражданскими законами. Государство падало ниц к ее ногам. До чего скандальным должно было быть положение, созданное обычаем церкви улавлять чужие наследства, чтобы государственная власть сочла себя вынужденной вмешаться в это дело!

Здесь никак нельзя свалить ошибку на небольшое количество виноватых, терпящихся в общей массе добродетельных попов. Разве посмели бы императоры нанести удар христианству таким законом из-за каких-нибудь единичных случаев? Впрочем признание Иеронима является достаточно ярким свидетельством. Нет! Это была система, и против этой системы все законы оказались бесполезными. Поповский спрут с его десятками тысяч шунальдев начал безжалостно высасывать кровь из государственного организма, и никакая сила отпине не в состоянии была оторвать его от добычи.

Блгоглагольство и захват наследств отнюдь не являются единственными грехом духовенства IV в. Мы наталкиваемся в эту эпоху и на другую привычку, свойственную духовенству и весьма поучительную для истории. „Мне стыдно сказать, — пишет св. Иероним, — но есть люди, которые домогаются священнического и дяконского звания для того, чтобы встречаться свободно с женщинами. Все их заботы устремлены на то,

чтобы украсить себя. Волосы их завиты, пальцы их сверкают драгоценными камнями. Их можно признать скорее молодыми женихами, чем священниками“.

Вот настоящее обвинительное заключение против духовенства! Я не знаю, носил ли сам св. Иероним драгоценные камни и прическу, сейчас обычно любят утверждать обратное. Однако причисывался он или нет, но именно по его адресу в Риме особенно энергично раздавались обвинения в распущенности, и следует признать, что неблагоприятие этого великого святого давало достаточно поводов для злоречия.

За св. Иеронимом всегда следовала по пятам целая толпа молодых женщин, которые были преданы ему в своих поисках спасения. Мы все время читаем о том, как они устремлялись за ним в его длинных путешествиях, весьма подозрительных по своим причинам. Если сопоставить это обстоятельство с его грехами молодости и с его сладострастными видениями в пустыне, то приходится признать, что это женское окружение давало достаточную пищу для клеветы. Возможно конечно, что великие разговоры о нем могли быть сплетнями. Однако зачем же св. Иерониму, обладавшему столь легко воспламеняющимся темпераментом, падо было брать на себя роль духовного руководителя красивых женщин? Неужели для того, чтобы умерщвлять плоть испытаниями искушения? Странный, сколький способ покаяния!

Дело порой принимало такой оборот, что незадачливый Иероним оказывался вынужденным покидать насиженное место. Так например, ему пришлось однажды бежать из Рима в Вифлеем. Быть может, св. Иерониму дучше было бы не покидать своей кельи для путешествия в Италию. Пребывание в мировом городе не принесло ему ничего кроме неприятностей и пресыщения. Однако он не в состоянии был противостоять своей страсти к обращению женщин. Уезжая из Рима, он обращается с письмом к одной из своих знатных духовных дочерей:

„Благородная Азелла (Азелла по-нашему — маленькая ослица; странное имя для знатной матроны — благородная ослица!), я пишу вам печальный, с глазами, полными слез. Безумец! Я хотел петь песнь господна на чужестранной земле... Враги мои направили против меня клеветнические обвинения, однако я знаю, что сквозь дурную или добрую славу все-равно прихо- дят в дарство небесное... Привет Пауле и Евстохий, которые, вопреки мнению света, навсегда останутся моими сестрами в Иисусе христе. Привет Альбине, Марцелле, Фелдигате... Прощайте, помните обо мне и своими молитвами умиротворите волны на пути моем“.

Не слишком ли много поклонов? Междуполовая нежность никогда не бывает безопасной. Иерониму действительно не хватало благоразумия. Отличаясь столь легко возбудимой плотью, он слишком уже бравировал перед опасностью. Он обнаруживал даже какое-то ожесточение в этом бравировании. Уже эта манера руководить красивыми женщинами на пути спасения должна была иметь для него скверные результаты. Общественное мнение заставило его убраться из Рима. Однако он вернулся впоследствии еще раз и снова вынужден был опять бежать из-за того же обвинения в неводержанности.

Клевета! — могут сказать нам. Ведь это был такой великий святой, руководивший святыми женщинами на их тернистом пути в рай! Ну что ж, в добрый час! Можно предположить, что немалую роль в этих слухах играла зависть завитых попов. Раздраженные его обвинением и колкостями, они несомненно платили ему его же монетой. Можно было бы думать, что зависть и конкуренция были главным источником враждебных выступлений против Иеронима. Однако певольно на ум приходит несколько излишне похотливые видения Иеронима в пустыне. „В воображении я видел себя перенесенным в круг танцующих римских дев; лицо мое было бледно от постов, а тело мое пылало от желаний. В этом ледяном теле, в этой ранее умершей плоти пылал еще лишь один пожар страстей“. Зачем же св. Иерониму надо было возвращаться в среду этих дев, одно воспоминание о которых столь жестоко терзало его в пустыне? Это нельзя назвать предусмотрительным. Может быть, правда, его духовные дочери не плясали, но ведь пляска не является абсолютно необходимой для пожара, если человек так мало похож на Оргена¹⁵, как Иероним. Впрочем, дело похоже на то, что для всех этих женщин не было решительно никакой возможности добиться спасения без помощи Иеронима. Ведь они, оказавшись не в силах сохранить его для себя в Италии, последовали за ним в Вифлеем. И после второго выселения его из Рима некоторые из них отправились к нему.

Но ведь в IV в. паломничество в Палестину вовсе не было каким-то пустяком. Ведь железных дорог и пароходов тогда как-будто было мало. Кругосветное путешествие в наши дни является куда менее хлопотным делом. На этом пути духовных дочерей Иеронима в рай переход из вечного города в Вифлеем являлся несомненно наиболее трудной и наиболее полной приключений частью. Но результат, повидимому, вознаграждал за все. Знатные римлянки, несирая ни на что, отправлялись петь песнь господу на иностранной земле.

Но почему римские девы и матроны желали иметь в

качестве путеводителя в рай именно такого святителя, которого раздражали призраки их пола еще в песках Сирии? Внушки Сиднионов и Марцеллов¹⁷ отлично могли бы посвятить себя господу и дома. Какая необходимость заставляла этих знатных дам отправляться в Вифлеем и жить в монастыре непосредственно у кельи святого с таким мгновенно всыхивающим темпераментом? Какая же непреодолимая любовь увлекала к этому пылкому самцу целое бабье стадо?

5. ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ ГРАТРИ *

Преподобный отец Гратри вознамерился одновременно поимать двух зайцев: веру и науку. Оба зайца ускользнули, и он, подобно всем охотникам этой же школы, остался с носом.

„Во время оно, — говорит не Иисус христос, а отец Гратри, — во время оно я изучал науки и много читал евангелие. „Ох, найдя слова господа *прозрели* мне разум подобно стреле“... „Звезды упадут с неба“. Я полагаю, что в тексте разумеется падение солнца на Землю, так что евангелие представлялось в этом месте очевидно нелепым. Но это было недоразумение! В евангелии говорилось: „Звезды упадут“, а в этом никакой нелепости не было. Я это заметил лишь двадцать лет спустя“.

„Не подлежит сомнению, что некоторые спиралевидные туманности являются скоплением звезд. Но ведь спирали необходимо являются подвижными системами, все линии которых стремятся к центру, а эти линии являются линиями, состоящими из точек, которые представляют собою звезды. Таким образом я дождал до того, чтобы самому воочию убедиться в том, как евангелие осуществилось в таком пункте, который казался совершенно нелепым“.

Уф! Какое красноречие!. Оставим однако в стороне стиль, дело не в форме, а в существе. Я не стану упрекать преподобного отца за то, что он в течение 20 лет проповедывал вещи, которые он считал нелепыми. Моя наивность вызвала бы только смех. То, что для ученых является позором или даже самоубийством, считается у католиков сущим пустяком, это мне достаточно известно. В религии, состоящей сплошь из святого обмана, ложь почти всегда является святым откровением или вдохновением, которое искупает величайшие ошибки. Ложь в этой религии даже и не числится среди грехов. Во всяком случае у отца Гратри имеется извещающее обсто-

* „Libre Pensée“, M.N 13, 14, 15, 16, 1870 г.

ательство: разум его прозен. А ведь это, как мы знаем, затрудняет деятельность органа. Впрочем в конце-концов он излечил стрелу. Сделал он это через 20 лет ее пребывания в ране: замечательное исцеление!

Если однако отец Гратри не повинен в грехе лжи, являющемся в конце-концов отсутствием грехом, то иначе обстоит дело с другим грехом, со смертным грехом гордыни и неверия. Здесь отцу Гратри не отвергаться! Ах, неверный! Евангелие нелепо, если оно заставляет падать звезды с неба на Землю! А если бы даже это и было нелепо, то разве это дает основания для неверия? Напротив: верую, ибо нелепо! ¹⁸ С каких пор это вы стали верить в такие вещи, которые согласуются со здравым смыслом? Пезадачливый охотник! Вот один из ваших дух зайцев, который убежал, пока вы гнались за другим.

Что вы собираетесь делать, преподобный отец, на научной каторге? Что вы там можете найти для себя? „Спиралевидные туманности, находящиеся в движении и падающие или упавшие к центру всеми своими звездными лилиями“. — О, горе, созерцая ваши туманности, вы сами упали прямо на свой центр и должны были узреть 36 миллионов звезд!

Выпейте стакан воды, это пройдет. Добрый боженька покарал вас за то, что в течение двадцати лет вы считали евангелие нелепым, и, между нами говоря, я боюсь, что он сохранил для вас несколько досадных подножек за вашу нескромность. „И дожид, — говорите вы, — чтобы воочию убедиться, как евангелие осуществилось в том пункте, который казался невозможным“.

Таким образом это вы освободили евангелие от бессмыслицы, таким образом без ваших падающих туманностей оно было бы обречено остаться нелепым на веки вечные. Это — ответственное заявление, ведь ваш ум не был больше пропзенным, когда вы пустили в ход свои спиралы.

Отец Гратри вообще дает мне повод для самого живого беспокойства. Вера его окончательно заблудилась в бесчисленных закоулках пространства. Он не верит больше во всемогущество божие. Нелепо, говорит он, думать, чтобы бог заставил звезды падать прямо на нас! Но разве св. Иоанн не говорит нам: „Звезды упадут с неба на землю, как если бы смоковница, колеблемая вихрем, разбрасывала повсюду свои зеленые смоквы“.

Прибавим: „и свои спелые смоквы“, у которых больше основания падать, чем у зеленых... По тише, тише! Это, может быть, и не так. Ведь зеленые смоквы могут иметь

более хрупкий стбел. Вдумавшись в это дело, я и сам прихожу к такому мнению. Да и вообще св. Иоанну лучше знать. Не будем впадать в нестерпимую гордыню этого отца Гратри, которого приводит в смущение священное иписание. Так вот, что же говорит наш преподобный? Текст св. Иоанна оказывается недостаточно осмысленным? Ведь в нем говорится, что звезды упадут прямо на Землю. Тут уж никак не укроешься за туманностями. Что же, откровение Иоанна является апокрифом ¹⁹, или святой дух внушил ему такую нелепость? Приходится выбирать между двумя одинаково богохульными предположениями.

Увы, приходится признать, что вера нашего примирителя науки и религии испарилась. Ведь, если вам угодно, несчастный невер, кто может помешать богу заставить звезды упасть на Землю? Неужели малость нашей планеты, которая по отношению к ночным светилам является чем-то вроде табачного зерна по сравнению с самой гигантской тыквой? Конечно дождь из тыкв, падающий на табачное зерно, дело довольно нескладное. Но, преподобный отец, разве вы запретили всемогущему господу превратить сначала табачное зерно в тыкву, а тыквы в табачное зерно?

Может быть, этому может помешать гигантское расстояние, разделяющее Землю и звезды, расстояние, требующее сотен и тысячи лет для прохождения их света, так что для того, чтобы самые звезды могли достигнуть Земли, потребовалось бы времени в десять или двадцать раз больше? Но что стоит вечному отцу одним мановением руки свести на-не все эти далекие расстояния? Что может быть проще для него? Наконец, кто ему может помешать прикренить звезды к веткам гигантской смоковницы в осуществление образа, нарисованного его слугою Иоанном? Ведь немцы припешируют к елке пасхальные яйца! Таким образом на нас может сыпаться дождь из фиг в виде звезд, или из звезд в виде фиг, и любопытным людям не пришлось бы стоять с заданным вверх носом в течение нескольких миллионов лет, в позиции, порядком-таки утомительной.

Разве тот, который из ничего сотворил делую вселенную, не может позволить себе на досуге поиграть в кости с целыми мирами в пространстве бесконечного, не считается ни с объемом, ни с расстоянием, ни с математическими законами? Как смеете вы вообще ставить какие-то границы могуществу предвечного? Ах, я хочу напомнить вам ваши собственные угрозыния совести. Она, совесть ваша, должна была где-то в каком-то уголке своим слышать голос свыше: „Отец Гратри, отец Гратри, ты усумнился во всемогущество твоего

бога. Чтобы искупить такое огромное преступление, ты совершивший двукратное паломничество в Иерусалим на гололе".

Отец Гратри однако не всегда столь залопотчно увязает со своей верой в рывках и ухабах науки. Вот например чудо Иисуса Навина²⁰ он объясняет с чисто ортодоксальной развязностью: „Иисус, — говорит он, — выразился как невежда. Но господь, захотев исполнить его желание, остановил движение Земли“. Его желание? Нет, — его повелительный приказ, приказ полководца, данный своему адъютанту. После приказания капитана Иисуса Солнце продолжает свой путь. Но вот лейтенант Иегова останавливает Землю! „Стой! Смирно! На месте!“

Великолепно! Здесь преподобному отцу повезло, и его невежество спасло его от ложного шага. Но ведь вообще-то прием отца Гратри оказался неудачным. Прежде всего подмена Солнца Землей во всем маневре полководца Иисуса является залезанием в область науки и сплошным вливанием, отказом от собственных слов. Наука, прекрасная молодая девушка, на этот счет гораздо тверже веры, которая зла, как все ложечейшие, беззубые старые деви. Она ограничится лишь презрительной гримасой и легкой насмешливой улыбкой по поводу фокуса отца Гратри. Впрочем, когда наука что-нибудь говорит, то это сказано решительно и твердо. Она не вялет от одного утверждения к противоположному, она не прибегает к словесным фокусам и натяжкам.

Так как однако наш повелеванный учитель претендует на научные объяснения, то нам предоставляется случай проверить его доказательства. „Господь остановил движение Земли“ — это лапидарно, но порядком-таки неопределенно. Ведь Земля имеет двойное движение — движение вокруг Солнца, или годовое вращение, и движение вокруг собственной оси, или суточное вращение. Что же — оба движения были приостановлены, или только вращение вокруг оси? Наука считает их неразрывно связанными между собой. Что же скажет нам на это преподобный отец-примиритель?

Если Земля продолжала свой путь вокруг Солнца, прекратив только свое вращение вокруг оси, то одна половина планеты должна была иметь двойной день, а другая — двойную ночь. Это было бы несомненно величайшим сюрпризом для четырех частей света, которые, кроме этого небольшого уголка, Хаанаа, ровно ничего не знали о знаменитом сражении полководца Иисуса. Но ведь история ли звука не говорит о столь знаменательном событии, как внезапное удвоение дня и ночи. Может быть это происходит потому, что в те времена не было часов?

Если бы Земля совсем остановилась на 24 часа, то, во-первых, весьма смущающим обстоятельством "является" полное молчание истории на этот счет. Но этого мало. Дело еще вот в чем. В силу преобразования центростремительного движения наш земной шар, повиная силе центростремительного движения, должен был бы ринуться вниз головой к Солнцу со все ускоряющейся быстротой (согласно закону о квадрате расстояний). После 24 часов падения добрый боженька конечно своим толчком должен был бы снова заставить его вернуться к своему круговому, или эллиптическому, движению. Но так как Земля в данном случае оказалась бы гораздо ближе к Солнцу, чем раньше, то и орбита ее должна была бы стать гораздо меньшей. Таким образом год должен был бы стать короче. Был ли год длиннее до авантюры Иисуса? Паш учитель об этом не говорит ни звука. А между тем, если он хочет примирить веру с наукой, чудо — с общими законами вселенной, он должен был бы уделить внимание этому пункту. Очень меня это огорчает.

Следует еще иметь в виду, что все кувырканье нашей планеты вовсе не является простой шуткой: фаштазия полководца Иисуса должна была иметь весьма серьезные последствия. Не так давно установлено, что движение превращается в теплоту, как и теплота в движение. Если отец Гратри не знал этого раньше, то он знает это теперь.

Как он вывернется из этого закона? В силу эквивалентности превращения тепла в энергию и энергии в тепло Земля, остановившись в своем движении по приказу Иеговы, должна была мгновенно расплавиться, подобно олову в котлу лудильщика, а род человеческий должен был стать же мгновенно изжариться без всякого масла и сала.

Эти небесные светила, столь поточно-путешествующие в пространстве, очень милы и грациозны, пока они путешествуют. Но не следует прерывать их прогулку. В этом случае они становятся весьма дикими и больно дерутся. Полководец Иисус был не только невеждой, как его достаточно непочтительно обзывает наш ученый рисоносец, он был злоумышленником, он просто погубил бы всю Землю, если бы Иегова, его интимный друг, не предотвратил последний его затей. К счастью, Иегова отлично знал свою механическую теорию теплоты, ведь он же ее изобрел так же, как тяготение и все остальное. „Смирно, мои законы, — воскликнул он, — сюда, назад!“ После этого Земля смиренно, без шума и скандала остановилась, как хорошо управляемый омнибус.

Вечный отец, по всей очевидности, отправил таким об-

разом в Корзину все законы вселенной для прекрасных глаз Иисуса, своего любимого сына, которому понадобилось без задержки захватить пять дарков и предупредить несколько тысяч амореев. Отец Гратри не может примириться с таким упразднением закона и утверждает, что чудо вполне согласуется с законами. Он пытается таким образом научно узаконить все библейские события и рассказы.

Однако это несомненно не является ни разумным, ни христианским (вот два аргумента, вызывающие удивление, когда они ставятся рядом!). Если упразднить хотя бы один из всеобщих законов природы, то почему не упразднить и остальные? Чем одни законы лучше других? Таким полным упразднением законов устраняются по крайней мере непоследовательность и противоречия, таким образом можно избежать по крайней мере дискредитирования чудес. А вот пытаться комбинировать нарушение законов природы с их сохранением, утверждать одновременно и да, и нет, это — худший из приемов.

Так вот во времена полного невежества, в такую эпоху, когда общее заблуждение считало Солнце чем-то вроде земного чиновника, поднимающегося слева и опускающегося справа после своего недолгого ежедневного путешествия, некий полководец, спешащий закончить свое дело, повелевает Солнцу остановиться. Дело в общем пустяковое, колеснице приказано остановиться перед тем, как отправиться дальше. Чудо это несложное, и это простое чудо стало религиозной догмой. Но вот в один прекрасный день оно оказывается более сложным. Несомненные ученые, сущие всюду свой нос, обнаруживают, что Солнце вовсе не является каким-то движимым имуществом в нашем полуданном обиталище, что оно представляет собой гигантское светило, неподвижное в гигантских глубинах пространства.

Сюрприз... смущение... ярость... жажда мести... Принимаются ломать кости потрескелятам мирового порядка и религии. Тщетные усилия! Истина остается... но, к несчастью, остается и невежество. Последнее обстоятельство успокаивает. Начинается приспособление к ужасному открытию. В расчете на глупость и доверчивость начинают пускаться в ход наглые выверты: „Земля вращается, а не Солнце? Ну и что ж, — великолепно! Так вот Земля и остановилась, а не Солнце, вот и вся недолга. Библия не только ничего не теряет, но, наоборот, умножает свою славу“.

Начинают переходить даже в наступление. Опираясь на материальную силу, начинают обдавать противников презрением, начинают третировать их как невежд. В этом мире надо говорить громко. Успех дается лишь нахаляму. И вот для

нас страдают брак между чудом и новым открытием, брак не по склонности и даже не по расчету, а насильственный брак. Во время брака многие улыбаются под каюшонком. Многие чувствуют неизбежность развода.

И действительно, развод не замедлил. Новое открытие, открытие закона эквивалентности тепла и движения, врезбег разбивает союз между чудом и законами природы. Земля, остановившись, должна была бы расплавиться! Что скажете вы, преподобный отец? Как господь бог мог бы исполнить желания „невежды Иисуса“, не насилуя указанного закона? Ведь дело заключалось не только в том, чтобы остановить планету, надо было помешать ей расплавиться! Сможете вы примирить остановку Земли с этим законом? Если сумеете это сделать, придется признать нас ловким человеком. Любопытно было бы узнать, как вы это сделаете!

Но нет, тщетны будут ваши попытки спарить религию и науку. Это немислимое дело рассинается вдребезги каждый раз, как только вы за него принимаетесь. Бросьте вы добиваться этой немислимой амальгамы. Надо выбирать. Попробуйте с наукой и придерживайтесь веры. По крайней мере она дает нам возможность выступать с совершенно ясным и отчетливым утверждением: порядок и бог. Сверхъестественное... без пределов... без помех... без обильней! Евангелие говорит, что звезды упадут на Землю? Так оно и случится. — Как? — Не все ли равно. Бог сдержит своё слово. — Это немислимая вещь... — Для бога нет ничего невозможного. Это противоречит законам природы? Бог не повинуетеся законам. Законы повинуются ему...

И так далее. Имея это в руках, да еще монету, вы на коне. Предоставьте же здравому смыслу делать что ему угодно — смеяться или плакать. Идиоты — с вами. Этого добра надолго вам хватит, да и вы ведь стараетесь, чтобы их у вас всегда был полный комплект.

Преподобный Гратри, этот замечательный, политехнически образованный человек, доказывает конец мира движением Земли, комбинируемым со следующими словами одного из отцов церкви: „Ничто не движется ради самого движения, все движется не для того, чтобы двигаться, а для того, чтобы прибыть“. Не угодно ли? Столько людей думает как раз наоборот, но отныне — конец! Нет сомнения, что в свое время какой-нибудь отец церкви, астроном типа Иисуса Навина, доказывал конец мира именно неподвижностью Земли. Но что из того? Все пути ведут в Рим.

Что касается меня, то я не знаю, когда и куда наша планета собирается прибыть. Ода со мной не поделилась своими

намерениями на этот счет. Я только вижу, что она не торопится и продолжает свой нескончаемый путь с каким-то странным упорством. Может быть она делает это для того, чтобы помучить любопытных. Какая досада, что нельзя заставить какого-нибудь жандарма спросить у нее паспорт! Тогда можно было бы узнать, откуда и куда она направляется!

Есть люди, которые по-настоящему больны манией застоя. Едва только они узнали, к крайнему своему огорчению, что Земля вовсе не является хромой калекой и движется довольно быстро, как они всячески ломают голову над тем, чтоб положить конец ее прогулке. Они стараются доказать нашей упрямой планете, что бесконечное бродяжничество запрещено метафизикой и алгеброй и что надлежит положить ему конец.

Пусть будет так! Но мы ведь не любим играть словами! Конец Земли не есть конец мира. Первая есть не что иное как эфемерная песчинка. Второй — это бесконечность и вечность. Светила, звезды, так же как и животные, как растения, рождаются, живут, умирают, а из их элементов возникают новые миры. Ничто не уничтожается. Ни один атом не пропадает. Формы преходящи, материя вечна. Все небесные тела имеют начало и конец, вселенная же циклы не начиналась и циклы не кончатся.

Отец Гратри может таким образом как ему угодно разпоряжаться нашей планетой и предсказывать ей любую судьбу, опираясь то на Библию, то на отцов церкви, то на недальнюю сместь науки с религией. Но я буду противоречить его гороскопам. Я ограничиваюсь только добрым советом. Я советую ему быть благоразумным и осторожным. Пророкам до сей поры очень не везло. Земля издается над ними и над их предсказаниями. В качестве доброго христианина преподобный отец естественно страдает манией конца мира. Для христианства эта маниа является хронической и неизлечимой болезнью, проникшей до самого мозга костей, ибо она столь же стара, как и само христианство, ибо начало ее относится к несколько сапшмюм попешному возмещению страшного суда господом Иисусом.

Эта ошибка в счете, если угодно, этот промах сына человеческого послужил источником самых страшных и нелепых приключений. Прежде всего она дала повод для настоящей эпидемии переселений. Каждое утро люди смотрели, не упали ли звезды, солнце и луна в течение ночи на землю, подобно зеленым фидам. Ведь именно так должен был начаться, по писанию, всеобщий разгром. К несчастью, все продолжалось, вопреки пророчеству, оставаться на месте. Зеленых фиг падало не-

мало, по среди них не было ни одной захудалой звездочки. Легковерие человеческое долго продолжало поддаваться на уловку мистификации. Но в конце концов люди, устав от ожидания, примирились с необходимостью и отсрочили выполнение программы.

В 1000 г. мы имеем новую бешеную вспышку эпидемии. Все мешки и сундуки были уже уложены для потустороннего мира. Снова пришлось их развязывать. Какая досада, какая горькая обида! К счастью, огромному количеству честных путешественников не пришлось трудиться, ибо духовенство позаботилось о том, чтобы облегчить их от багажа, взятого в обмен на райские паспорта. История не рассказывает нам, вчинили ли они иск об уплате им взятых у них сумм. Это маловероятно! Трибуналы, посомненно, постановили бы, что сделка была заключена с обоюдного согласия, что одна из сторон оказалась не в состоянии выполнить обязательства в силу независимых обстоятельств. Впрочем паспорта, выданные для коллективного переселения, остались ведь действительными для переселения индивидуального. Ах, эта торговля с потусторонним миром, проклятые астрономы панесли ей весьма сильный ущерб! Она даже почти совсем прекратилась. Но мы надеемся, что наука отца Гратри снова поставит ее на ноги. Он уже попробовал предпринять большое дело, а именно — подновить и омолодить лохмотья старой метафизики. Мы находим у него определение бога в современном вкусе, „научное определение“. Какая это прекрасная находка для нашей незадачливой Сорбонны²¹, которая так давно уже опустошила свой мешок дотла, до последней формулы!

Наивный расхошец! Подорвав свои легкие в воплях против материализма, обрушив на него столько громов, он вдруг резко переходит в лагерь врага и материализует в свою очередь... кого бы вы думали? — самого господа бога! Это уже больше не чистый дух, не абсолютная сущность, не сущность сущностей, не высший разум... какое там! Это — „бесконечная сила конечных сил, неподвижный двигатель движения“!

О, великий святой Фома Аквинский,²² и все вы, отцы древних азиатских соборов, куда деваться вам от стыда и позора? Бог низвергнут в материалистические низины механики, бог сделан силой и двигателем! Бог напряжен в атеистический мундир! Какое ужасное знамение времени! Яд просочился в самые недра святилища, сагана забирается в алтарь!

Эх, отец Гратри, скажите мне, пожалуйста, что это такое „божественная бесконечная сила и неподвижный двигатель“? Чем этот словесный ребус отличается от прежних определений бога? Полноте, преподобный отец! Напрасен затейный

вами маскарад. Ваше определение подвергнется той же участи, что и более старые определения, — оно попадет в кладовую рухляди, которую представляет собою Сорбонна.

Впрочем это — невеликая потеря для преподобного отца, и ему ничего не стоит принести столь маленькую жертву. Разве у него не остается лучший бриллиант в его короне, его медицинская слава? Отец Гратри, этот астроном, математик, гео-гео-зоо-психолог, является еще, и главным образом, наиболее замечательным, самым необычайным медиком нашей эпохи. Приходится ли говорить о том, что он не принадлежит ни к одной из вульгарных школ медицинского факультета? Это — творческий гений. Придуманная им система является как бы узнанием, или, вернее, воплощением, всего его великого дела, отождествлением веры и науки.

Первое выступление его в качестве врача прямо ошарашивает: это подлинное чудо! Отец Гратри обещает не более, чем мгновенное исцеление. Кто же в состоянии противостоять такому аргументу? Толпы устремятся за ним так же, как они устремлялись когда-то к назарейцу, не зря: ведь наш ученый муж восклицает: „Эта медицина есть та самая, которую применял Иисус христос для исцеления больных и воскрешения мертвых. Мне кажется, что до сих пор современный мир ничего не сделал для того, чтобы использовать христианство. Люди ничего еще в этом не понимают и не умеют ничего из этого извлечь“.

Что люди ничего не понимают в христианстве, это вещь неоспоримая. Но вот утверждение, что современный мир не сумел его использовать, кажется мне несколько смелым. В этой отрасли промышленности современный мир дал неоспоримые доказательства своего превосходства над древним миром, который тоже, надо отдать ему справедливость, кое-что смыслил в этом деле. Достаточно обратиться к св. Иерониму. Как бы там ни было, ни одна отрасль промышленности не была никогда лучше организована и не процветала больше, чем использование христианства. Отец Гратри слишком скромн. С этим же упреком я должен обратиться к нему и по поводу следующих строк:

„Медицина пойдет далеко вперед, когда великие люди, пламенно верующие христиане, обратятся к Иисусу христу и скажут: давайте добьемся, чтобы божественная искра прошла сквозь эту груду научной материи“.

Мне думается, что взысканный великий муж обнаружил уже с достаточным блеском в личности нашего преподобного отца! Признаки его избранности, его великой миссии в достаточной степени очевидны. Он — „пламенно верующий хри-

стианин“, если не считать его несколько неприличных замечаний о нечестности евангелии, он ведь совершает мгновенные исцеления. Это уже такой значительный прогресс, что другие, более скромные люди удовлетворились бы гораздо меньшим.

Однако наш преподобный отец, который перенял у Иисуса Христа его клиентуру и его методы, считает себя слабым в одном пункте программы: „Он еще не воскрешал мертвых“. Верно ли это? Я уверен, что он мог бы достигнуть и этого. Ему следовало бы только „пропустить божественную искру“, в миллиарды раз превосходящую электрическую искру. Не может быть сомнения, что какой-нибудь покойник, прозенный „божественной искрой“, должен был бы немедленно встать на ноги и запырывать, как козленок.

Таким образом мы имеем здесь торжество святого смешения веры и науки. Это смешение осуществляется включением методов Иисуса Христа в медицину, соединением Иисуса Христа с наукой врачевания. До сих пор между делителем душ и врачевателем тел царил непримиримая гражданская война. Они были между собой несовместимы. Стоило появиться одному, чтобы другой унес ноги. Это было жестоким мучением для бедных пациентов, которые раздирались надвое, подобно знаменитому ребенку царя Соломона: одна половина тапцусь к держовоучителю, другая — к врачу! Ныне просвещенный воскреситель назарейских методов кладет конец этому расколу и устанавливает единство физики и морали путем полного амальгамирования делительных функций. Отныне священник и врач едины суть!

Это вполне нормальная вещь. Ведь все болезни являются по системе отца Гратри делом демонов, находящихся в человеческом теле. Они странным образом упорно действуют за свою темницу, и вытянуть их можно лишь теологическим оружием. Таким образом между медициной и религией оказывается полная тождественность, а следовательно исцеление душ и врачевание тел взаимно обмениваются идеями и терминами. Вот откуда берется это чудесное соединение церковного жаргона с медицинским диалектом, смешение, являющееся оригинальной чертой нашего великого учителя, тем признаком, который определяет его гениальность.

Таким образом, по выражению нашего преподобного отца, патология души, рак мозга и души должны лечиться слабительными, драстическими и потогонными средствами, а лихорадка, тиф или чахотка — святой водой, изгнанием бесов, лежачими молитвами, одним словом „божественной искрой“. Ни одна болезнь не устоит перед силой этого метода. Самые упорные и ярые припадки будут мгновенно укро-

щаться, за это ручается наш автор. А кто же посмеет сомневаться в его словах?

„Мы полагаем, — заявляет со всем смирением отец Гратри, — мы полагаем, что нами заложены основы психологии и физиологии. Постарайтесь понять те положения, которые мною сформулированы на этот счет. Их никогда никто не в состоянии был опровергнуть“.

Опровергнуть? О, пебо! Да кто посмеет их опровергать, кто дерзнет платить такой черной неблагодарностью за все благодеяния нашего несравненного физиолога! Постараемся и мы их понять по совету учителя, и если это окажется абсолютно невозможным, то по крайней мере склоним наши головы пред такими столь великими чудесами. Вот один небольшой образчик.

„Разве не приходилось видеть, — восклицает с энтузиазмом отец Гратри, — разве не приходилось видеть, как смерть наступала в несколько мгновений под влиянием одного только воображения? Но раз воображение может вызвать смерть, то почему бы оно не могло породить жизнь?“.

Остережемся от насмешливого замечания, которое могло бы прийти в голову по этому поводу какому-нибудь пещу: „Разве не приходилось видеть, как внезапная смерть вызывалась пушечным ядром? Ну и что ж, если пушечное ядро может вызвать смерть, то почему бы оно не могло породить также и жизнь?“ Нет, такое замечание было бы неуважением к глубокой мысли отца Гратри. Наш великий мистагог²³ намекает, повидимому, на тех бесчисленных счастливых супругов, которые считают себя отцами своих детей лишь в силу чистейшего своего воображения.

Физиология пренеподобного имеет здесь явной целью обобщить чисто христианский способ размножения, который унаследован нами по прямой линии от святого духа. Следует признать, что со времени этой божественной операции вульгарный способ размножения так и остался оскорбительным для христианских душ. Правда, было предложено делать детей при помощи ушей, однако эта деломудренная идея не нашла себе последователей. Верный святому методу амальгамирования, наш застенчивый учитель церкви вознамерился включить непорочное зачатие в физиологию. Разумеется, на меньшее никак нельзя пойти, если захотеть очистить ее от материалистической скверны!

Материализм! Апокалиптический зверь! Архангел Гратри извлекает свой пламенный меч, чтобы уничтожить этого зверя. Его книга призывает к истреблению декана медицинского факультета, который в 1850 г. осмелился порекомендовать

студентам чтение Кабаниса и Кондильяка²⁴. Он мечет громы против всякой нечестивой глупости, способной замутнить чистую воду ортодоксального учения. Послушайте этого нового святого Бернара²⁵, помноженного на св. Михаила.

„Следует истребить этот соблазн и препятствие великого искусства (медицины), т. е. материализм. Я ограничусь только одним примером. Я открываю самый распространенный медицинский словарь и нахожу для слова „идея“ следующее определение: „Идея есть модус деятельности, свойственный каждой части мозга. Простая идея является результатом деятельности одной частицы мозга. Сложная идея является общим результатом деятельности нескольких частей“. Разве не очевидно, что у критики нехватит свистков и бичей, чтобы освидетельствовать и изгнать из храма науки смешиного и жалкого нахала, который осмеливается писать подобные лишенные смысла пошлости?“

Эта тирада имеет несомненно некоторую евангельскую окраску, однако слишком бледную. Заметно, что наш оратор иногда выходит из церкви и путается среди нечестивых. Это нехорошо. С кем поведешься, от того и наберешься. Почему бы преподобному отцу Гратри не утолить своей жажды из одних только чистых источников, из библии, из апостольских булл, из епископских посланий? Ему следовало бы воскликнуть с тем громовым лаконизмом, который свойствен отцам церкви: „Молчите, бездельники! Вои, сволочи, дети Белиала, порождение ехидны!“ Вот настоящий стиль, стиль епископских посланий! Читайте епископов, отец Гратри, вы недостаточно усердно их читаете!

Что касается изгнания втируш из храма науки, то, так как вы не имеете туда доступа, я вам рекомендую поджидать этих господ за дверью с хорошим дубовым крестом в руках и при их выходе надевать их доброй толковой католических увещаний. Что касается нас, не домолюбивающих этих священных вольностей, то мы просто рекомендуем преподобному отцу в его собственных интересах выбрать себе какой-нибудь закоулок подальше. Опасно фланжировать наудачу по улицам. Можно ошибиться дверью и с научными формулами попасть в богословскую семинарию, а с богословскими — в политехническую школу.

Это конечно не значит, что такая ошибка может всегда иметь дурной результат. Как раз наш автор свидетельствует об обратном. Его медико-богословские галлюцинации доставят ему по крайней мере два кресла. Я не могу обещать ему кресло в Медицинской академии, последняя ячнина бы мне процесс по обвинению в диффамации. Несомненно однако, что тара-

барщина святого мужа откроет перед ним двери бывшей Фрапдузской академии, а его галиматия — двери так называемой политической и моральной академии.

Но двух кресел будет, пожалуй, мало. Академия наук несомненно поспешит дать ему третье кресло за его гениальные астрономические открытия.

И вот теперь, когда отец Гратри уселся с удобством среди трех кресел и плюхнулся в лужу, можно с чистой совестью произнести над его головой сакраментальную формулу отпущения:

„Иди и не греши, никогда не бегай за душами зайцами, никогда не суйся в воду, не зная броду, и не забывай о падоличестве в Иерусалим. Во имя отца и сына и святого духа отпускаются тебе грехи твои. Да будет так“.

П. О. Блянки. Статьи

1. **БЛЯНКИ, Луи-Огюст (1805—1881)** — французский революционер и утопический социалист, участник всех парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1871 гг., организатор ряда революционных обществ. Будучи убежденным материалистом и воинствующим атеистом (ему принадлежат знаменитый лозунг: „ни бога, ни хозяина“), наиболее близко из домарксистских социалистских подходов к революционному коммунизму, Блянки придавал сашиком большое значение личности в истории и не понимал значения массовых рабочих организаций. Этим, между прочим, объясняется позиция Блянки и его учеников в вопросе о борьбе с религией (см. в нашем сборнике отрывок из Энгельса о коммунарах-блянкистах). Являясь неустойчивым подпольщиком (он около 40 лет провел в тюрьме), Блянки до конца жизни не переставал быть вдохновителем тайных революционных обществ. Как только позволяли обстоятельства его полной тяжелой испытаний жизни, он стремился служить революции и своим ярким публицистическим талантом, издавая ряд журналов, где он между прочим громил и поповщину. Хотя Блянки был избран в Коммуну, по участия он фактически в ней не принимал, так как он был арестован накануне восстания. Попытки Коммуны выменять Блянки на арестованных Коммуной видных контрреволюционеров кончились неудачей, так как версальцы отлично понимали роль и значение Блянки. Последователи Блянки (коммунистов-революционеров) в Коммуне было 12 (из них 5 были членами I Интернационала). Они играли весьма крупную роль в истории Коммуны.

2. **Спиритуализм** — термин, когда-то часто употреблявшийся для обозначения идеализма. Происходит он от латинского „spiritus“ — дух. Этот термин до сих пор распространен в Англии.

3. Борьба с даришвином ведется полами в расах и без расы не только „духовным“ оружием, но и при помощи неспрыкрытых административно-полицейских преследований.

4. **МОЛОХ** — название древнесрийского божества природы и тепла, перед идолом которого сжигались человеческие жертвы. Слово это употребляется и как нарицательное имя жестокой кровавой жадной силы, требующей неисчислимых жертв.

5. **ГИЗО, Франсуа (1787—1854)** — французский государственный деятель и историк, ревностно защищавший и в своей политической деятельности (он был главой правительства польской монархии) и в своих исторических трудах интересы крупной буржуазии. Февральская революция 1848 г. заставила его бежать в Англию. **ФАРВ, Жюль (1809—1881)** — французский политический деятель, буржуазный республиканец. В революцию 1848 г. в качестве министра внутренних дел вел борьбу с революционными клубами. В качестве министра иностранных дел вместе с Тьером подписал мир с немцами и явился одним из главных дуниателей Коммуны. Он вел борьбу с I Интернационалом и после подавления Коммуны добивался выдачи коммунаров-эмигрантов, в чем однако Англией и Швейцарией ему было отказано.

6. **ДЮПАНЛЮ, Феликс-Филибер (1802—1872)** — влиятельный французский церковник, епископ орлеанский, ярый папист, много раз выступавший с речами и статьями в защиту религиозного восстания, светской власти папы и т. д.

7. **Плюны** — пазвание рабов в древней Спарте. Превращение в рабов воспоминанные служили предметом самого жестокого обращения и самой нещадной эксплуатации. Это название являлось синонимом полной отверженности.

8. **ДИАГОР (V в. до н. э.)** с острова Мелоса — древнегреческий философ, о котором известный французский просветитель Бейль (1647—1706) пишет, что „он был самым вольнодумным атеистом мира, частью отрицавшим существование богов“. Он подвергся в Афинах преследованию за безбожие, и после его бегства голова его была оденена. От его произведений ничего не сохранилось. **ДЕМОКРИТ (около 460—350 до н. э.)** — величайший материалист древности (материализм его являлся механистическим, а не диалектическим). Он признавал реальность лишь атомов и пустоты. По его учению, направленному против веры в сверхъестественный, тототсторонний мир, многообразное вселенной возникло из различных сочетаний атомов, в ней ничто не исчезает, ничто не возникает из ничего, в ней полное изменение имеет причины. Учение Демокрита являлось основой античного атеизма. **АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н. э.)** — один из величайших ученых и мыслителей древности, вместе со своими учениками подытоживший и обобщивший знания своего времени. Он оказал огромное влияние на развитие науки и философии. В средние века, да и в наше время, церковники разных мастей тупо старались приписать философию Аристотеля с христианством. **ЗЕНОН (IV в. до н. э.)** — древнегреческий философ, проповедовавший в афинском портике Стоя, вследствие чего за его школой утвердилось название стоиков. Уделяя главное внимание вопросам этики и практического поведения, стоицизм у некоторых античных философов носил пантеистический и космополитический характер. **ЭПИКУР** — см. I раздел, примеч. I. **ЭПИКТЕТ (I в.)** — греческий философ-стоик, призывавший к самоограничению, самосовершенствованию и погружению в себя. Он был рабом, затем вольноотпущенником. Его учение оказало влияние на мораль раннего христианства. **ЛУКРЕЦИЙ КАР, Тит (98—55 до н. э.)** — римский поэт-философ, поэма которого „О природе вещей“, излагающая учение Эпикура, является наиболее ярким выражением античного атеизма. **ПЛЕНИЙ СТАРШИЙ (I в.)** — древнеримский ученый, автор „Естественной истории“ (в 37 книгах), явившейся для своего времени своего рода научной энциклопедией. Погиб при оказании помощи жертвам извержения Везувия в 79 г., погубивший Помпею и Геркуланум. **МАРК АВРЕЛИЙ (121—180)** — римский император и стоический философ, последователь Эпиكتета, оставивший сочинение „К самому себе“, в котором изложено его мировоззрение. **СИННОЗА, Баруа (или Бенедикт) (1632—1672)** — голландский философ-атеист, метафизический материалист, своими сочинениями („Этика“, „Богословско-политический трактат“) нанесший сильнейшие удары основным элементам богословского мировоззрения (учению о боге, о деи в природе и т. д.). Он является также одним из родоначальников критики „священного писания“. За атеизм он был отлучен от еврейской общины. Учение Синнозы, хотя оно и не было отлучено от богословских предатов, сыграло величайшую роль в истории атеизма. **ДИАРО, Леви (1713—1784)** — один из крупнейших писателей и философов XVIII в., воинствующий материалист и атеист. В своих сочинениях, разнообразных по форме и содержанию, неутомимо подрывал устои

религии и церкви. За одно из них («О слепых») ему пришлось отседеть в крестни. Он был издателем и душой Энциклопедии, сгруппировавшей вокруг себя лучшие умы Франции XVIII в. и сыгравшей огромную роль в борьбе передовой буржуазной интеллигенции XVIII в. с церковью и абсолютизмом. **ГОЛЬБАХ**, Поль-Анри-Дитрих, барон (1723—1789) — один из наиболее выдающихся атеистов XVIII в. во Франции, автор капитальной «Системы природы», дающей наиболее полное изложение мировоззрения атеистов XVIII в. в догматической «библейской материализма». Его перу принадлежит также множество атеистических и антиклерикальных памфлетов, из которых особенно едкостью и остроумием отличаются «Вогословский словарь». Гольбах отвергал всякие уступки деизму, пантеизму, «естественной религии» и т. д. Имел значительные средства, Гольбах оказывал энергичную материальную поддержку пропаганде атеизма и материализма. **ГЕЛЬВЕЦИИ**, Клод-Адриан (1715—1774) — один из крупнейших представителей французского материализма XVIII в., автор книги «О духе», сожженной за нападки на монархию и религию. **ДАЛАМБЕР**, Жан (1717—1783) — французский философ и математик, долгое время бывший главным сотрудником Дидро по Энциклопедии. В вопросах философии стоял на позиции скептицизма. К атеизму Даламбера причисляли никак нельзя, хотя он некоторое время оказывал большие услуги пропаганде просветителей. **КАВАЙС**, Пьер-Жан (1757—1798) — французский медик и философ, отрицавший существование души как особой сущности, да и в других вопросах примыкавший к просветителям-атеистам (в последние годы жизни он несколько отошел от материалистического мировоззрения). **ЛАНАС**, Пьер-Симон (1749—1827) — французский ученый, своим астрономическим учением, изложенным в труде «Небесная механика», нанесяший сокрушительный удар религиозным объяснениям происхождения и устройства вселенной. О нем рассказывают, что, когда Наполеон I спросил у него, почему в его сочинениях ничего не упоминается о боге, он ответил: «Я не имел нужды в этой гипотезе». **ЛАЛАНД**, Жером (1732—1807) — французский астроном и математик, мужественно выступавший с пропавшей атеизма даже после того, когда французская буржуазия, ставшая господствующим классом, заключила соглашение с церковью, а буржуазная интеллигенция повернула вспять к религии. Он издал «Словарь атеистов» своего друга Сильвена Марешала, атеиста и революционера. В дополнениях к «Словарю» (1803 и 1815 гг.) он изложил свои аргументы против богопоклонничества. Здесь имело обронил знаменитое изречение: «Я общарил все небо и нигде не обнаружил следов бога». **ФЕЛЕРБАХ** — см. раздел I, примеч. 4.

9. **ЮЛЕР**, Мартин (1483—1546) — церковный реформатор, именем которого называется немецкая протестантская (лютеранская) церковь. Вначале он демогагически выступил в защиту крестьян, измучивших под гнетом феодалов, но затем, когда началась великая крестьянская война, он предал их, обрушившись с особой ненавистью на коммунистическое течение среди мелкобуржуазного сектанства в эпоху реформации. **КАЛВИН**, Жан (1509—1564) — церковный реформатор, сторонник учения о предопределении, непримиримый враг пантеизма, стремившийся создать в Женеве теократическую (т. е. основанную на господстве религии) республику. По его наущению сожжен был, как еретик, врач Сервет, отрицавший догмат троицы и божественность Христа.

10. **НАВУХОДОНОСОР** — имя халдейских царей. Здесь разумеется Навуходоносор II (VI в. до х. л.), покоритель Вавлона. С ним

в «священном писании» связана легенда о вещем сие, в котором царю пришлось колоса на гнилых полах, истолковавший провозом Даниилом как образ царства Вавилонодосора.

11. **Трактат о трех обманщиках** — книга, разоблачающая трех обманщиков: Моисея, Иисуса и Магомета. Некоторые историки атеизма (Ф. Маугнер и др.) считают существование такого «Трактата» легендой, возникшей в XII в. и порожденной тем, что папа Григорий IX, кровожадный гонитель «еретиков», в одной из своих булл против германского императора Фридриха II (1184—1250) обвинял последнего в публичном проношении фразы, согласно которой «мир сотворили тремя обманщиками: Моисеем, Иисусом и Магометом». Не раз, вероятно, должны были иметь место попытки подделат «Трактат», вернее, написать его и выдать за упомянутую легендарную книгу. До нас дошло несколько экземпляров изданного в 1598 г. сочинения на латинском языке (без кляуз) под заглавием «Трактат о трех обманщиках». Автор его неизвестен. По содержанию и толку оно является наиболее радикальным в атеистическом смысле, наиболее антихристианским сочинением до XVIII в. Русский перевод его вышел в 1930 г.

12. **ИЕРОНИМ** (330—419) — один из наиболее фаватичных отцов церкви в период превращения христианства в господствующую религию. Он является автором перевода «священного писания» на латинский язык, так называемой вулгаты. Ему принадлежит требование казнить «еретиков» во имя их спасения на том свете.

13. **ПЛАТОН** (428—348 до х. л.) — один из крупнейших идеалистических философов древней Греции, оказавший огромное влияние на различные течения религиозной и идеалистической философии позднейших времен. Если первоначально отцы церкви вели борьбу против Платона, как языческого философа, то скоро они стали пошлыми приговорами заимствовать из его идейного арсенала (его доказательства бессмертия души, учение о демурге, творце мира и т. д.). Некоторые готовы были даже превратить его в предшественника Христа.

14. **ТАЦИТ**, Корнелий (около 55—120) — римский историк. Его произведения («Анналы» и др.) являются важнейшими историческими источниками, хотя в их текст внесены позднейшие вставки (напр. о Христе). **ЦИЦЕРОН**, Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель и философ, знаменитый сохранившимися от него образцами его ораторского искусства. В вопросах религии и философии занимал эллинистическую и либеральную позицию. В сочинении своем «О природе богов» доказывал необходимость сохранения религии для народа, хотя признавался, что считает образы богов неправдоподобными и что два жреца не могут смотреть друг на друга без улыбки. **ДЕМОСФЕН** (384—322 до н. э.) — афинский политический деятель, активно участвовавший в борьбе Афин против посланцев македонского царя Филиппа. Сохранившиеся от него речи («Филиппики» и пр.) признавались величайшими образцами античного ораторского искусства.

15. **Мертвая рука** — неопровержимость лжущества, т. е. такое состояние, при котором искусство не может быть передано в другие руки ни при жизни владельца, ни после его смерти, а должно перейти в руки церкви, являющейся в данном случае единственным наследником. Правом мертвой руки пользовались в средние века и светские и церковные феодалы, но особенно широко оно применялось в отношении церкви, за служителями которой укрепились кланка «людей мертвой руки».

16. **ОРИГЕН (185–254)** — видный защитник христианства и учитель церкви (хотя он и не избежал осуждения, как „еретик“), в своем изумительном дошедший до самоосуждения. Большой интерес имеет его сочинение „Против Цельса“, по которому удалось восстановить, уничтоженное христианами сочинение языческого философа Цельса, направленное против христианства.

17. **ЦИЦИЛОН И МАРИЕЛЛА** — два знатных патрицианских рода в древнем Риме, выдвинувших ряд видных политических деятелей и полководцев.

18. Формула эта, являющаяся выражением крайнего религиозного мракобесия, принадлежит известному христианскому писателю и отцу церкви Тертуллиану (160–230), который договорился до того, яростно защищая непререкаемость „божественного вдохновения“, требуя слепой веры во все религиозные бессмыслицы и отвергал всякие права разума в вопросах религии.

19. **Апокриф** — название, присвоенное в истории церкви за сочинениями древнееврейской и раннехристианской религиозной литературы, которые церковью не внесены в „каноны“, т. е. в свод „священных писаний“, признаваемый церковью правильным. Соображения, по которым церковью исключала из „канона“ те или иные сочинения, не имеют ничего общего с достоверностью, подлинностью (хотя церковь именно так объясняет дело). „Премудрость Соломона“ или „Пастырь Ерма“, признанные церковью за апокрифы, за „отреченные“ книги, не более и не менее сомнительны, чем „Псалтырь“ или „Послания“. Под апокрифами разумеются обычно вообще поддельные или весьма сомнительные сочинения и литературные материалы.

20. Попытки рационалистического объяснения библейских „чудес“ до сих пор не прекращаются в церковной литературе, несмотря на полную их безнадежность. Источники библейских рассказов находятся преимущественно не в тех или иных реальных исторических событиях, а в верованиях примитивного анимизма. Много материала для действительно научного объяснения библейских „чудес“ дает работа Фрэзера „Фольклор в ветхом завете“, имеющаяся в двух изданиях на русском языке: „Библейские сказания“, изд. „Безбожник“, „Фольклор в ветхом завете“, изд. Соцгиз.

21. **Сорбонна** — в настоящее время университет в Париже. В средние века она была высшим богословским учебным и научным учреждением, пользовавшимся величайшей популярностью и огромным авторитетом в католическом мире. Название свое получила от имени своего основателя Роберта де-Сорбона, канцлера и духовника короля Людовика IX (XIII в.).

22. **Фома АКВИНСКИЙ (1225–1274)** — авторитетнейший католический богослов, труды которого до сих пор рассматриваются как основа католического правоверия. Являясь стоиком средневековой схоластики, Фома Аквинский рассматривал философию как служанку богословия и стремился уложить все философские проблемы в прокрустово ложе католической догматики. В настоящее время некоторые поповствующие ученые и философы Запада пытаются примирить Фому Аквинского с современной наукой (так называемый неомизм).

23. **Мистагог** — у древних греков жрец, посвящавший в тайны или наставлявший в них. Здесь употреблено в ироническом смысле.

24. **КОНДИЛЬЯК, Этьен-Бонно (1715–1780)** — французский философ, усвоивший и развитый сенсуализм английского философа Локка. Выводя сознание из ощущения, ставя в основу всей деятельности сознания опыт и привычку, Кондильяк подрывал веру в душу и

другие религиозные „истины“. Правда, конечным выводом самого Кондильяка является агностицизм, так как он считал, что сущность вещей непознаваема. **КАБАНИС** — см. настоящий раздел, примеч. 8.

25. **БЕРНАР, святой (1091–1153)** — видный представитель средневекового воинствующего католицизма, вдохновитель второго крестового похода, основатель одной из твердых католичества во Франции (клервского аббатства), мрачный изувер и ярый мракобес (особенно резко преследовал он вольнодумца Абеяра), гонитель еретиков. Бернар, разумеется, канонизован католической церковью.

РЕЛИГИЯ *

I. Религия бессильна осуществить порядок

1. Религия враждебна науке и прогрессу: это положение, которое может показаться продиктованным ненавистью и нечестием, является почти догматом.

Одно дело верить, — говорит один богослов, — другое дело судить о том, что заслуживает веры: *Aliud credere, aliud judicare esse credendum*. Он хочет сказать, что первое относится к человеку, а второе — к богу или к авторитету, который установлен божественным путем для просвещения людей. — В чем заключается правило веры? — спрашивает другой. — В том, чтобы прилечь к тому, во что верили все, всюду и всегда: *Quod ab omnibus, quod ubique, quod semper* ².

Вот где мы имеем, с одной стороны, противопоставление веры рассуждению, а с другой — выражение неподвижности, застоя в предписанной вере. Давно уже было отделено духовное от мирского; оставалось только отделить духовное от разумного, от рационального и из науки о человеке, об обществе, о боге сделать нечто традиционное, предмет принимаемого на веру предания. Когда дело дошло и до этого, остается умереть: нечего больше делать в этом мире, нечего больше сказать людям.

Но это относится только к морали и теодицею (и это не пустяк, так как мораль охватывает политическую экономию и семейный быт, а теодицея вытекает из высших заключений метафизики): надо показать, что антипатия религии к науке имеет **общий** характер.

2. Некоторые избранные умы вообразили в наши дни, что, оплодотворяя науку некоторыми еще не совсем умершими

остатками католицизма, можно произвести успешную революцию в обществе, служа одновременно религии. Это дало возможность убедиться в глубочайшей враждебности религии движению и мысли. Христиане, весьма предусмотрительно заботясь о прочности, устойчивости своей веры, постарались поставить на службу религии все, что мы получили от исторических, экономических и естественных наук. Но мы видели, как папа дезавуировал господина де-Ламенна ³, заставил молчать г. Ботана ⁴, как прогрессивные теории г. Бюшэ ⁵ вызывают тревогу у католических листов, как г. Жеспуд ⁶ начинает вызывать неудовольствие своим полудемократическим роялизмом и своей галликанской верой, как аббат Лякордер ⁷, вдохновляемый в своих проповедях идеями века, не меньше, по крайней мере, чем библией, признается опасным. Несравнимые священники, считающие себя мудрыми, вы хотите угодить науке религии? Так не учите ничему, не говорите ничего, заткните ваши уши, сожгите все ваши книги и читайте ваш молитвенник.

Вот что приходится сказать о приложении науки к богословию, вот что выражает отношение религии к самой науке.

3. „Нет ничего нового под солнцем“, — повторяют проповедники вслэд за Еклезиастом, как если бы дело шло о факте, а не о наблюдении. Они не знают, эти декламаторы, что в глазах физика природа всегда блещет новизной и что для историка-философа каждый день приносит новое. — „Я видел все, — восклицает мнимый мудрец, — и сказал себе: „все суета“. Но когда вы добываетесь до вершины всех его знаний, то вы обнаруживаете, что он ничего не видел, кроме своих выухов и женщин. И тем не менее Еклезиазм оказывается вполне достаточным для епископа, автора „Погребальных проповедей“ ⁸, чтобы отгнать науку, единственную реальность, доступную человеку, единственный источник его счастья, к числу суетных и причиняющих скорбь вещей.

4. Диалог между богословом и резонером:

Теолог: Учитель так сказал.

Резонер: Учитель ошибся.

Комментарий Сая ⁹: „Мудрость веков есть не что иное, как невежество веков“.

Жители острова Минорки вместо того, чтобы устраивать прививки своим деревьям, как они это видели у англичан, заявляя, что никто лучше бога не знает, как деревья должны расти. При Людовике XI, когда чума и голод опустошали Францию, единственным лекарством, которое противопоставлялось этим бедствиям, были молебны и крестные ходы. Эмпиризм,

* P. Proudhon, De la Création de l'Ordre ou Principes d'organisation politique. Paris, 1877 г., стр. 474.

рутина, благоговение перед традиционной верой, религия и суеверие — вот что в конечном счете всегда получается из неприятия науки, вот неизбежный результат упорства веры. Человек, вера которого непобедима, подобен животному, погруженному в атмосферу, лишенную кислорода: дыша, он задыхается.

5. Но если, согласно определению, данному нами, — определению, гласящему, что религия есть не что иное как первое впечатление, произведенное на сознание человека зрением природы, — может показаться, что она не исключает с необходимостью проверки и испытания, то как же получается, что всюду оказываются освященными навеки религиозные измышления?

В течение долгого времени было в моде приписывать это освящение священникам и царям: нет ничего более несправедливого¹⁰.

6. Религия, пытаясь осмыслить в своей манере вещи действительного мира, выражаясь метафорами и аллегориями, получая поддержку в этом отношении в живом воображении молодых обществ, уже с самого начала придумала гигантские космогонические апопеи, примыслила целый мир призраков. Неспособная наблюдать и определять, она искала убежища в символизме. По что такое символ? Материализация идеи, своего рода иероглиф, замещающий формулу. Что доказывает символ? Неспособность обобщать и абстрагировать, подавленность сознания фактом бытия.

7. „Больше уже не пар производит гром, это Юпитер мечет свои стрелы, чтобы напугать землю“, — сказал один поэт. Все факты природы, все психологические и социальные факты истолкованы религией на один и тот же лад. Так например, геологические катастрофы мира превращены в потоп, посланный во искупление грехов человеческого рода. Зло порождено яблоком дельи и лицом Пандоры¹¹. Дух завоевания унаследован от гигантов, родившихся от сношений ангелов и женщин. Потрясение одной из древних империй имело своим источником статую Навуходоносора¹². Причиной падения целого народа оказывается пир Вагтасара. Законодательство имеет своим источником оракулы Сивы и ответы нимфы Эгерии¹³. Супружеская стыдливость — это Юнона на горе Иде¹⁴, это Мария, одновременно дева и мать. Три царства природы — это бог в трех лицах. Различные языков и наречий объяснено вавилонским столпотворением. Слово — это вторая ипостась троицы. Социальные реформы — это освящение омовением или крещением. Братство всех людей — это евхаристия, или коллективное богослужение. Теория преступлений и наказаний находит

свое выражение в клячах св. Петра, освящение законов — в страшном суде.

8. Таковы были первые композиции, которыми человеческий разум, пробуя свои силы, отвечал на великие космогонические и антропологические вопросы. Чудеса и богоявления составляли существенную часть этих рассказов, действующие лица которых, олицетворенные абстракцией, облакались в самые фантастические формы, подобные чудовищам, в виде которых лепили их скульпторы средних веков, в образы сфинксов, драконов, крылатых львов, химер, кентавров, демонов и т. д.

Но именно такова была база не только верований, но морали и законов. Как дороги были эти басни и мифы народам, какую

огромную ценность представляли они для законодателей! С каким презрением должны были встретить первых людей, смешавших поставить под сомнение их реальность! Кто вы, новые люди, — говорили им, — что вы смаете предлагать нам помыслы вашего сердца вместо слова божия, вместо веры наших предков! Наши предки были свидетелями этих чудес, они получили эти откровения, и мы знаем, что для бога нет ничего невозможного...

Как должна была в дальнейшем усилиться религиозная вера, когда люди увидели, что и сама философия потерпела крушение в разрешении тех проблем, извращение которых она ставила в вину религии.

9. Символизм, отнюдь не будучи ответом на проблемы, о которых я говорю, по существу лишь, так сказать, поставил их перед человеческим сознанием. Общераспространенной ошибкой наших дней является представление, будто эти мифы скрывают какую-то глубокую философию или высокие метафизические формулы, между тем как в действительности они являются свидетельством бессилия мысли и ничтожности знания.

Чем больше вдумываешься в смысл догм и преданий, тем больше убеждаешься, что религия неизменно враждует в кругу конкретных идей, лишенных глубины и общности, тем яснее видишь, — вещь странная, — что религия ничего не смыслит в собственных своих тайнах и церемониях, что она так же ничего не знает о себе, как и о конечных целях человека и общества.

10. Каков смысл жертвоприношения, какова его сущность? Необходимость искупления совершенного преступления, воспарение сердца при виде природы, ощущение благодарности, признательности и любви к ней. Но ведь это — возвышенные идеи, которые с прогрессом науки лишь развиваются все больше и больше. И ведь подумать, что наши священники не уплы в этом отношении дальше дикарей!

Дикарь разбивает свой идол, когда он не может ничего больше получить от него. У Гомера герои стараются завоевать благосклонность богов пышными обещаниями. В Пятикнижии мы видим, как сам господь — бог иудеев указывает свою долю в приносимых ему дарах. Ныне обедня самого последнего разряда стоит 15 су, а самый торжественный молебен — 3 франка. Всяду жертвоприношения превращаются в меновой акт, в котором посредником является жертв или священник. Впрочем и далеки от мысли упрекать кюря в их доходах от тиб, которые они сами часто превращают, клеймя их как симонию ¹⁵, но если только народ дойдет до мысли, что бог не продает своих

даров, что он посылает дождь одинаково верующим и неверующим, что милосердие его распространяется одинаково и на тех, кто служит ему обедни и кто не служит, что перед ним благочестие без дел ничто, то положение резко изменится: пройдай тогда оплаченные обеды, конец тогда всем прибылям и делишкам ризниц.

11. Вот самая глубокомысленная доктрина, какую только мы находим у католических писателей о жертвоприношении:

„Вера учит нас, что для искупления греха, врожденного природе, человеческой, понадобилась теандрическая (богочеловеческая) жертва. Возможно, что люди, изобретшие человеческие жертвоприношения, узнали эту истину из какого-либо смутного предания и что обряды, которые нас теперь возмущают, были с их стороны не чем иным как попыткой найти такую жертву“ ¹⁶.

„Когда человек, — говорит Бенжамен Констан ¹⁷, — принес в жертву все, что он может только принести, — растения, плоды, животных, человека, удовольствие, стыд, самую добродетель, — он кончил умерщвлением своих богов“.

12. Что такое молитва? Медитация, мысленное вознесение к богу, чаще всего выраженное в словах, которое грубый, немощественный, неспособный сосредоточиться, не умеющий связно мыслить человек научился повторять и на которое его слабый разум опирается, чтобы возвыситься до утешительных и возвышающих его мыслей. Молитва, одним словом, является для мало изощренных, для слабых умов вспомогательным средством для рефлексии, для размышления, для погружения в себя, зачатком философии. Священники сделали из этого скучную и однообразную канитель с четками, литаниями, дельми гирляндами из „аве Мария“ и „отче наш“, с обещаниями отпущения мирских грехов и векселями на потустороннюю жизнь.

Религия сама не знает, что она содержит в себе глубокого и божественного. Почему? Именно потому, что она всегда ограничивается символом, буквальным смыслом, что она не умеет переходить от конкретного к абстрактному.

13. Я отметил враждебность религии по отношению к науке и ее невежество относительно самой себя. Посмотрим теперь, как она понимает общество. Я беру свои примеры у иудеев прежде всего потому, что именно у них жречество фигурировало как политическое сословие, как наиболее влиятельная часть нации, а затем и потому, что наше духовенство считает Лаарона и левитов своими предшественниками.

Сеннахериб ¹⁸ после поражения пал убитым: это, мол, Ягве его поразили... Всегда и всюду, по словам редакторов Библии, Ягве карает, всегда и всюду он убивает. Им не приходит, этим

редакторам, в голову искать причины катастроф, свидетелями которых они являются, в крахе централизации, в отсутствии политической конституции и правовых гарантий, в бешеной конкуренции, в раздорах малых народов, общие интересы которых требовали объединения: подобные идеи являются слишком низменными для стиля людей божских, слишком уж шепетливых насчет возвышенности своих концепций. На их взгляд всякое обрушивающееся на людей зло является свидетельством того, что бог гневается. Следовательно, — горе побежденному! Дамаск пал: проклятие, анафема Дамаску! Тир побежден: проклятие, анафема Тиру! Вавилон погибает: анафема, проклятие Вавилону! Моаву угрожает гибель: анафема Моаву! Самария и Иерусалим друг за другом подвергаются разрушению и разграблению, — казалось бы, патристически настроенный священник должен был бы искупаться своего отцеубийственного аргумента, по пет, — это Ягве поразила свой неверный народ: анафема Самарии, Иерусалиму анафема!

14. Вы, может, хотите узнать что-нибудь от пророков о причинах нравственного разложения в Иудее, о нуждах и запросах общества, об умонастроениях эпохи? Откройте Исайю:

„Внимайте, побеса, слушай, земля, предвечный говорит“. Что же он сказал, предвечный? — „Я питал детей своих, я вознес их к великой славе, а они пренебрегли мной!

Знает вои господина своего, знает осел скли свои, Израицль не знает меня больше; народ мой остался без разума.

Горе народу, покрытому грехами, горе народу, погрязшему в несправедливости, горе народу вероломному, горе детям преступленца“.

Все остальное написано в том же тоне. Можно ли после этого поразжаться, что пророки не выдвигали ничего кроме презрения, что их требования встречались с полным пренебрежением, что все те, которые мало беспокоились об интересах культа, которые не были притянуты благочестием с юг до головы, пропустили мимо ушей их слова? Мы наивно думаем, что в нашем распоряжении имеются наиболее драгоценные памятники еврейской литературы, а между тем у нас нет ничего кроме миссионерских проповедей. Светские сочинения и общественные документы погибли: священники, которые, в силу особых свойств своего института, пережили общий распад, сохранили нам свои расхождения, которые они должны были спасать вместе с ковчегом своего бога. Когда мы судим о нравах и сознании евреев по Библии, то это похоже на то, если бы мы стали рассуждать о политике Римские по „Sermons“ Бурдалу и „Petit Carême“ Массильона¹⁹.

15. Однако сквозь этот поток высокопарных вещаний и ругательств кое-где можно обнаружить некоторые истины.

„Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гонимые за мздой“.

Духовенство, как и все партии, стремящиеся к власти, пытается завоевать благосклонность народа, нападая на безпорядки и ошибки правителей. Секрет очень прост и требует мало остроумия. Однако что касается принципов, законов, средств и лекарств, не требуйте их от пророков: они не знают ничего другого, кроме изыпания к покаянию.

Попробуйте теперь обратиться к их преемникам. Через три тысячи лет они повторят то же самое, три тысячи лет их ничему не научили.

„Никакой институт, — говорит де-Местр, — не может существовать, если он не покочится на религии“²⁰. Другие, наоборот, отмечают, что народ тем менее способен к политике и законодательству, чем более он религиозен.

Но что разумеет он под религией? Установления церкви, семь таинств, воскресный отдых, пост в пятницу, повиновение князьям и духовенству. Но в таком случае что же общего между организацией труда и пасхальным причастием, между разделением властей и культом мадонны, между свободой печати и наушной исповедью, между проблемой распределения богатств и дарохранительницей?..

„Если наука, — присвоивала нам божомудр, — если наука не будет подчинена религии, мы будем доводить науку до скукота“²¹. Он хочет сказать, что мы не будем иметь больше религии. По какая опасность возникнет от того, что священники вместо отправления таинств будут говорить немного о равенстве, вместо отпущения грехов будут проповедывать об оторочке и упразднении ростовщических долгов, вместо служения бесконечных вечеров на латинском языке будут стараться придать более нравственный характер театральным зрелищам, вместо церковных братств будут организовывать литературные и научные общества? Разве не знают они, что, чем больше человек работает, тем меньше ему приходится каяться, что, чем больше он рассуждает, тем меньше у него пужды и молитвы? Пусть наконец священники на опыте покажут нам действительность своих обрядов. За 18 веков мора было бы сделать это.

16. Неспособная проникнуть в смысл вещей религия еще более бессильна существовать в обществе. Человечество, с холмбелли замолоченное религией, росло и развивалось под ее сенью, но прогрессом своего разума, усовершенствована

нием своих прав и улучшением своей участи человек отнюдь не обязан своей нормализации: нигде и никогда религия ни на одну ноту не помогала и не содействовала разуму.

Везде, где религия появляется, она фигурирует не как организаторское начало, а как средство господства над волями людей. Относясь безразлично к форме управления, т. е. к политическому строю, религия освящает все, освящения чего требует от нее законодатель, и проклинает все, что он приказывает ей проклясть: государство издает закон, религия санкционирует этот закон, наказывает уважение и страх перед законом, предписывает повиновение этому закону.

17. В Индии религия разделяет кастовые привилегии вместо со знатью и царской властью, тогда как в Греции она восстанавливает свободу и равенство. В Египте она пользуется тайной властью над государством, тогда как в Риме она только освящает декреты форума и политику сената; в Египте она высокопарна и таинственна, говоря сверхчеловеческим языком, в Риме она — смиренная служанка, в Риме она сведена к пустому церемониалу и кулинарным функциям.

18. В Китае, где общественное сознание, несмотря на изолированность народа, достигло такого замечательного прогресса, со времен глубокой древности не знают ни официального культа, ни государственной религии. Общество сохраняет свою форму здесь вот уже две тысячи лет без священников, без догмы, без алтаря, без жертвоприношения.

Однако это преждевременное развитие разума повредило прогрессу китайцев в такой же мере, в какой могла повредить положительная религия: разум, слишком рано освободившийся от религиозной оболочки, погрузился в софистические хитросплетения и, заблудившись в океане тончайших и скрупулезнейших отвлеченностей, не смог, вопреки великолепным открытиям, подняться до подлинной науки.

19. Моисей может рассматриваться как антипод Конфуция. Вместо того, чтобы окончательно освободить государство от религиозного влияния, он самые политические институты государства превратил в религию. Для Моисея бог и закон должны были составлять одно и то же. Результатом явился абсолютный застой: несмотря на ценнейшие зародыши и плодотворные элементы, содержащиеся в ней, мозаическая система погибает за отсутствием движения и жизни, так как идея божественного откровения преграждает путь для всякого развития (кто же смеет касаться творения божьего?).

20. Что касается Иисуса, то его роль разрушителя религии не может вызвать никакого двусмысленного толкования: он издается над набожными людьми, высмеивает священников,

утверждает, что не человек создан для религии, а религия для человека, давая понять, что если религия бесполезна, то от нее следует освободиться.

Но когда увидели, что он предписывает отдать цезарю то, что принадлежит цезарю, когда услышали, что он объявляет свое царство не принадлежащим к миру сему, когда Иисус стал поддерживать некоторые традиции прошлого, когда он сохранил старую формулу посвящения, когда он установил в качестве жертвоприношения обряд поминальной трапезы, когда он стал говорить о своем учении в метафизических образах вкушения воды и хлеба, когда он стал нагромождать аллегорию на аллегорию и притчу на притчу, то вместо того, чтобы понять истинный смысл учения Иисуса, его последователи истолковали его на старый лад. Вместо того, чтобы понять, что делошло о социальной реформе, они вообразили, что он явился, чтобы принести новые догмы, новые, более глубокие таинства, новые вероучения. И из парадного моралиста, каким он являлся, он был превращен в носителя откровения — бога. Усилия таинственика освободить общество от скверны суеверия превратились в материал для нового суеверия: самый смелый из рационалистов был превращен в чудотворца и мифолога. Подобное чудовищное извращение является почти неправдоподобным, а между тем оно засвидетельствовано каждым стихом евангелия. Я не боюсь сказать это: именно религиозная мания фальсифицировала христианство и погубила плоды этой безмерной революции. Но время тогда еще не созрело, сроки тогда еще не наступили, разум человеческий тогда не в состоянии был еще двигаться без помощи мифов и символов. Если за три века до этого реформа, затеянная Сократом, не удалась, то это произошло потому, что Сократ остался Сократом. Для того, чтобы Иисус мог заставить людей слушать себя, необходимо было, чтобы Иисус христос стал богом.

II. Религия — причина упадка и бесплодия

1. Посмотрите на древний Египет, опутанный своими суевериями и иероглифами, целых 20 веков пребывающий в застое, посмотрите на Восточную империю, со времен Константина до последнего Палеолога²¹ погруженную в богословские диспуты, взгляните на средние века, склоненные под игом феодализма и веры, способные освободиться, лишь свергнув князей и священников, бросьте взор на магометанские народы, находившиеся когда-то в цветущем состоянии и в конце убитые фатализмом, присмотритесь к индусам, благоговейно распространявшим в своих пагодах, вспоминайте об отвратительной морали

незвитов, о миссиях Парагвая, ²² о правах Ватикана. Сравните эти человеческие стада с артистической и философической Грейдей, с римским народом-законодателем, с молодой Америкой, имеющей сотню различных культа (а ведь это значит, что она не имеет никакого), с современной Европой, где церковь, почитаемая как религия, существует лишь по снисходительности науки, не утесняющей заниматься ею, и где общество идет к завоеванию и осуществлению порядка при полном игнорировании католических верований. Сделайте такое сопоставление и скажите мне, не кажется ли вам, что религия и свобода, религия и наука, религия и нравственность, религия и прогресс являются вещами взаимно антипатическими или по крайней мере гетерогенными по своему существу.

Поидите дальше и сравните „Политику, извлеченную из священного писания“, с „Духом законов“ ²³, „Телемака“ с „Общественным договором“ ²⁴, инквизицию с парламентами, университет со старой Сорбонной, ²⁵ Генриха IV и Ришелье с кардиналом Флери и Людовиком XV ²⁶, первую половину царствования Людовика XIV ²⁷ со второй, Мирабо с аббатом Мори ²⁸, республику с реставрацией, — сравните и скажите, совместны ли на основании всех этих примеров политический гений с религиозным мышлением?

2. Духовная сфера не способна дать правила поведения в сфере мирской: это настолько верно, что даже сама религия никогда не в состоянии была осуществлять на практике свои собственные заповеди. Чем объясняется, что христианство не в состоянии было осуществить свой закон милосердия и братства? Разве не объясняется это тем, что ввиду того, что выражение этого закона имело чисто мистический характер, верующие вместо того, чтобы видеть в христианстве принципы, которые должны быть развиты анализом и размышлением, находили там лишь божественные заповеди, которым разум должен был безоговорочно и бездумно подчиниться? Всегда и всюду мы в религиозной сфере обнаруживаем нерасчлененность идеи, символизацию мышления, грубый факт, мертвящую букву, которые душат мысль и мешают анализу. Меня изумляют первые христиане: жаждущие мученичества, готовые отдать свои богатства, горящие пламенным энтузиазмом, одновременно кроткие и строгие, они установлению равенства придавали гораздо меньше значения, чем всем своим добродетелям, они не приносили ради него ни одной жертвы, они оказались не в силах его понять. Вместо того, чтобы построить весь свой быт на четко разработанных правах и обязанностях, они ограничиваются созерцанием этого красивого, но бесплодного изречения: любите друг друга, любите ближнего, как самого себя. И вот скоро, за

отсутствием теории и организации, любовь и братство исчезли. Некоторое время они пытались вести полукommуннистический образ жизни, но скоро это надоело, и тогда как героизм веры и пропагандистская ревность продолжали расти, трагедия любви была оставлена. Нигде христианство не осуществило своих идей: сирийцы, арабы, армяне, иудеи, персы, друзы, все народы, среди которых выступало христианство, остались такими же, какими они были до него. Ввиду того, что коммуна оказалась неосуществленной, ее, — о, глубина религиозного духа! — признали слишком совершенной для толпы: трудность осуществления этой заповеди была приписана испорченности человеческой природы. Монастыри, эти гнезда натир и дрозд, скуки и печали, были оставлены для избранных. С тех пор стало так, что люди, равные перед богом, не в состоянии оказались осуществить равенства между собой на земле. Вечное блаженство было обещано в награду за лишения на земле, и милостыня, скупая милостыня, заменила сладостное братство. Зато было придумано богословие, которое причинило христианам вред, бесконечно превосходящий ту пользу, которую они получили от милосердия.

3. Совершенно немислимо, — восклицает Гердер ²⁹, — представить себе, как долго томилась жаждой человеческая мысль благодаря богословию, какую печать креста оставил на челе народов! В течение веков pisciculi christiani (христианские рыбки) плавали в грязных водах. Самые остроумные, самые талантливые народы мира, греки например, преображенные десятью веками бедствий, сделавшиеся коварными, пенежественными, суеверным народом, превратились в жалких рабов священников и монахов, еле способных понять и оценить гений своих предков. Так окончился первый и самый блестящий период христианства“.

4. Не имея в себе никакой творческой и способной к развитию силы, религия была в состоянии жить, лишь приспособляясь к светской политике и к гражданским законам.

Христианство является насквозь римским по своему характеру: мне нет нужды говорить, что я беру этот эпитет в ином смысле, чем катехизис. Так как первоначальное братство не могло удержаться, то необходимо было как-нибудь иначе организовать церковь. И вот за образец взяли республику. Каждый епископ сделался своего рода проконсулом, имеющим своих помощников, своих квесторов, эдилов, легатов и своих воинов. Соборы синодов стали походить на заседание сената и сопровождалась не меньшими смутами и не меньшей разногласий. Народное избрание епископов, практиковавшееся вначале, было своего рода подражанием коалициям, тогда как

положение рук напоминало вручение пучка прутьев, знака консульского звания. Наконец имелся налицо и церковный император, а когда империя разделилась, то их стало двое. Это стремление к подражанию распространилось решительно на все: анциклики, каноны, декреты, дефиниции напоминали декреты народа, постановления сената, эдикты претора, рескрипты императора; папская дипломатия и церковная иерархия явились подражанием дипломатии и иерархии цезарей. Это подражание доходит до старинной формулы sacer esto (да будет свят) из законов XII таблиц, воскресшей в словах anathema sit (да будет анафема), которыми столько раз отправляли на пытку и казнь еретиков.

5. Мало-по-малу евангельская мораль перестроилась в соответствии с юриспруденцией: в то время как первые отцы церкви, особенно греки, пропитанные есеевскими и платоническими идеями, высказываются за коммуны, выступают против понятий „твое и мое“, проповедают гражданское равенство, латинские отцы церкви поддерживают и освящают собственности и ограничиваются характеристикой ростовщичества как „денежного интереса“ *. Один плохо понятый текст евангелия осуждает развод: церковь немедленно ухватывается за этот текст и устанавливает целый ряд самых тяжких оговорок и препятствий для развода. Наконец моногамия, проповедуемая евангелием, пашла себе могущественное подспорье в греческих и римских правах. Моногамия была латинским институтом задолго до проповедей Иисуса, и вот когда христианские секты, имеющие восточное происхождение, принялись нападать на брак, на семью, на продолжение рода, когда они приняли проповедывать отвратительную свободу полов, святость брака пашла себе самую крепкую опору у церкви Галлии и Италии.

6. В настоящее время, как и когда-то, христианство замешуется со всех сторон все, что ему нравится, вытисывает в себя все, что ему кажется подходящим: у философов оно берет этические рассуждения, у геометров оно требует выводов, благоприятных для рассказов библии, у филологов оно ищет теории происхождения языков, подтверждающей вавилонское столпотворение, у геометров — обоснования размеров Ноава ковчега, у химиков — доказательство того, что растворенное золото может быть принимаемо внутрь (для спасения правдоподобия легенды о золотом телеце), у астрономов — объяснения чуда Исайи, который заставил тень одного карлика сокращаться в то время, как солнце все дальше двигалось к зениту. Христианство позволяет френологам утверждать, что головы Христа и девы

являются идеалом красоты, соединенной с мудростью, материнства, сочетающегося со стыдливостью, но оно осуждает френологов, когда они объясняют способности и склонности человека как результат деятельности тех или иных частей его организма.

Христианство, одним словом, допускает и понимает науку лишь как доказательство своих мифов. История должна превозносить триумфы церкви, мораль должна лишь пересказывать катехизис, юридические науки должны быть готовы превратить государство в видимую руку духовной власти, искусство должно служить сооружению храмов и украшению алтарей, тогда христианство готово их поощрять. Без этого оно считает науку бесполезной, и передостью являются священники, которые обильног правительство в пелблоразумни за то, что оно увеличивает количество школ и насаждает образование.

Как христианство смеет еще предъявлять претензии на оригинальность и на прогресс? Что, собственно говоря, разумуют те, которые любят употреблять выражения: „развитие принципов христианства“?.. Разве религия имеет принципы?

7. В недрах католицизма происходит в настоящий момент необычайное движение. Священники услышали наконец те упреки, которые подымаются против них со всех сторон, упреки в упорной приверженности к потерявшим всякий смысл пред-рассудкам, в противодействии просвещению и сопротивлении прогрессу, упреки, надо сказать, несправедливые, ибо опозиция каким-нибудь идеям предполагает наличие каких-нибудь идей, а между тем всякое мировоззрение, тем более мировоззрение порядка, это — закрытая книга для религиозного догматизма. Не будем смещать силу инерции с философским отрицанием. И вот священники забеспокоились, почувствовали, что вера их колеблется, начали вопрошать науку, которая создана без них и которая прошла мимо них, начали присматриваться к колебаниям политики, в которой они ничего не понимают, начали делать попытки использовать в своих интересах явления, которые она не предвидела и которые уносит их в своем потоке. Некоторые священники проявляют намерение проповедывать обновление и реформы! Но так как они не двигались вместе с цивилизацией и так как никому не дано выйти за пределы, положенные природой, то священники в своих реформаторских проектах оказываются наиболее отсталыми из всех людей. Некоторые из них, утомленные христианским застоєм, резко порываются с церковью и подвергают хуле свою былую веру, однако все они, правоверные или отступники, все они, с давних пор поработанные религиозной формой мышления, воображающие с первых шагов, что они проделали какой-то гигантский путь, — все они безрассудно стре-

* Bossuet - Traité de l'usure (Трактат о ростовщичестве).

мается повернуть общество на путь, который они считают новым, но который на самом деле является не чем иным, как мертвой словесностью или чем-то совершенно выдохшимся. Под всеми изможденными формами политических систем скрывается в настоящий момент тайный заговор жреческого бес- силля против осуществления порядка. Впрочем, мы везде на- ходим здесь тот же догматизм, прикрытый великими именами бога, providения, предания, авторитета. Везде здесь тот же стиль, стиль оракульских вещаний. Для того, чтобы довер- шить изображение этого стиля, лучше всего попробовать при- вести подражание ему*.

8. Вот что говорят дух порядка, гений с пламенными крыльями, бдящий над судьбами Франции:

Сын человеческий!

Пиши священнику Лакордеру, ультрамонтану:

Как, ты говоришь о свободе, сын Доминика! ³⁰ Ты воз- ведаешь новый век, ты, ученик палача моих первых избран- ников! Но можешь ли ты собрать всю кровь, пролитую за семь веков, воскресить целую истребленную расу, упразднить при- говоры Иппоксентия и Григория, отменить костры Монфора и Кастельно?... ³¹ Певущая кровь вопиет ко мне против церкви! Когда-то она употребляла железо и пламя против „добрых людей“, а теперь изречение этих „добрых людей“ на устах ее. Однако, я клещу кровью мучеников, братство не может притти от церкви, и у меня для ее гордыни не будет никогда ничего, кроме хулы и улюлюканья: Ridebo et subsannabo (буду осмеивать и издеваться).

9. Пиши аббату Женуду, легитимисту:

Когда народ требовал свободы, почему вопли вы о бунте и бесечии? Когда он требовал равенства перед законом, почему ответили вы угрозами? Когда он хотел установить по- рядок в церкви и в государстве, почему обвиняли вы его в захвате и насилии? А теперь вы говорите о порядке, о кон- ституции, о свободе! Знайте же, люди древних веков, при- слушайтесь к движению моих шагов, старые защитники цар- ства, которое давно навсегда забыто мною: это я разбил скипетр великого короля, осудил на гибель его род, унизил его знать, его жрецов, ибо они отказались следовать по пути моему... Кто же ты такой, что пытаешься обойти судьбу? Откровения твои появились слишком поздно; политика твоя — ложь: повернись, слепец, и иди.

* Отсюда до 15 параграфа Прудон дает подражание „Словам верую- щего“ де-Ламенна. — *Перев.*

10. Пиши аббату Ламенна, демократу:

Я знаю твои сочинения, ангел противоречия, я читаю твои книги. 20 лет ты защищал Христа и его церковь, 20 лет будешь ты разрушать свое собственное дело. Твои громы про- тив безразличных и неверующих приводили меня в восторг, я говорил себе: ты сам будешь безразличным и неверующим. Ты сделался учеником и противником Руссо: это произошло потому, что ты остановился на Руссо. Ты вопил по евангелию: пусть тот, который не слушается церкви, будет принят вами как язычник и мытарь; а теперь ты кричишь по примеру Руссо: пусть тот, который не слушается народного собрания, будет принят как бунтовщик. Ты сражался за права разума, ты призываешь свободу мысли. Ты говоришь народу: вы — рабы, ваши господа — тупые и трусливые негодяи, вы не имеете ни религии ни морали, ваша гибель и разложение приближаются. А когда народ требует от тебя правил поведения, ты ему рассказываешь притчи, когда он доискивается у тебя пред- посылки порядка и свободы, ты отвечаешь ему, что он является верховным владыкой. У тебя ничего прибавить к словам твоего образа. Твоя философия умоляет там, где начинаются труд- ности, ты, бывший когда-то попом сердца, являющийся ныне попом разума, остающийся во всем и всюду попом.

11. Пиши аббату Констану ³², коммунисту:

Кто упомоночит тебя распространять мои мысли и идеи и проповедывать от моего имени пожар и истребление? Нес- частный, ты выступаешь с откровениями, ибо ты не можешь выдерживать труд, который дает разумение; ты говоришь о мужничестве, но нет больше никакого другого мужничества кроме терпения. Ты вызываешь к миру, к братству, к любви, но твое сердце полно яду, твои губы покрыты слюной, с твоих рук струится кровь, твои песни любви — это гимны распутству. Несчастная жертва попов, душа, сбита с толку ужасными лисаниями, я не упрекаю тебя за твою безумие, но сохрани для самого себя свои нечестивые видения или я запечатаю на твоём лбу клеймо Каппа, я поражу тебя в са- мое сердце, и червь твоей совести не перестанет грызть тебя. Умоляю.

12. Пиши аббату Пилло ³³, атеисту:

Я — князь теней, которые находятся у престола божьего. Но ты говоришь: это идея бога породила рабство; свобода не знает никакого высшего существа. Жизнь и смерть человека подобны жизни и смерти скотины; граждане! разрушьте эти храмы, эти дворцы и эти хижины; постройте себе общее жилище; долой „твое“ и „мое“; долой все, что пытается воз- выситься; долой! Но я, я — дух порядка и свободы; я основал

религин, чтобы при помощи символа возбудить деятельность мысли; я сооружу другие храмы, посвященные моему богу; я открою человеку новый завет; я дам дарские дворцы обществу свободных людей; я превращу хижины в восхитительные места уединения; принцы научатся заправски работать, а помы станут ангелами совершенства. Религия и царство суть слова обетования: а разве бог человечества говорил попустому?

13. Пиши аббату Шателю ³⁴, антипаписту:

Я тебя сделал попом черни, чтобы ты служил примером честолюбцам и парлатанам. Первая глупость твоя заключается в невежестве и в гордости. Ты подумал, что во имя свободы народ толпами побежит к твоему алтарю и что ты сделаешься первосвященником мыслящей Франции. Ты ошибся, наглец: твои маскарады вызывают жалость, твои похождения вызывают отвращение. Ты это знаешь, и ты упорствуешь: но, чем больше неблагоразумия ты проявляешь, тем ниже ты опускаешься, и тем больше я чувствую радости.

14. Пиши епископу Аффру ³⁵, защитнику династии:

Раз я поручил тебе детей народа, то скажи, чему ты их учишь? Научкам? Но ты о них нимало не заботился. Истории? Но она для тебя лишена смысла. Морали? Морали Лойолы или Янсения? ³⁶ Ведь никакой другой у вас нет. Политике? Уж не называемы ли ты этим именем горделивые мечты Гильдебранта или интриги Медичи и Борджиа? ³⁷ Равенству? Но по твоему учению существует равенство лишь в милостыне. Изыскам? Но ты ведь не понимаешь даже собственного священного писания... Так слушай: твои поучения, твои процессии, твоя раздача милостыни, твои братства и талисманы ничего не стоят в моих глазах перед заповедью: „кто трудится, тот молится“.

15. Оставим этот стиль, которым столь злоупотребляли и который годится лишь для развлечения детей и женщин.

Все эти люди вышли из чистилища, все они воспитаны в мистической, застойной и чуждой разуму школе духовенства. Все они одинаково лишены творческого и организаторского гения, все они напичканы восточными фразами и богословской напыщенностью, все они называют или даже считают себя носителями откровения. Привыкшие к образам и напыщенности еврейских книг, они принимают экзальтацию своих чувств за величие идей. Так как они находятся в восторженном, ненормально приподнятом состоянии, то они воображают, что разум их очень силен, и всегда после великолепных проповедей они погружаются, лишенные идей, в состояние депрессии и бессилия.

III. Близкое исчезновение религий

1. Человек предназначен жить без религии: множество признаков свидетельствует о том, что общество путем внутренней работы непрерывно стремится к освобождению от этой отныне бесполезной оболочки. Не говоря уже о религиозных институтах, давно отмерших, религии магометанская, индуистская, японская, тибетская и др. — со мной, я думаю, согласятся в этом — не подходит по своему покрою для цивилизованного человека: для нас, европейцев, следовательно остается христианство.

Вот почему мои замечания будут относиться лишь к одному христианству. Я предоставляю публицистам других вероисповеданий применить к своим культам то, что я буду говорить о нашем. Рассматривая одну разновидность, я постараюсь держаться в пределах рассуждений, относящихся ко всему виду. Таким образом обобщение здесь будет вполне законным*.

2. Во всяком обществе, находящемся в состоянии прогрессивного развития, религия отстает по мере научного развития: для того, чтобы найти религию, сохранившуюся во всей ее силе, следовало бы поискать такую страну, где политическое невежество осталось нерушимым, где законы и обычаи не подверглись никакому улучшению и изменению, следовало бы отправиться в Китай, к калмыкам и дикарям. Греческая философия убила политизм еще до того, как появились евангелие: я имею в виду, что к появлению Иисуса Христа политизм был мертв для всех мыслящих и рассуждающих. Что из того, что черни и рабы еще верили в него! Мы ведь не хотим больше иметь в своей среде ни черни, ни пролетариев.

3. В христианской Европе рано подул ветер неверия: в самый разгар средних веков император Фридрих II был обвинен Григорием IX в написании книги о трех обманщиках³⁸. По всей вероятности, сочинение это существовало лишь в надуганном воображении полов, однако самая идея о подобной книге свидетельствует о том, что нечестивые идеи стали бродить уже с начала XIII в. В эту же эпоху появилась ересь альбигойцев³⁹: мысль о преобразовании и упрощении культа была недвусмысленным симптомом философии, инстинкт инквизитора и пап в данном случае не ошибся. Затем появились попытки Яна Гуса и Иеронима Пражского⁴⁰: наконец явился Лютер, и в религиозной сфере, в самых ответвен-

* Критику отдельных религий Прудон дает в следующих главах книги, которые у нас не приводятся в виду того, что аргументация в них в общем воспроизводит содержание настоящей главы

ных и чувствительных пунктах христианства была пролита широкая грешь. Странами, сохранившими общение с Римом, были как раз те, где разложение нравов было особенно глубоким, — Франция, Италия, Испания. В настоящее время все может констатировать, что по мере того, как в народе укрепляется привычка к порядку, к труду, к экономии, к расчетливости, христианство угасает само по себе, безвозвратно. Странная вещь! вера, чуждая науке, не менее чужда морали!

4. С того времени религия лишь ослабевала все больше и больше, а побуждения к неверию становились все более вескими. Скептицизм Вольтера более обоснован и более глубок, чем скепсис Рабле, но менее глубок, чем скепсис Руссо. А что представляет собою сомнение Руссо наряду с отрицанием Штрауса⁴¹, опирающимся на поражающую своей аргументацией эвкелезу? Если только антихристианский прогресс входит в планы providения, то приходится признать, что providение осудило христианство.

5. Но так же, как неверие развивалось в целом народе, так оно развивалось и в отдельных личностях. Сначала мы видим фанатика нечестия вроде Лабарра⁴², потом мы видим поверхностного софиста, насмешника и вольнодумца и наконец пред нами появляется человек, серьезно и основательно изучающий религию не для того, чтобы отыскать в ней преступления и комические стороны, а для того, чтобы объяснить ее смысл и причины. И вот тогда неверующий начинает любить религию, как воспоминание детства, как поэзию, как эмблему. Когда она начинает забавлять его, он может сходить на молебен и на крестный ход: так Цезарь ходил к священным дылгатам⁴³, а Цицерон — к авгурам⁴⁴. Раз сфинкс разгадан, человек перестает его ненавидеть, перестав его бояться.

6. Усилия попов примирить веру с разумом и придать своим догмам видимость солидности лишь обнаружили трудность их дела и ненадежность их средств. Попробуем резюмировать некоторые их аргументы.

а) Религия, говорят они, является фактом постоянным и универсальным; это — нечто, не выдуманное, а созданное вместе с человеком, существующее уже в силу одного того, что существует человек: следовательно религия необходима, неразрушимая. Эта аргументация свойственна помам и некоторым новаторам, которые, разочаровавшись в католичестве и во всех известных религиях, мечтают о новой религии⁴⁵.

Ошибка их заключается в том, что религия, первая форма человеческого мышления, являющаяся своего рода подготовительной стадией к науке, имеет тенденцию не к жизни, а к смерти. Чтобы оценить и обнаружить ее преходящий харак-

тер, следует рассматривать не универсальность ее существования, а универсальность ее умирания.

б) Идея бога и его атрибутов есть, мол, начало всякой религии, но эта идея приобретает нами не чувственным путем и не путем индукции, она открыта нам самим богом. Следовательно религия божественна.

Здесь кроется фактическая ошибка: идея бога тем грубее, чем дальше мы заходим в историю религии, она очищается, напротив, по мере того, как развивается философия. Полное откровение идеи бога оказывается таким образом не в начале истории религии, а в ее конце.

в) Вся природа полна, мол, тайн: почему же упрекают религию в том, что она имеет свои таинства? — Эта аналогия оказалась столь убедительной, что ее развивают до бесконечности на всевозможные лады. Здесь кроется заблуждение фактов: мы не знаем причины движения, но мы его видим; мы не знаем, как одно организованное существо порождает из себя другое, но мы являемся свидетелями этого акта. Ну, а кто же видел рождение слова, нисхождение святого духа? Кто засвидетельствовал девственность Марии? Кто ручается нам за реальное присутствие бога в причастии?

г) Остаются пророчества, чудеса...

Здесь опять фактическое заблуждение: теперь известно, что пророчества сводятся к метафизическим, плохо понятным, плохо переведенным фразам, а иногда даже к интерполяциям и благочестивому обману. Ныне известно, как образуются мифы, как фабрикуются легенды, как складывается и организуется религиозная система. Ныне известно наконец, как догмы возникают и начинаются, как догмы кончатся.

7. Что сказали бы Паскаль, Николь, Арно, Сеп-Сирап⁴⁶, эти знаменитые защитники религии, которые так тщательно разгребали вопросы факта и вопросы права, утверждая вместе со всей церковью, что церковь, просвещенная свыше в вопросах догматики, может ошибаться и быть обманутой в отношении фактов и текстов, что ответили бы они тому, который показал бы им, что так именно и обстоит дело с церковью в вопросах, касающихся еврейских древностей, истолкования писаний, причин образования христианства и самых основ ее авторитета? Какую дилекцию, какую новую тонкую абстракцию изобрели бы они, чтобы спасти, я уж не говорю предание, ибо предание продолжает существовать, я уж не говорю догму, ибо догма не может быть априори подвергнута отрицанию, так как она является сверхчеловеческой, но самые основания и мотивы, способные заставить верить догме?

8. Эта манера аргументирования фактами является ясно

единственной, имеющей хождение в массах: народ не знает ничего о метафизике Юма, Руссо и Гольбаха⁴⁷; он смеялся забавным шуткам Вольтера, но они его не убедили. Народ считается только с фактами.

Никогда не говорили столько об Иисусе христе среди мира, как за последние десять лет. Но что делают из него говорящие о нем? Мудреца, есеса, реформатора: никто и не думает делать из него бога. Иисус, говорят коммунисты⁴⁸, был благородной душой, которую свела любовь к народу, он умер за святую правду, за догмат братства. С тех пор дух и пошло: Иисус — это больше не кто иной, как святой революционер, занимающий свое место наряду с Сен-Жюстом, Бабефом или Сократом⁴⁹, смотря по воззрениям и симпатиям тех или иных людей. Эта идея, получившая быстрое распространение, вдохновляет каждый день миллионы почитателей, она приводит их к кресту, и народ, который упорно продолжает называть себя христианским, вдруг оказывается сторонником деизма.

Иной раз принимаются и за евхаристию: ужасное таинство оказывается тогда не чем иным, как эгалитарной трапезой⁴⁹, символом единения. Это — весьма короткое и доступное истолкование, одного слова оказывается достаточно, чтобы причастие, о котором написано столько толстых книг, оказалось объясненным до конца.

Каждая формула, которую народ выражает свое новое мнение о догматах религии, является ясным, точным суждением, в котором он заявляет, что церковь ошиблась или заблуждалась. В чем? В догмате? Нет, в факте. Вот почему эта новая эрзетика, простая, как ум народа, овладевает сознанием людей с непреодолимой силой: везде, куда она проникает, церковь терпит большую утрату.

Суждение народа, что важно отметить, охватывает настоящее и будущее: в то время как философия ловкачей предсказывает религиозную реставрацию, рационализм народа исключает всякую религию, воскресенную заново. Вот как провидение играет человеческой мудростью! Религия крепко держалась в народе, несмотря на издевательства философов, она кончается отмиранием в народе, несмотря на крики философов.

9. Можно было бы в катехизисе из 50 страниц резюмировать всю историю религии, начиная с Адама до Григория XVI, включая истолкование всех ее символов. Подобная работа, если бы она была хорошо сделана, изменила бы Европу меньше чем в десять лет. Что народу нужно, так это вовсе не тезисы, диссертации, длинные разговоры. Народу необходимы суммирующие выводы и мысли: народ запоминает лучше формулу, чем

рассуждения, служащие для ее обоснования. Исполнение веры 12 апостолов в течение 18 веков составляло всю философию нескольких миллионов людей: так вот символу веры апостолов должен быть противопоставлен такой же короткий символ веры из 12 положений, в ожидании того времени, когда любой человек сможет быть ученым и метафизиком.

10. Французское правительство уже вступило на этот путь: шестой пункт измененной Хартии (конституции) официально констатирует растущее угасание культов. Заявление, согласно которому католическая религия, бывшая до сих пор государственной религией, является впрямь не чем иным, как религией большинства, имело целью не только указать численное отношение между католичеством и иными культурами, но поставить, так сказать, религию вне закона. Без этого Хартия не имела бы смысла.

И действительно, монархическая форма, принятая во Франции как принцип правления, есть закон государства, но она однако не что иное, как закон большинства.

Избирательная система есть закон государства, но и она также не что иное, как закон большинства.

Все наши гражданские и административные законы суть законы государства, однако они в большинстве своем не что иное, как законы, за которые голосовало большинство.

Государство только надеется, и оно не может не надеяться, либо обязать несогласных подчиниться своим законам, либо улучшить законы и тем сделать их приемлемыми для всех, либо расширить действие политических прав. Но пока что законы государства суть законы большинства, без этого они не были бы обязательными.

Тот же факт, что католическая религия, религия большинства, не является больше религией государства, свидетельствует о том, что религия вместо того, чтобы быть на пути прогресса и дальнейшего распространения, подобно другим институтам государства, находится на пути упадка и отмирания. Этот факт свидетельствует о том, одним словом, что ее большинство неизменно тает, тогда как философское меньшинство растет изо дня в день.

Во Франции, сказал Одилон Барро⁵⁰, закон является атеистическим, это вовсе не означает, что, как это клеветнически истолковывалось, французский закон отрицает верховное существо, это означает, что он исключает всякую религию.

11. Самым убийственным аргументом против утверждения, что религия будет существовать всегда, является ныне то обстоятельство, что религия оказывается невозможной ведя, противоречием всему развитию человечества.

Согласно Эдгару Кинэ⁵¹, который, по его собственным словам, лишь резюмирует современную науку, существовало несколько откровений:

Откровение через природу, источник индийского пантеизма, самая древняя религиозная форма.

Откровение через свет, откуда вышли религии Малой Азии и патриархов.

Откровение через слово, которое породило религию персов и мидян.

Откровение через органическую жизнь, создавшее культ животных, религию Египта.

Откровение через одиночество, которое породило религию евреев — монотеистов.

Откровение через красоту, которое дало место греческому пантеизму. Присоединяя к этому: откровение через человечество, которое породило христианство.

12. Но этим не кончается ряд, начатый Эдгаром Кинэ. Мы имеем еще:

Откровение через идею причинности, которое породило суеверие, подсказало и внушило причинную теорию, этиологию или философию.

Откровение через сомнения, которое создало скептицизм и индифферентизм, — необходимое откровение, ибо оно имело целью обеспечить прогресс, умеряя философские излишества.

Откровение через опыт, которое постепенно создало все науки.

Наконец мы находимся пред откровением через идею порядка, которая, давая абсолютную формулу истины, упраздняет религию и философию.

13. Но ведь очевидно, что первая категория откровений, перечисленных Эдгаром Кинэ, имеет чисто объективный характер, ибо эти откровения приходят к человеку извне, тогда как последняя категория, начинающаяся с откровения через идею причинности, является, напротив, целиком субъективной или данной в силу произвольной работы разума, что христианство является как бы переходом, связью, соединяющей две эти категории.

Очевидно также, что все эти откровения прогрессируют от конкретного символизма к свободному рационализму, от таинственности и тайны к чистому разуму, от авторитета к свободе, от веры к знанию. Значит, говорить ныне вместе с сенсимонистами и электиками, что мы идем к новому религиозному периоду, что христианство воскреснет в новой форме и что религия выйдет из науки, это — смешивать принципиально различные между собой факты, путать идеи и даты.

14. Применение политики насилия религия может быть резко упразднена, но она возмещает: 1793 г. и конкордаты свидетельствуют об этом. Но вот, благодаря науке, религия погибает в своем зародыше, и безвозвратно. Вот уже 40 лет мы видим, как религия, обнаруживая свое бессилие и ошибочность, все быстрее разваливается, несмотря на поддержку правительства, несмотря на усилия духовенства, несмотря на благосклонность общественного мнения. Я не в состоянии выразить, какое печальное и скорбное впечатление произвело на меня первоначально зрелище этой агонии. Я видел народ, становившийся иррелигиозным до того, как он стал просвещенным, правительство, не опирающееся ни на что вечное, ни на что абсолютное, общество, для которого порядок является чем-то условным, порок и добродетель — неустойчивыми, изменчивыми идеями, а прошлое человечества — длительным обманом: это положение, не имеющее примера, это будущее без промысла и провидения меня ужасали. Но скоро я обрел равновесие, обнаружив в самых обыденных фактах и тайные причины религиозных революций, и элементы чудесного порядка, который тем легче открывался мне, что он находился рядом со мной. Тогда я сказал себе, что пришла пора помочь работе природы и вызвать всеми средствами, дающимися нам разумом, последний кризис общества.

Пусть христиане простят меня: если эти исследования не являются простой иллюзией ограниченного разума, то религия оказывается отныне бессмыслицей. Если я ошибаюсь, то спасение моей души не является уже такой дорогой ценой за торжество богословия.

Некоторые препятствия замедляют окончательное угасание религии: народ, особенно деревни, еще не созрел, еще не готов для этого; наука о человеке и обществе еще не существует; метафизика еще продолжает занимать свое место. Человеку необходим сильный и изощренный длительными упражнениями разум, чтобы он мог в ожидании полного просвещения удовольствоваться отрицательной философией: простонародье растается с одним верованием, лишь имея другое, у простого народа одна идея может быть изгнана лишь другой идеей. Вот что объясняет манию, я бы сказал почти лихорадку религиозности, столь общераспространенные ныне в народном образовании, печати и особенно в правительственных кругах. Философы возведают религиозную реформу, радикалы и консерваторы говорят о духовных интересах, пастыряки рекомендуют своим ученикам посещение таинств и проповедуют религию, власть всемерно благоприятствует работе духовенства

и охотно выступает в лице своих генеральных прокуроров и префектов против безбожия и дурных учений. Папугаиные упреки и обвинения в коррупции и анархии, разлаживавшиеся со всех сторон, правительство не придумало ничего лучшего для народа, как возвращение к религии, ничего лучшего для себя, как абсолютную монархию. Но дураков больше нет: все смеются над этими штучками, и тот же удар, который сокрушит скептицизм, покончит и с этой комедией.

15. Могу ли я, состарившийся человек, могу ли я вернуться в чрево моей матери и снова влиться на свет? — вопрошал у Христа фарисей Ишходим. Поколение XIX в., ты больше не сможешь вернуться в лоно церкви, религиозный период кончился для тебя. Пусть будущее не утешает твоей бедности! Это лишь слепцы или отчаявшиеся люди могут говорить тебе: как вы можете жить без религии! Нет, не напрасно с самого начала протестовали эти мыслители, которых духовенство причисляло к своим врагам, не будучи больше в состоянии сдаться их своими жертвами, не напрасно целых десять поколений ослабляли для нас страх перед алтарем и уважение к трону. Перевернувшие и свободные от материнского чрева, станем ли мы после того, как мы видели солнце, пить воды амниоса? 62

16. Пусть будет воздвигнут памятник во свидетельство о движении, завершение которого близко: французская революция имеет свою колонну, пусть религия получит свою пирамиду. Когда-то, благословив наше рождение, религия молилась у нашего гроба: постараемся теперь отдать ей последний долг. Стали бы мы из сыновнего почтения бояться похоронить мать? Наше полное освобождение начнется лишь с этого великого погребения. До сих пор человек шествовал, исполненный страха перед богами и демонами, убавляемый сказками, утешаемый символами, опекаемый жрецами; пусть он отныне знает, что между ним и богом единственным посредником является природа, пусть он научится читать свои судьбы в великой книге вселенной, пусть все его помыслы будут устремлены на изучение своих отношений с миром и себе подобными, пусть его главной работой будет развитие сил собственного своего существа, пусть он знает наконец, что всякая проблема, которую в состоянии поставить себе его разум, должна быть рано или поздно разрешена, что для разума, следовательно, нет никаких тайн.

17. Едва лишь он вышел из рук творца, человеку привиделся вечный сон: он грешил о богах, ангелах, гениях, он возмущался в духе в обитель душ и созерцал вечного во всей его славе. Он видел бога, выходящего из своего вечного покоя, разделяю-

шего стихии, рассеивающего звезды в пространстве, расправляющего всюду мысль и жизнь, населяющего небеса афирмичными существами, извлекающего человека из грязи и создающего женщину из сердца человеческого. В тот же миг он был унесен с ней в блаженное место, где они слышали таинственные голоса, незабываемые речи и сатанинский хохот; потом вдруг, в тот момент, когда они выходили печальными, босые, опозоренные из обители невинности, он проснулся.

18. Долго еще после того человек имел подобные видения: мало-по-малу они стали менее частыми и вдруг прекратились. Но никогда его сознание не теряло печального воспоминания: едва лишь он пришел в себя, он превратил в догмы собственные грезы и запретил себе сомневаться в них. О, этот источник страха и радости, резниции и надежды, бывший однако источником раздора, распушенности и лени! Зло, которое причинила религия, известно. Напомним теперь, в ее последний час, лишь об ее благодеяниях, об ее возвышенных вдохновениях. Это она дементировала, скрепляла основы обществ человеческих, это она дала единство и своеобразный облик нациям, это она служила санкцией первым законодателям, воодушевляла божественным дыханием поэтов и художников, это она, помещая на небесах смысл всех вещей и предмет всех наших надежд, изливала на наш мир скорбей потоки ясной тишины и энтузиазма. Это наконец она, уже покрытая траурным покрывалом, воспламеняла столько благородных душ ревностным стремлением к истине и справедливости, это она оставляет нам ряд образов равенства и братства. Как она украшала наши праздники и удовольствия, какой аромат поэзии навела она из все наши мельчайшие поступки! Как она умела облагородить труд, облагать скорбь, смирять гордыню богатого, поднимать достоинство бедного! Какое мужество зажигла она своим пламенем, какие добродетели порождала она, какие потоки любви изливала она в сердце Терезы, Франциска Сальского, Винченца де-Поли, Фенелона! ⁶³ Какими братскими узами связывала она народы, смешивая в своих преданиях и молитвах времена, языки и расы! С какой нежностью она осыпала нашу колыбель, с каким величием она сочувствовала нашим последним минутам! Какое воспитательное деломудрие утвердила она в суицидальной жизни! Женщина поистине сильная и божественная — это та женщина, в которой любовь убивает чувство и которая зачинает без сладострастия: женщина в естественном состоянии — это проститутка. Религия создала типы людей, к которым наука ничего не прибавит, да и не может прибавить: счастье нам, если мы научимся у науки осуществлению в нас того идеала, который нам показала религия!

III. Прудон. Религия

1. ПРУДОН, *Пьер-Жозеф (1809—1865)* — французский философ и экономист. Один из основоположников анархизма, «с головы до ног философ и экономист мелкой буржуазии», по выражению К. Маркса. В его социально-политических взглядах внешний радикализм в отношении собственности («собственность — это кража»), много утопических и реакционных элементов (Прудон напр. проповедует возвращение к мелкому товарному производству, отвергает революционную классовую борьбу, провозглашает неорганизованную свободу личности и т. д.). В вопросах религии он враг церкви. Прудон отчетливо видит, что религия является реакционным пережитком, приносящим огромный вред трудящимся массам. «Народ всегда только молился и плакал: мы полагаем, что пора его научить философии мыслить, здоровое сознание народа не нуждается больше в божге». Однако Прудон, в соответствии со всем своим идеалистическим мировоззрением, не понимает классовых корней религии и ее классовой роли, не связывает антирелигиозную пропаганду (к которой он подходит как буржуазный просветитель) с классовой борьбой трудящихся. Вот почему взгляды Прудона на религию, как и все его учение об обществе, имеют мало общего с атеизмом и социализмом. Сокрушительная критика религии дана К. Марксом в его «Нищете философии», в письме к Анненкову и других местах. Взгляды Прудона долгое время были весьма популярны в революционных кругах Франции. В Коммуне были 19 правых прудонистов (мелкобуржуазных социалистов) и 5 левых (революционных социалистов). 16 из них были членами I Интернационала.

2. Слова эти, часто цитируемые богословами, принадлежат одному из самых ранних католических богословов Висенту Лерискому (V в.), автору «золотой книги» средневековых богословов — «Памятка о драгоценности веры католической».

3. ЛАМЕННЭ, *Феликс-Робер (1782—1854)* — аббат и публицист, выступивший модернизовать и подчинить католицизму. Он является наиболее крупным представителем французского христианского социализма. За свои сочинения (самое известное из них — «Речи верующего») был отлучен от церкви.

4. БОТЭН *(1796—1867)* — аббат, профессор богословия в Страсбурге, доказывавший бессилие разума и обосновывавший религию исключительно откровением и преданием. Когда учение это было осуждено Григорием XVI в 1840 г., Ботэн отрекся от него.

5. БЮШЕ, *Пьер-Жан-Батист (1796—1865)* — французский публицист и политический деятель. Карбонарий и сеп-симонист в молодости. Был в 1830 г. перешел в католичество и стал проповедовать в журнале «L'Esprit» союз католицизма и демократии. В своем сочинении «Введение в науку истории» (1833, 1842) он изложил свою

теории прогресса, рассматривая исторический процесс как движение, прочиняющее определенную вытесненную тенденцию.

6. **ЖЕНУД (1792-1849)** — аббат, французский реакционер, в редактившей им "Gazette de France", защищавший легитимизм, т. е. помещицую партию, бывшую сторонницей старшей ("легитимной" — "законной") линии династии Бурбонов, последним представителем которой на французском престоле был Карл X, низвергнутый в 1830 г.

7. **ЛАКОРДЕР, Жан-Батист (1802-1881)** — французский первоначальный проповедник, доминиканец, в начале своей карьеры поддерживавший Ламенна, но затем после отлучения последнего порвал с ним. Занимая ряд высших церковных должностей и издав несколько сборников своих проповедей. Он пытался модернизировать католичество и доказывать, что христианство дает ответ на основные проблемы современности. В действительности в его проповедях не было кроме напыщенной фразеологии и словесного фуксизма. Лакордером в 1843 г. был восстановлен во Франции орден доминиканцев, упраздненный в 1792 г.

8. **БОССЮЭТ, Жак-Бенни (1627-1704)** — видный французский церковник времён Людовика XIV, приворотный проповедник, епископ и воспитатель наследника престола. В главном своем сочинении "Политика, извлеченная из священного писания" защищая божественное происхождение королевской власти, священность абсолютизма и т. д. Политические и исторические воззрения Боссюэта (по его учению история направляется непосредственно божественным провидением) служили предметом ожесточенной критики просветителей XVIII в.

9. **СЭЙ, Жан-Батист (1767-1832)** — французский экономист и политический деятель. В основных своих произведениях ("Трактат по политической экономике", "Полный курс практической политической экономики") продолжал и развивал идею вульгарной политической экономии, защищая интересы промышленного капитала.

10. В данном случае Прудон имеет в виду просветителей XVIII в., объяснявших происхождение религии обманом жрецов и царей.

11. **ПАНДОРА** — первая женщина, которая, согласно греческому мифу (у Гесиода), была сотворена богом Гефестом и которому все боги одарили какою-нибудь свойством (красотой, лукавством и т. д.). Из любви к Пандоре открыла крышку сбада, в котором были заключены все беды. Они вытекли и распространились среди людей. Когда Пандора закопала крышку, в сосуде осталась одна обманчивая надежда. Отсюда выражение "ящик Пандоры".

12. См. раздел II, примеч. 19.

13. **ЭТЕРНА** — мифа вод, бывшая по древнеримской легенде женой дара Нумы и его тайной соучастницей. По ее указаниям яковба Нума ввел свои установления, относящиеся к древнеримскому культу: богослужебные обряды, жереческие должности, производил постройку храмов и т. д. По смерти Нумы она будто бы превратилась в исток.

14. **ЮНОНА** — римская богиня (соответствует греческой Гере), дочь Сатурна и Реи, покровительница девушек и женщин (одна из ее эпитетов называется ее "Virginalis": Virginalis — девицница). Идогора, на которой предполагалось пребывание Реи, матеря Юноны.

15. **СИМОНИЯ** (от имени мифического Симоно-поэта, который якобы хотел купить у атомохита Палада дар чудотворения) — торговля церковными званиями и должностями. Несмотря на то, что соборы неоднократно осуждали симонию, она крепко утвердилась в церкви, служа источником личного обогащения церковных иерархов.

16. Слова эти принадлежат графу **Жозефу де-МЭСТРУ** (1734-1821), идеологу феодальной реакции во Франции, выступавшему против идей Просвещения и Великой французской революции и в защиту абсолютной монархии, непогрешимого авторитета папы, беспощадной расправы с волевыми силами и т. д. Указанные слова взяты из сочинения "Разъяснение о жертвоприношениях".

17. **КОНСТАИ, Бенжамен (1767-1830)** — французский политический деятель и писатель, видный лидер либеральной оппозиции в период реставрации. Кроме памфлетов и публицистических трудов написал также роман "Адольф" (издан поделом в серии "История молодого человека XIX в.") и сочинение "О религии" (1826), где он проводил идеи либерального протестантизма (ныне оно совершенно стареет).

18. **СЕННАХЕРИВ** (конец VIII и начало VII вв. до н. э.) — ассирийский царь, совершавший много завоевательных походов в Иудею, Аравию, Армению и т. д. Был убит собственными сыновьями. Вавилейская легенда изображает его смерть как кару Явге.

19. **РИШЕЛЬЕ, герцог (1585-1642)** — французский государственный деятель, который, опираясь на служилое дворянство и буржуазию и пользуясь своим положением кардинала и вселенского министра, много сделал для ликвидации феодальной раздробленности Франции и утверждения в ней абсолютизма. "Семпос" — сборник проповедей Бурдаду (1632-1704), "Petit Carême" — сборник проповедей Массильона (1663-1742). Оба эти автора были приворотными проповедниками, пользовавшимися большим успехом в светских кругах. Проводеи их запомнены едким морализаторством, восхвалением добродетелей власти и т. д. (Массильон славился как специалист по надгробным проповедям).

20. В сочинении "Собрания относительно Франции".

21. **ПАЛЕОЛОГ** — императорская династия в Византии (1261-1453). Последним ее представителем был Константин XI, при котором Константинополь был завоеван турками.

22. Речь идет об недостаточном государстве, которое при поддержке испанского правительства возникло в начале XVII в. в Парагвае. В этом государстве, где население, состоявшее из приреченных к земле индейцев, не имело права собственности (что придало ему видимость коммунистической организации, построенной, как утверждали сами индейцы, по образу раннехристианских общин), под маской филантропии осуществлялась беспощадная эксплуатация туземцев. Государство рисоновых колонизаторов было разрушено светскими колонизаторами в 1768 г.

23. **"ДОКТИНА, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ"** — главное сочинение Боссюэта (см. выше, примеч. 8). "Дух законов" — главный труд Шарля-Луи Монтескье (1689-1755), французского философа и политического писателя, бывшего идеологом умеренного либерализма. В этом труде, который является одновременно и сравнительной историей государств и философией истории, Монтескье выводит "дух законов" "из духа народа", обусловленного естественной средой, в первую очередь климатическими условиями, и развивает идею правового государства в духе английского конституционализма с разделением властей законодательной, судебной и исполнительной.

24. **ТЕЛЕМАК** — главное сочинение Фенелода (см. ниже, прим. 13). "Общественный договор" — знаменитый трактат Жан-Жака Руссо (1712-1778), французского философа-деиста, бывшего идеологом революционной мелкой буржуазии. В этом трактате сформулированы

принципы революционного буржуазного демократизма и идея создания путем „общественного договора“ такого общества, в котором каждый, соединившись со всеми, остается свободным, подчиняясь своей воле, и в котором коллектив осуществляет благо каждой отдельной личности. Трактат оказал огромное влияние на современников Руссо и на деятелей Великой французской революции.

25. **СОРБОННА** — см. раздел II, примеч. 21.

26. **ЛЮДВИК IV (1589–1610)** — французский король, в своей политике утверждения абсолютизма опиравшийся на буржуазию против феодального дворянства. **РИШЕЛЬЕ** — см. примечание 19. **ЛЮДОВИК XV (1715–1774)** — французский король, при котором быстрым темпом развернулось разложение французского абсолютизма (финансовое банкротство государства, военные поражения, страдание монархической власти с паразитическим дворянством и духовенством). **ФЛЕРИ, Андре (1653–1743)** — кардинал, воспитатель и главный министр Людовика XV.

27. **ЛЮДОВИК XV (1639–1715)** — французский король, „король-солнце“. Его царствование явилось вершиной могущества и высшего блеска французского абсолютизма. В начале его царствования при регентстве его матери вся политика направлялась Мазарини, продолжателем политики Ришелье (см. выше примеч. 19). С того времени, как Людовик XIV непосредственно начал руководить внутренними и внешними делами Франции, он стал осуществлять политику самого безудержного деспотизма, нашедшую достаточно яркое выражение в формуле: „Государство — это я“. Опираясь на дворянство и католическое духовенство, Людовик XIV, между прочим, вел беспощадную борьбу с гугенотами, отменив так называемый Нантский эдикт, дававший относительную свободу исповедания гугенотам (протестантам), давший католической церкви полную свободу в борьбе с ересью, применявший драгоны, т. е. драгунские полки в домах гугенотов и т. д. Частые войны Людовика XIV, расточительность паразитического дворянства, хищнические финансовые мероприятия правительства „короля-солнца“ вконец разорили население Франции, и уже при преемнике Людовика XIV начинается быстрое разложение французского абсолютизма.

28. **МИРАБО, Онора-Габриэль, граф (1739–1791)** — вождь либерального дворянства и крупной буржуазии в начальный период Великой французской революции, выдающийся оратор, ратовавший за союз монархии с третьим сословием. Как было установлено после революции, Мирабо состоял на содержании у двора. **МОРИ (1746–1817)** — аббат, инсидентский кардинал, видный церковно-политический деятель времен революции, присягнувший оратор монархистов и клерикалов в Национальном собрании, яростный защитник привилегий и богатств духовенства. В 1792 г. он эмигрировал из Франции.

29. **ГЕРДЕР, Иоганн-Готфрид (1744–1803)** — немецкий философ и писатель, сыгравший огромную роль в истории немецкой литературы. Он большую часть жизни занимал должность преподавателя в разных городах. Кроме многочисленных произведений в области литературы, ему принадлежит ряд философских трактатов и философских работ. В главной из них („Идея к философии истории человечества“), так же как и в трактате „Бог“, он отжигивается от всех положительных религий и проводит точку зрения деизма в самой его отвлеченной форме. В отношении исторического христианства он является предшественником позднейшей либеральной историографии, выступающей против догматизма богословов, против апологетического изображения роли церкви и в защиту „гуманности“ как соединения разума и сира-

дальности. В его философском творчестве в значительной степени сказалось влияние Спинозы, Лейбница и волюнтаризма XVIII в.

30. **ДОМИНИК (Гузман) (1170–1221)** — исмаильтский монах, основатель в 1215 г. в Тулузе для борьбы с „еретиками“ орден доминиканцев, справедливо прозванный „собачками господина“ (игра слов: dominicanes и domini canes), так как этот орден выдвинул впоследствии самых кровожадных инквизиторов и изуверских ревнителей католицизма.

31. Речь идет о нападках Григория VII (см. ниже, примеч. 37) и Иннокентия III, занимавшего престол с 1198 по 1216 г. Будучи самым могущественным из пап, он добился подчинения себе большинства светских феодалов Западной Европы. Его правление — одна из самых мрачных страниц в истории средневековья. Им введена инквизиция, практиковавшая массовые убийства за религиозные убеждения, он организовал 4-й крестовый поход и поход против альбигойцев, он ввел тайную исповедь, которая вместе с дебризмом (безбрачием духовенства, см. ниже) явилась источником всяких мерзостей и распушества, он мучительствовала монашеским орденам, которые при нем составили армию в два миллиона человек. **КАСТЕЛЬНО** — инквизитор, убийство которого (1208 г.) послужило поводом к крестовому походу против альбигойцев. **МОИФОР**, Симон — жестокий предводитель крестового похода против альбигойцев, убитый в Тулузе в 1218 г.

32. **КОНСТАН, Альфонс Луи (1816–1875)** — французский писатель-мистик. Под псевдонимом Эммануэля Леви опубликовал ряд сочинений о магии. В 1841 г. опубликовал „Библию свободы“, где проповедовал коммунизм и полную свободу полов, но в следующих своих сочинениях оторвался от коммунизма и даже от республиканизма.

33. **ШАЛЛО, Жан-Жак (р. в 1816)** — коммунар, бобуист и атеист. Написал ряд сочинений („Le Code religieux“, 1837, „Ni Chateaux, ni Châtimens“, 1840). В 1872 г. был осужден на вечную каторгу.

34. **ШАТЕЛЬ, Фердинанд-Франсуа (1793–1857)** — французский священник, сделавший после революции 1830 г. попытку основать „французскую католическую церковь“, независимую от Рима и разогнанную полицией в 1842 г. В 1838 г. он опубликовал сочинение „Кодекс человечества“.

35. **АФФР, Дени-Огюст (1793–1865)** — французский церковник, который, будучи архиепископом парижским, пытался во время июньского восстания сорвать своей проповедью выступление пролетариата. Он был ранен во время этой попытки. Усердно защищал монархию.

36. **Мораль ЛОПОЛЫ (1491–1556)**, основатель самого боевого монашеского ордена воинствующей католической церкви — общества иезуитов, получила свое классическое выражение в формулу: „Мораль оправдывает средства“, „Житиевое благоразумие, соединенное с хотя бы посредственной чистотой, стоит гораздо выше, чем самая совершенная святость, но не сопоставляемая с хоть малой ложностью“. Ложность ради „вышней славы божьей“ является основным принципом деятельности иезуитов. Они не останавливаются ни перед какими интригами и происками, в одной стране они яростно преследуют еретиков, в других (например в Китае и Японии) они идут на всякие компромиссы с любыми языческими верованиями, в одной стране они поддерживают монархию, в другой приспосабливаются к республике и т. п. Против этой научковой морали иезуитов в XVII в. выступали яansenиты, последователи Янсена (1585–1638), богослова и епископа (его настоящее имя Корнелий Янсен). Янсений велел за Августинином учить, что спасение человека (человеческая природа, мол, порока)

завидит не от дед, а от Божией благодати, которая спасает только тех, которые предопределены к спасению. Янсенизм, подрывавший учение иезуитов о „добрых делах“, бичевавший нечестливость иезуитской политики, вызвал яростные нападки иезуитов, которые были поддержаны Римом и светской властью, как только янсенизм был подхвачен во Франции некоторыми слоями буржуазии и низшего духовенства, приобретающим таким образом политическую окраску.

37. **ГИЛЬДЕБРАНД** — речь идет о папе Григории VII, занимавшем престол в 1073–1085 г. г., энергично проводившем в своей политике идеи теократии, т. е. господства церкви в лице папы над миром. Усиленно централизуя церковь, строго проводя деицбат (безбрачие духовенства), покровительствуя монашеским орденам, призывая к крестовому походу, Григорий VII вместе с тем вел яростную борьбу за подчинение светских феодалов светской и духовной власти папы. Добившись здесь значительных успехов (это он заставил германского императора Генриха IV каяться в Каноссе), он в конце концов все же потерпел поражение. **МЕДИЧИ** — банкирский род во Флоренции, из которого вышла владетельная династия, давшая в течение ряда веков (XV–XVIII вв.) много крупных государственных деятелей и двух пап — Льва X и Кlementa VII. **БОРАЖИА** — знатный испанский род, к которому принадлежит прославившаяся своими мерзостями и преступлениями семья папы Александра VI (1492–1503), которого сами католические церковники называют „божьем посещением“ на престоле наместника св. Петра“. История обоих родов полна самых кошмарных злодеяний, бесовских интриг, безудержного проматывания накопленных хищническим и грабительским путем богатств.

38. **ТРАКТАТ О ТРЕХ ОБМАНИЩАХ** — см. раздел II, прим. 11.

39. **АЛЬБИГОНЦЫ** — религиозное (сектантское) движение на юге Франции в XII–XIII вв., возникшее вокруг секты „добрых людей“, проповедовавшей „очищение“ от грубого католического догматизма и поклонения христианству. Недовольство денежными поборами пап и монахов толкало в ряды альбигойцев буржуазные и мелкобуржуазные элементы экономически развитых городов и областей южной Франции. Для разгрома альбигойцев папа, в союзе с феодалами Северной Франции, организовал крестовый поход, приведший к разорению богатого и цветущего юга Франции и истреблению десятков тысяч людей (при захвате Безьера например было убито больше 20000 человек, а 7000 человек, главным образом женщин, стариков и детей, укрывшихся в церкви, были сожжены вместе с церковью).

40. **ГУС, Ян (1369–1415)** — чешский религиозный реформатор, который, опираясь на мелкое дворянство, крестьянство, ремесленников, выступал против папизма и за культуру-национальную независимость чешского народа. Был сожжен как „еретик“. **ИЕРОНИМ ПРАЖСКИЙ (1378–1416)** — сподвижник Гуса, так же как и он, сожженный на костре.

41. **ШТРАУС, Давид Фридрих (1808–1874)** — немецкий философ и богослов, гегельянец, склонявшийся к материализму, но построивший на нем защиту капитализма и принижавших классов, доказывавший необходимость сохранения религии для „народов“, т. е. для трудящихся масс. Его знаменитая книга „Жизнь Иисуса“, в которой воспринималась мифичность евангельской истории Иисуса и неосостоятельность евангельского учения, служила объектом борьбы правых и левых гегельянцев.

42. **ЛАБАРР, Жан-Франсуа (1747–1766)** — молодой дворянин из города Аббевиля, бывший жертвой религиозного фанатизма. Он был по прощам личных врагов обвинен в изуродовании распятия, в пещиняти

головного убора перед религиозной процессией и пении богохульных песен. Несмотря на непоколебимость первого обвинения, он был приговорен к отрезанию правой руки и языка и к сожжению заживо. Сожжение было заменено обезглавливанием. Лабарр мужественно встретил смерть. Попытка Вольтера добиться реабилитации Лабарра не привела ни к чему. Лабарр был реабилитирован Конвентом в 1793 г.

43. Речь идет об аусинидах, т. е. о гаданиях по птицам (заключавшихся в наблюдении за тем, как они поют или едят), без чего в в древнем Риме не предпринимались никакие важные дела, частные или общественные.

44. См. раздел II, примеч. 14.

45. Повидному имеются в виду сен-симонисты, пытавшиеся по завету своего учителя, утопического социалиста Сен-Симона в его „Новом христианстве“, превратить свое учение в новую религию.

46. **ПАСКАЛЬ, Блез (1623–1662)**, французский математик и религиозный философ, **НИКОЛЬ, Пьер (1625–1695)**, французский богослов, **АРНО, Антуан (1612–1694)**, французский богослов, **СЕН-СИРАН или ДЮ-ВЕРЖЕ ДЕ-ОРАНЖ, Жан (1581–1643)**, французский богослов, — все они являются индийскими представителями янсенизма (см. примеч. 36), группировавшимися вокруг женского монастыря Пор-Рояль. Им принадлежат ряд сочинений, в которых они вели борьбу с иезуитской моралью, проповедывали аскетическую мораль и уточенный мистицизм. Из этих сочинений наиболее популярностью пользовались „Провинциальные письма“ и „Мысли“ Паскаля. В первых кеймится мораль и практика иезуитов, во вторых в афористической форме защищается приоритет веры над разумом.

47. **ЮМ, Дэвид (1711–1776)** — английский философ-скептик и эмпирик, отрицавший возможность объективного познания внешнего мира, так как, по его учению, познание нас покончит на опыте, а опыт человеческий, дающий познание фактов, ограничен в силу того, что принцип причинного познания, на котором основан опыт, является продуктом наших представлений, а не отражением объективной действительности. **РУССО** — см. выше, примеч. 24. **ГОЛЬБАХ** — см. раздел II, примечание 8.

48. **Сен-ЖЮСТ, Антуан-Дом-Жозе (1767–1791)** — политический деятель Великой французской революции, сподвижник Робеспьера, выразитель интересов и устремлений революционной мелкой буржуазии, пламенный оратор и талантливый организатор, беззаветно преданный своим демократическим идеалам. Погиб на гильотине вместе с Робеспьером. **БАБЕФ (1760–1797)**, по прозвищу Графк, французский революционный коммунист, глава тайной революционной организации „Общество равных“, существовавшей в эпоху Директории. Для пропаганды идей коммунизма издавал газету „Народный трибун“, возглавлял в 1796 г. „Заговор равных“. Он был гильотинирован термидорианской буржуазией.

49. **ЛЕРУ, Пьер (1798–1871)** — французский утопический социалист (ему приписывается введение самого слова „социализм“), последователь сен-симонизма, причудливо сочетавший в своем учении идеи социализма и демократии с негелеевскими религиозными и мистическими бреднями (например с верой в переселение душ, в догмат триады, в чудотворенную силу таинств и т. д.).

50. **БАРРО, Огюстен (1791–1873)** — французский политический деятель либерально-монархического течения. В 1848–1849 гг. был членом Национального собрания. Он сильно содействовал избранию Луи-Наполеона Бонапарта в президенты.

51. **КНПЭ, Эдгар (1803—1875)** — французский публицист и историк. Будучи радикальным республиканцем по своим политическим взглядам, активным участником февральской революции 1848 г., он после наполеоновского переворота в 1851 г. вынужден был эмигрировать. В вопросах религии и церкви Кнэ, ярый враг иезуитов и католицизма, был реалистичным деятелем, патетическим защитником „свободного религиозного чувства“. Этим вопросам посвящено его сочинение „Гений религии“ (1842), в котором, как и в его исторических сочинениях („История французской революции“ и др.), больше риторического пафоса, чем научной мысли.

52. **Алиос или алимол** — тонкая переписка, облекающая зародыш у млекопитающих, птиц и пресмыкающихся.

53. Французский **САДЬСКИЙ** (1567—1622) — французский церковный деятель и писатель, основатель одного из монашеских орденов, канонизованный папой Пием II. **ТЕРЕЗА** (1515—1582) — испанская монахиня, причисленная к лику святых. От нее сохранились письма, полные мистического бреда, стоящего на грани религиозного помешательства. **ВИНСЕНТ де-Поль** (1576—1660) — французский церковник, основатель миссионерской конгрегации лазаристов, духовник жены Генриха IV, стремившийся укрепить авторитет церкви путем организации филантропических учреждений, канонизован папой Бенедиктом XIII. **ФЕНЕЛОН, Франсуа** (1651—1715) — французский писатель, аристократ по происхождению, сделавший значительную духовную карьеру. Главными его сочинениями являются „Похождения Телемака“, где он обосновал пропаланный папифистским духом идеал опирающийся на дворянство патриархальной монархии в противовес завоевательному абсолютизму Людовика XIV, осправившемуся на торговую буржуазию, и „Трактат о существовании бога“, где в выпрепно-дейной манере существовании бога обосновывалось „красотой и целесообразностью творения“. В топе, каким Прудон говорит об этих проповедниках очищенного и облагороженного мракобесия, сказывается прескраснодушное, беспринципная магическое всего прудонизма в отношении религии, его непонимание классовой природы и роли религии и церкви.

Система идеалистов есть абсолютное извращение всякого человеческого опыта и всемирного и всеобщего здравого смысла, который есть необходимое условие всякого соглашения между людьми и который, восходя от столь простой и столь же единодушно признанной истины, что дважды два — четыре, к самым высшим и сложным научным положениям, не допускал притом ничего, что не подтверждается строго опытом или наблюдением предметов или явлений, составила единственную серьезную основу человеческих знаний.

Вместо того чтобы следовать естественным путем снизу вверх, от низшего к высшему и от сравнительно простого к более сложному, вместо того, чтобы умно, рационально проследить прогрессивное и реальное движение мира, называемого неорганическим, в мире органическом — растительном, затем животном и наконец специально человеческом, химической материи или химического существа в живой материи или в живом существе и живого существа в существе мыслящем, — идеалистические мыслители, одержимые, ослепленные и толкаемые божественным призраком, унаследованным ими от теологии, следуют совершенно противоположным путем. Они идут сверху вниз, от высшего к низшему, от сложного к простому. Они начинают богом, представленным в виде личного существа или в виде божественной субстанции или идеи, и первый же шаг, который они делают, является страшным падением с высших вершин вечного идеала в грязь материального мира, от абсолютного совершенства — к абсолютному несовершенству, от мысли о бытии — или, скорее, от высшего бытия — к небытию. Когда, как и почему божественное, вечное, бесконечное существо, абсолютное совершенство, вероятно надоевшее самому себе, решилось на отчаянное salto mortale (смертельный пры-

* М. А. Бакунин — Бог и государство.

98

жок), этого ни один идеалист, ни один теолог, метафизик или поэт никогда сами не могли понять, а тем более объяснить профацам. Все религии прошлого и настоящего и все трансцендентные философские системы вертятся вокруг этой единственной и безнравственной тайны*.

* Я называю ее „безнравственной“, ибо, как мне кажется, я доказал в упомянутом уже приложении, что эта тайна была и продолжает еще быть освящающим всех ужасов, совершенных и совершаемых в челове-

Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ

Сборник документов

Составитель Ц. Фридлянд

М.: ОГИЗ. Государственное антирелигиозное издательство. 1933

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011,

к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Сканы иллюстраций из книги – в альбоме

<http://fotki.yandex.ru/users/pere-duchesne/album/165389/>

Франко-прусская война, крушение Второй империи
и Парижская коммуна:

воспоминания, документы, исследования, публицистика,
фильмы, радиопередачи можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

См. также материалы с тэгом «церковь/религия»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=2548302>

Святые люди, боговдохновенные законодатели, пророки, мессии искали в ней жизнь и нашли лишь пытку и смерть. Подобно древнему сфинксу она пожрала их, ибо они не сумели объяснить ее. Великие философы от Гераклита и Платона до Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, не говоря уже об индийских философах, написали горы томов и создавали столь же остроумные, как и возвышенные, системы, в которых они мимоходом высказали много прекрасных и великих вещей и открыли бессмертные истины, но оставили эту тайну, главный предмет их трансцендентных изысканий, столь же непроницаемой, какой она была и до них. Но, раз гигантские усилия самых удивительных гениев, которых знает мир и которые в течение по меньшей мере тридцати веков всякий раз заново предпринимали этот сизифов труд, привели лишь к тому, чтобы сделать эту тайну еще более непонятной, можем ли мы надеяться, что она будет нам раскрыта теперь глупой диалектикой какого-нибудь узколобого ученика искусственно подогретой метафизики, и это — в эпоху, когда живые и серьезные умы отвернулись от этой двусмысленной науки, вытекшей из сделки, исторически, разумеется, вполне объяснимой, между неразумием веры и здравым разумом.

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, т. е. что она нелепа, ибо одну только нелепость нельзя объяснить. Очевидно, что если кто-нибудь ради своего счастья или жизни стремится к ней, тот должен отказаться от своего разума и, обратившись, если может, к наивной, слепой, грубой вере, повторить с Тертуллианом² и всеми искренно верующими слова, которые резюмируют самую сущность теологии: Credo, quid absurdum*.

Тогда всякие споры прекращаются, и остается лишь торжествующая глупость веры. Но тогда сейчас же рождается другой вопрос: как может в интеллигентном и образованном человеке родиться потребность верить в эту тайну?

Нет ничего более естественного, как то, что вера в бога, творца, руководителя, судью, учителя, проклинателя, спасителя и благодетеля мира сохранялась в народе и особенно среди сельского населения гораздо больше, чем среди городского пролетариата. Народ, к сожалению, еще слишком невежествен.

ском мире. И я называю ее „единственной“ (игра слов: unique, inique) ибо все другие богословские и метафизические нелепости, отделяющие человеческий ум, суть лишь ее неизбежные последствия.

* „Верю, потому что это нелепо“, т. е. „так как это нелепо и не может мне быть доказано разумом, я вынужден, чтобы быть христианином, верить в силу добродетели веры“.

Примечания Бакунина,

И он удерживается в своем невежестве систематическими усилиями всех правительств, считающих не без основания невежество одним из самых существенных условий своего собственного могущества.

Подавленный своим ежедневным трудом, лишенный досугов, умственных занятий, чтения, словом, почти всех средств и влияний, развивающих мысль человека, народ чаще всего принимает без критики и гуртом религиозные традиции, которые с детства окружают его во всех обстоятельствах жизни, искусственно поддерживаются в его среде толпой официальных отравителей всякого рода, духовных и светских, и превращаются у него в род умственной и нравственной привычки, слишком часто более могущественной, чем его естественно-здоровый смысл.

Есть и другая причина, объясняющая и в некотором роде узаконивающая нелепые верования народа. Эта причина — жалкое положение, на которое народ фатально обречен экономической организацией общества в наиболее цивилизованных странах Европы.

Сведенный в интеллектуальном и моральном, равно как и в материальном, отношении к минимуму человеческого существования, заключенный в условиях своей жизни, как узник

в тюрьму, без горизонта, без пещера, даже без будущего, если верить экономистам, народ должен был иметь чрезвычайно узкую душу и плоский инстинкт буржуа, чтобы не испытывать потребности выйти из этого положения. Но для этого у него есть лишь три средства, из которых два мнимых и одно действительное. Два первых — это кабак и дерконь, разврат тела и разврат души. Третье — социальная революция.

Отсюда я заключаю, что только эта последняя — по крайней мере в гораздо большей степени, чем всякая теоретическая пропаганда свободных мыслителей — будет способна вытравить последние следы религиозных верований и развратные привычки народа, — верования и привычки, гораздо более тесно связанные между собой, чем это обыкновенно думают. И, заменяя эти призрачные и в то же время грубые радости этого телесного и духовного разврата тонкими, но реальными радостями осуществленной полностью в каждом и во всех человечности, одна лишь социальная революция будет обладать силой закрыть в одно и то же время и все кабаки и все деркны.

До тех пор народ, взятый в массе, будет верить, и, если у него и нет разумного основания, он имеет по крайней мере право на это.

Есть разряд людей, которые, если и не верят, должны по крайней мере казаться верующими. Все мучители, все угнетатели и все эксплуататоры человечества, священники, монархи, государственные люди, военные, общественные и частные финансисты, чиновники всех сортов, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, ростовщики, предприниматели и собственники, адвокаты, экономисты, политики всех цветов, до последнего бакалейщика, — все в один голос повторяют слова Вольтера:

«Если бы бог не существовал, его надо было бы изобрести»⁵. Ибо — вы понимаете — для народа необходима религия. Это — предохранительный клапан.

Существует наконец довольно многочисленная категория честных, но слабых душ, которые, будучи слишком интеллигентными, чтобы принимать всерьез христианские догмы, отбрасывают их по частям, но не имеют ни мужества, ни силы, ни необходимой решимости, чтобы отвергнуть их полностью. Они предоставляют вашей критике все особенные нелепости религии, они отворачиваются от чудес, но с отчаянием целуются за главную нелепость, источник всех других, — за существование бога. Их бог — отнюдь не сильное и мощное существо, не грубо позитивный бог теологии. Это — существо туманное, прозрачное, призрачное, до такой степени призрач-

ное, что, когда его готовы схватить, оно превращается в ничто. Это — мираж, блуждающий огонек, не светящийся и не греющий. И однако они держатся за него и верят, что, если он исчезнет, все исчезнет с ним. Это — души недвижимые, болезненные, выбитые из колеи современной цивилизации, не принадлежащие ни к настоящему, ни к будущему, бледные призраки, вечно висящие между небом и землей и занимающие совершенно такую же позицию между буржуазной политикой и социализмом пролетариата. Они не чувствуют в себе силы ни мыслить до конца, ни хотеть, ни решиться и теряют свое время, вечно пытаясь примирить непримиримое. В общественной жизни они называются буржуазными социалистами.

Ни о димии, ни против них невозможен никакой спор. Они слишком слабы.

Но есть небольшое количество знаменитых людей, о которых никто не осмелится говорить без уважения, и в чьих полном здравьи, силе ума и искренности никто не вздумает усомниться. Достаточно назвать имена Мадзини⁶, Мишля, Клар, Джона Стюарта Милля⁷. Благородные и сильные души, великие сердца, великие умы, великие писатели, а Мадзини еще и героический и революционный возродитель великой нации, они все — апостолы идеализма и страстные противники, презиравшие материализм, а следовательно и социализм, как в философии, так и в политике.

Следовательно нужно обсуждать этот вопрос против них.

Отметим прежде всего, что ни один из поименованных мною великих людей и вообще ни один другой сколько-нибудь выдающийся идеалистический мыслитель наших дней не заботился о собственно логической стороне этого вопроса. Ни один не попытался философски разрешить возможность божественного салто мортале из вечных и чистых областей духа в грязь материального мира. Побоялись ли они затронуть это неразрешимое противоречие и отчаялись разрешить его после того, как величайшие гении истории не успели в этом, или же они считают его уже в достаточной мере разрешенным? Это их тайна. Факт тот, что они оставили в стороне теоретическое доказательство существования бога и развили лишь практические

⁵ Стюарт Милль, быть может, единственный из их числа, в серьезности идеализма которого можно усомниться по двум причинам: во-первых, он страстный поклонник, приверженец позитивной философии Огюста Конта, философии, которая, несмотря на многочисленные умственные недоговоренности, действительно атеистична; во-вторых, Стюарт Милль — англичанин, а в Англии заявить себя атеистом значило бы еще и поныне поставить себя вне общества.

ские причины и следствие того. Они все говорили о нем как о факте всемирно признанном, не могущем более быть предметом какого-либо сомнения, ограничиваясь вместо всяких доказательств констатированием древности и этой самой всеобщности веры в бога.

— Это внушительное единодушие, по мнению многих знаменитых людей и писателей (назовем лишь наиболее известных), по красноречивому мнению Жозефа де-Местра и великого итальянского патриота Джузеппе Мадзини, стоит больше, чем все научные доказательства; а если логика небольшого числа последовательных, весьма серьезных, но не популярных мыслителей противна этой общепризнанной истине, — тем хуже, говорят они, для этих мыслителей и для их логики, ибо всеобщее согласие, всемирное и древнее принятие какой-либо идеи во все времена признавалось наиболее неоспоримым доказательством ее истинности. Чувство всех, убеждение, которое находится и держится всегда и повсюду, не может обманывать. Оно должно иметь свои корни в самой природе человека. А так как было констатировано, что все народы прошлого и настоящего верили в существование бога, — очевидно, что те, кто имеет несчастье сомневаться в нем, какова бы ни была логика, вовлекшая их в это сомнение, суть существа ненормальные, чудовища.

Итак, древность и всемирность верования являются, вопреки всякой нужде и всякой логике, достаточным и непреодолимым доказательством его истинности. Почему же?

До века Коперника и Галилея все верили, что солнце вертится вокруг земли. Разве они не ошибались?

Есть ли что древнее и распространеннее рабства? Может быть, людоедство. С образования исторического общества и до наших дней всегда и везде была эксплуатация вынужденного труда масс, рабов, крепостных или наемников каким-либо господствующим меньшинством, угнетение народов церковью и государством. Нужно ли заключать из этого, что эксплуатация и угнетение есть необходимость, абсолютно присущая самому существованию общества? Вот примеры, доказывающие, что аргументация адвокатов господ бога ничего не доказывает.

В самом деле, нет ничего столь всеобщего и столь древнего, как несправедливость и неленость; напротив, истина и справедливость в развитии человеческих обществ наименее распространены, наиболее молоды. Это объясняет также и постоянное историческое явление неслыханных преследований, которым впервые провозгласившие истину и справедливость подвергались и подвергаются со стороны официальных, дипломатированных

представителей, заинтересованных во „всеобщих“ и „древних“ верованиях, и часто со стороны тех самых народных масс, которые, замучив проповедников истины, всегда кончали тем, что потом принимали и приводили к торжеству их идеи.

В этом историческом явлении нет ничего, что бы удивляло и устрашало нас, материалистов и социалистов-революционеров.

Сильные нашим сознанием, нашей любовью к истине во что бы то ни стало, этой логической страстью, которая сама по себе является великой силой и вне которой нет мысли; сильные нашей страстью к справедливости и нашей непоколебимой верой в торжество человечности над всем зверским в теории и практике; сильные наконец доверием и взаимной поддержкой, которую оказывают друг другу небольшое число разделяющих наши убеждения, мы миримся с этим историческим явлением, в котором мы видим проявление социального закона, столь же естественного, столь же необходимого и столь же неизменного, как и все другие законы, правящие миром.

Этот закон есть логическое, неизбежное следствие животного происхождения человеческого общества. А перед лицом всех научных, физиологических, психологических, исторических доказательств, накопленных в наши дни, точно так же, как и перед лицом подвигов немцев, завоевателей Франции, дающих ныне такое блестящее доказательство этого, положительно нельзя было сомневаться в действительности такого происхождения. Но с того момента, как мы примем животное происхождение человека, все объясняется. История предстает тогда перед нами как революционное отрицание прошлого, — то медленное, апатическое, сонное, то страстное и мощное. Имело в прогрессивном отрицании первобытной животности человека. в развитии его человечности она и состоит.

Человек — хищное животное, двоюродный брат гориллы — вышел из глубокой пещи животного инстинкта, чтобы прийти к свету ума, что и объясняет совершенно естественно все былые заблуждения и утешает нас отчасти в нынешних ошибках.

Он вышел из животного рабства и, пройдя через божественное рабство, переходный этап между его животности и человечности, идет ныне к завоеванию и осуществлению своей человеческой свободы. Отсюда следует, что древность верований, какой-нибудь идеи далеко не является доказательством в их пользу и, напротив, должна сделать нас подозрительными. Ибо позади нас — наша животность, а перед нами — наша человечность, а свет человечности только один

Может нас согреть и осветить, только он может освободить нас, сделать достойными, свободными, счастливыми и осуществить братство среди нас, — он никогда не находится в начале, но по отношению к эпохе, в которой живут, — всегда в конце истории. Не будем же смотреть назад, будем всегда смотреть вперед, ибо впереди — наше солнце и наше спасение. И если позволительно, если даже полезно и необходимо оглянуться ради изучения нашего прошлого, так это нужно лишь для того, чтобы констатировать, чем мы были и чем мы не должны более быть; во что мы верили и что думали и во что мы не должны больше верить, чего не должны больше думать; что мы делали и чего не должны больше никогда делать.

Это относительно древности. Что же касается всемирности какого-нибудь заблуждения, то это доказывает лишь одно: сходство, если не совершенное тождество, человеческой природы во все времена и во всех странах. И, раз установлено, что все народы во все эпохи их жизни верили и верят еще в бога, мы должны лишь заключить, что божественная идея, исходящая из нас самих, есть заблуждение, историческая необходимость в развитии человечества, и спросить себя, почему и как она произошла в истории, почему громадное большинство человеческого рода принимает ее еще и ныне за истину?

Пока мы не будем в состоянии отдать себе отчет, каким путем идея сверхъестественного или божественного мира возникла и должна была фатально возникнуть в историческом развитии человеческого сознания, мы никогда не сможем разрушить ее во мнении большинства, как бы мы ни были научно убеждены в нелепости этой идеи. Ибо мы никогда не сможем изразить ее в самых глубинах человеческого существа, где она родилась, и, осужденные на бесплодную борьбу без исхода и без конца, мы будем всегда вынуждены поражать ее лишь на поверхности в ее бесчисленных проявлениях, в которых нелепость, едва пораженная ударами здравого смысла, сейчас же возродится в новой и не менее бессмысленной форме. Пока корень всех нелепостей, терзающих мир, — вера в бога — остается нетронутой, она никогда не перестанет давать новые ростки. Так в наши дни в некоторых кругах высшего общества спиритизм стремится утвердиться на развалинах христианства.

Не только в интересах масс, но и в интересах нашего собственного здравого смысла мы должны постараться понять историческое происхождение идеи бога, преемственность причин, развивших и породивших эту идею в сознании людей. Сколько бы мы ни говорили и ни думали, что мы атеисты, пока не поймем этих причин, мы дадим господствовать над

нами в большей или меньшей степени голосу этого всеобщего сознания, тайну которого мы не познали, и в виду естественной слабости даже самого сильного индивида перед всемогущим влиянием окружающей его социальной среды мы всегда будем рисковать рано или поздно вновь впасть тем или иным способом в бездну религиозной нелепости. Примеры этих последних обращений часты в современном обществе.

2. ЧТО АТЕИЗМ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ РЕЛИГИИ? *

Внешний мир представляется человеку лишь бесконечным разнообразием предметов, действий и раздельных отношений без малейшей видимости единства, — это бесконечные пагубные ожидания, но не единое целое. Откуда является единство? Оно заложено в уме человека. Человеческий ум одарен способностью к абстракции, которая позволяет ему, после того как он медленно и по отдельности исследовал один за другим множество предметов, охватить их в мгновение ока в едином представлении, соединить их в одной и той же мысли. Таким образом именно мысль человека создает единство и перепосит его в многообразии высшего мира.

Отсюда вытекает, что это единство является вещью по конкретной и реальной, но абстрактной, созданной единственно способностью человека абстрактно мыслить. Мы говорим „абстрактно мыслить“, ибо для того, чтобы объединить столько различных предметов в единое представление, наша мысль должна отвлечься от всего, что составляет различие между этими предметами, и удерживать лишь то, что они имеют общего; отсюда вытекает, что, чем более предметов обьектует мыслимое нами единство, чем более оно возвышается, чем более разрастается то общее, что заключается в нем, что его определяет, составляет его содержание, — тем более абстрактным и лишенным реальности оно становится. Жизнь со всеми преходящими чертами и великолепиями находится внизу, в разнообразии; смерть со своей вечной и несравненной монотонностью находится сверху, в единстве. Поднимитесь в силу той же способности к абстракции выше и выше, уйдите за пределы земного мира, охватите в одной мысли солнечный мир, представьте себе это высшее единство, — что же вам останется для его заполнения? Дикарь был бы очень затруднен в ответе на этот вопрос! Но мы ответим за него: останется материя с тем, что мы называем силой абстракции, движущаяся материя со своими различными проявлениями, каковы свет, теплота, электричество и магнетизм, которые, как это теперь доказано, суть различные проявления одной и той же вещи. Но если в силу той же способности к отвлечению, не имеющей пределов, вы поднимаетесь выше нашей солнечной системы и объединяете в своей мысли не только эти миллионы солнц, видимые нами на небосклоне в виде светящихся точек, но еще бесконечное множество других солнечных систем, которых мы не видим и никогда не увидим, но существование которых

мы предполагаем, ибо наша мысль по той самой причине, что она не знает пределов своей способности к абстракции, отказывается верить, чтобы вселенная, т. е. совокупность всех существующих миров, могла иметь предел или конец, — потом, отвлечшись всею тою же мыслью от отдельных существований каждого из существующих миров, если вы попытаетесь представить себе единство этого бесконечного мира, — что вам останется для его определения и заполнения? Одно слово, одна абстракция: неопределенное существо, т. е. неподвижность, пустота, абсолютное небытие — бог.

Итак, бог, это — абсолютная абстракция, это — собственный продукт человеческой мысли, которая, как сила абстракции, поднялась над всеми известными существами, всеми существующими мирами и, освободившись тем самым от всякого реального содержания, сделавшись уже не чем иным, как абсолютным миром, не узнавая себя в этой величественной обнаженности, становится перед самой собой как единственное и высшее существо.

Нам могут возразить, что мы сами утверждали на предыдущих страницах реальное единство вселенной и определили его как всемирную связность и причинность, как единственное всемогущество, управляющее всеми вещами и ощущаемое более или менее всеми живыми существами, а теперь как будто бы отрицаем его. Но нет, мы его вовсе не отрицаем; мы лишь утверждаем, что между этим реальным всемирным единством и идеальным единством, к которому приходит путем абстракции религиозная и философская метафизика, нет ничего общего. Мы определяли первое как бесконечную сумму предметов или — лучше — как сумму непростых линий — всех реальных существ, так же как их постоянных действий и противодействий, которые, комбинируясь в одно движение, образуют, как мы сказали, так называемую всемирную солидарность, или причинность. Мы прибавили, что мы понимаем эту солидарность не как первичную и абсолютную причину, но, напротив того, как производную, как результат, постоянно повторяющийся, одновременного действия всех частных причин, — действия, которое и составляет собственно всемирную причинность, нечто творящую и творимую. Определив ее таким образом, мы сочли возможным сказать, не боясь более никакого недоразумения, что эта всемирная причинность творит миры. И хотя мы очень настойчиво прибавляли, что она это делает без какой-либо предшествующей мысли или воли, без какого-либо плана, без какой-либо преднамеренности или предопределенности со своей стороны, — ибо она сама не имеет никакого отдельного и предшествующего существования вне

* М. А. Блажунин — Антиатеологизм.

своей непрестанной реализации и является не чем иным, как абсолютной производной, — тем не менее мы теперь видим, что это выражение — „творить“ — не является ни удачным, ни точным и что, несмотря на все прибавленные объяснения, оно может еще дать повод к недоразумениям, — до того мы привыкли связывать с этим словом „творение“ мысль о сознательном творце, о творце, отдельно от своего произведения. Мы должны были бы сказать, что каждый мир, каждое существо бессознательно, непроизвольно происходит, рождается, развивается, живет, умирает и переходит в новое существо под влиянием всемогущей, абсолютной, всемирной солидарности, и, чтобы выразить нашу мысль еще более точно, мы прибавим теперь, что реальное единство вселенной является не чем иным, как абсолютной связностью и бесконечностью ее реальных трансформаций, ибо непрестанная трансформация каждого отдельного существа составляет единственную подлинную реальность каждого, так как вселенная — не что иное, как история без границ, без начала и без конца.

Подробности этой истории бесконечны. Человеку всегда придется ограничиваться только познанием ее бесконечно малой части. Наше звездное небо со своим множеством солнц образует лишь незаметную точку в неизмеримости пространства, и, хотя мы обнимаем его взглядом, мы никогда о нем почти ничего не узнаем. Мы принуждены ограничиваться некоторым познанием нашей солнечной системы, относительно которой мы предполагаем, что она в совершенной гармонии с остальными частями вселенной, ибо если бы не было этой гармонии, то или она должна бы была установиться, или же наша солнечная система погибла бы. Эту последнюю мы знаем уже очень недурно с точки зрения небесной механики и начинаем знакомиться с ней также с точек зрения физической, химической и даже геологической. Наша наука с трудом перейдет этот предел. Если мы ищем более конкретных познаний, мы должны придерживаться нашего земного шара. Мы знаем, что он создавался во времени, и мы предполагаем, что через некоторое, неизвестное нам, число веков он должен погибнуть, — как рождается и погибает или — лучше — трансформируется все, что существует.

Каким образом наш земной шар, — бывший вначале раскаленной, газообразной, несравненно более легкой, чем воздух, материей, — охладился, образовался, чрез какой неоспоримый ряд геологических переворотов должен он был пройти, прежде чем был в состоянии произвести на своей поверхности все это бесконечное богатство органической жизни, начиная с первой и самой простой клеточки и кончая человеком? Как

он видоизменялся, и продолжает ли он свое развитие в историческом и социальном мире человека? Куда мы направляемся, толкаемые верховным фатальным законом непрестанного видоизменения?

Вот единственно доступные нам вопросы; единственные вопросы, которые могут и должны быть действительно охвачены, детально разработаны и разрешены человеком. Являясь, как мы уже сказали, лишь незаметной точкой в безграничном и неопределимом вопросе вселенной, эти вопросы являют тем не менее нашему уму истинно бесконечный мир — не в божественном, т. е. абстрактном, смысле этого слова, не в смысле верховного существа — создания религиозной абстракции; напротив того — бесконечный по богатству своих подробностей, которых никогда не будут в состоянии исчерпать никакое наблюдение и никакая наука.

И для того, чтобы познать этот мир, наш бесконечный мир, недостаточно одной абстракции. Она бы снова привела нас к богу, к верховному существу, к безытию. Необходимо, не переставая, применять нашу способность к абстракции, без которой мы бы никогда не смогли возвыситься от более простого рода вещей к более сложному роду и следовательно никогда не смогли бы понять естественную иерархию существ, — необходимо, говорим мы, чтобы ум с уважением и любовью занимался тщательным изучением деталей и бесконечно малых подробностей, без которых нам невозможно представить себе живую реальность существ. Итак, только соединяя эти две способности, эти две на вид столь противоположные тенденции — абстракцию и внимательный, добросовестный, терпеливый анализ, мы можем возвыситься до реального понятия о нашем не внешнем, но по существу бесконечном мире и составить себе до некоторой степени достаточное представление о нашей вселенной — о нашем земном шаре или, если хотите, о нашей солнечной системе. Теперь очевидно, что если наше чувство и наше воображение и могут дать нам образ, представление, но необходимости более или менее ложное, об этом мире, если они и могут даже, посредством своего рода интуитивной догадки, дать нам почувствовать тень, отдаленное подобие истины, то чистую и всецелую истину может нам дать только наука.

В чем же причина этой властной любознательности, толкающей человека к познанию окружающего его мира, к преследованию с неутомимой страстью цели открытия тайн этой природы, последним и самым совершенным созданием которой на нашей земле он сам является? Является ли эта любознательность простой роскошью, приятным времяпрепровожде-

нием или же одной из существенных необходимостей нашей природы? Мы, колеблясь, утверждаем, что из всех потребностей, присущих природе человека, это — наиболее человеческая и что он действительно становится человеком, что он действительно отличается от животных всех других пород лишь благодаря этой неутолимой жажде знания. Дабы проявить себя во всей полноте своего существа, человек должен, как мы сказали, себя познать, а он никогда себя действительно не познает, пока он не познает окружающую его природу, продуктом которой он сам является.

Если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать, он должен проникнуть мыслью в видимый мир и, не предаваясь надежде постичь когда-нибудь его сущность, углубляться все более и более в изучение его законов, ибо наша человечность приобретает лишь этой ценой. Человеку нужно познать все низшие, предшествующие и современные ему области, все механические, физические, химические, геологические и органические эволюции на всех ступенях развития растительной и животной жизни, т. е. все причины и условия его собственного рождения и его существования, дабы он мог познать свою собственную природу и свое назначение на земле — его отечестве и единственном местожительстве, — дабы в этом мире слепой фатальности он мог основать царство свободы.

Такова задача человека; она неисчерпаема, она бесконечна и совершенно достаточна для удовлетворения самых честолюбивых умов и сердец. Мимолетное и неспиритное существо среди безбрежного океана всемирной видоизменяемости, с неведомой вечностью позади него и такой же неведомой вечностью впереди, человек мыслящий, деятельный, сознающий свое человеческое назначение, остается гордым и спокойным в сознании своей свободы, которую он сам завоевывает, просвещая, подкрепляя, освобождая и в случае нужды бунтуя окружающий его мир. Вот его утешение, его награда, его единственный рай. Если вы его спросите после этого, какого его внутреннее убеждение и последнее слово относительно реального единства вселенной, то он вам скажет, что оно заключается в вечной и всемирной видоизменяемости, в безграничном движении без начала и без конца. А это абсолютная противоположность всякому учению о провидении — отрицание бога.

1. **БАКУНИН, Михаил Александрович (1813—1876)** — вождь анархизма. В качестве члена I Интернационала Бакунин вел беспечную борьбу против Маркса, а после исключения организовал недолго существовавший анархический интернационал. В своих публицистических и сочинениях („Бог и государство“, „Кнут-германская империя“ и др.) Бакунин уделял много внимания разоблачению поповщины и проповеди атеизма. Несмотря на то однако, что он называл себя последовательным и законченным материалистом, на его философских, так же как и на его политических, воззрениях лежит печать мелкобуржуазной путаницы, в них много идеалистических ошибок. Считаю например религиозное чувство *врожденным* человеку, он, как и все анархисты, признавал в борьбе с религией лишь одно средство — бунт и полагал возможным упразднить религию путем одних запретительных мер. Все же у Бакунина немало страни, где дается убедительная и остроумная критика религиозных учений и догматов. Бакунин не устает подчеркивать, что религия служит командующим классам орудием духовного олушмания масс в дополнение к кабакам, орудиям их физического развращения, что „одна лишь социальная

253

революция будет обладать силой закрыть в одно и то же время и все кабаки и все церкви“. В Коммуне было четверо бакунистов (все они были членами I Интернационала).

2. **ТЕРТУЛЛИАН** — см. раздел II, примеч. 18.

3. **МАДЗИНИ, Джузеппе (1805—1872)** — итальянский буржуазный революционер, основавший в 30-е гг. союз „Молодая Италия“, группировавший вокруг себя радикальную интеллигенцию. Одним из основных лозунгов этого союза, борющегося за политическое объединение Италии на республиканской основе, был лозунг: „Бог и народ“. У Мадзини республиканизм сочетался с горячей религиозностью, лишенной, правда, определенной конфессиональной окраски. **МИШЛЕ, Жюль** (1798—1874) — французский историк, автор многогранных „Истории Франции“ и „Истории Великой французской революции“, сочетавший в своих воззрениях буржуазный демократизм с религиозно-идеалистическим романтизмом. **КИНЭ** — см. раздел II, примечание 51. **МПЛА, Жюль Стюарт** (1806—1873) — английский философ, экономист и политический деятель. В философских воззрениях своих Милья, отрицающая объективное познание, оставалась на позиции позитивизма и идеалистического эмпиризма. Основной его труд в этой области — „Система индуктивной и дедуктивной логики“.

Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ

Сборник документов

Составитель Ц. Фридлянд

М.: ОГИЗ. Государственное антирелигиозное издательство. 1933. 267 с.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Сканы иллюстраций из книги – в альбоме

<http://fotki.yandex.ru/users/pere-duchesne/album/165389/>

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна:

воспоминания, документы, исследования, публицистика, фильмы, радиопередачи можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

См. также материалы с тэгом «церковь/религия»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=2548302>

ПРИЗНАНИЯ СВЯЩЕННИКА, ОТРЕКНУВШЕГОСЯ ОТ САНА *

1

Сын народа, родившийся в мирном селепни, я оказался рано прикованным к клерикальной галере.

В продолжение лучшей части моей жизни я был гребцом в поте лица моего, в тяжелых мучениях сердца на этом проклятом корабле. Его лицемерные водители эксплуатировали мои лучшие годы, погасили мой первый энтузиазм и обесплодили мою молодость.

Тем не менее я не стану просить „прощения“ у бога и у людей: эта риторическая фигура годится лишь предателю Жюлю Фавру и его жалким сподвижникам. Если я совершил ошибку в отношении самого себя, то могу засвидетельствовать, что и никогда не намеревался причинить кому-либо ущерб.

Оказавшись жертвой ужасного положения, захваченный колесами ужасной машины, я невыразимо страдал и выбрался из лезвиев механизма лишь весь покрытый ушибами и синяками.

Потратить зря цвет жизни на служение самому отвратительному из институтов — это безусловно неоправданная потеря, но она постигла лишь меня одного, и уже это одно меня утешает.

Моя история похожа на множество других. Я попал в западню еще с самого детства. Учителя, семья, родственники — все сообща, желая, быть может, мне самого хорошего, оторвали меня от общего нормального пути, чтобы предать меня в руки церкви, этого гигантского и дьявольски хитро проводимого заговора против человеческого разума. Под гипотом всего этого все зачатки независимости, которые в юности пробивались в моей

* *Guénol-Vinquer* — Les révélations d'un curé démissionnaire. Paris, 1871, №№ 1 - 8

груди, понемногу заглохли, и я оказался трупом, т. е. жертвой неопищенного рабства.

Мои устремления к свободе мысли весьма часто восставали против духовного порабощения, но моим воспитателям всегда удавалось восторжествовать над всеми моими попытками мятежа.

Идеалом селянина являются жирные ши и сладкое ничтожество. Хотя я знал о существовании другого назначения для человеческого бытия, я не осмеливался высказать это громко: меня сочли бы глупцом и высмеяли бы меня.

Вот таким образом я бессознательно продолжал существовать от случая к случаю, надеясь, что какое-нибудь благоприятное обстоятельство разорвет роковую сеть, которая меня опутывала.

Я приветствовал начало революции 1848 г., полагая, что она принесет мне желанное освобождение. Я с горечью интересовался перепечатавшими славные летописи 93 года. Герои этой прекрасной эпохи вызвали во мне восторг, который мне с трудом удавалось скрывать. Я аплодировал тайком разрушению королевской власти, торжественному приговору, который отдала представителю старой монархии на эшафот, столь часто обгравившийся невинной кровью в эпоху тирании.

Я еще не понимал тогда, что наши отцы, разрушившие трон, не сокрушив актера, служащего ему опорой, выполнили только половину своего святого дела. Разобрать крышу какого-нибудь здания, которое должно быть снесено, это дело хорошее, но для того, чтобы от этого здания не осталось ни следа, необходимо с корнем вырвать те столбы, на которых оно покоится.

Внезапный разворот великолепного февральского движения¹ дал мне возможность думать, что демократия сможет заключить неразрывный союз с католицизмом. Ни опыт, ни знание тогда еще не научили меня пониманию того, что это две совершенно непримиримых вещи.

Под влиянием клерикального воспитания, будучи игрушкой сильных иллюзий, охваченный симпатиями и вкусами, внушенными в семье, я решился стать священником и тем отравил свое существование на целых 22 года.

Живя в Париже, в центре умственной жизни, мое решение было бы несомненно иным: я бы, надо думать, разорвал те цепи, которые меня сковывали, и сразу стал бы хозяином самого себя, но в маленьком провинциальном городке, в отрыве от спасительного общения с просвещенными умами я безвольно отдался течению, которое меня захватило.

Однако, даже сделавшись священником, я продолжал сохранять мою республиканскую веру, правда, ограничивая ее

фактами политическими и пытаясь приспособить ее к религиозной сфере.

В этой непосильной работе приспособления я не замедлил конечно использовать остроумные комбинации, внушенные мне всякого рода литературными влияниями. Вскоре однако я отказался от неблагодарной задачи попытаться осуществить возвышенную программу Христа и своего епархиального викария². Любить народ в каком-нибудь глухом селении, жить его жизнью, положить свою руку в его руку, честную и мозолистую, помогать ему нести его тяжелую жизненную ношу — вот чем я решил ограничить свою деятельность.

Когда я приступил к исполнению своих священнических функций, был момент, правда, только один момент, когда я действовал под влиянием убеждения, которое мне представлялось серьезно и солидно обоснованным. Мое воображение, подогретое единственными размышлениями, парисовало мне обманивший мирок. Оставаясь на чисто поверхностной стороне религиозного учения, старательно избегая доказываться до самых корней догмы, я пустился в плавание, не задумываясь о подводных камнях, на которых должно было потерпеть крушение мое наивное легковерие. Не зная вещей и людей, я не сомневался в искренности учителей, которые опутали мой разум, мою свободу.

Я поднялся на кафедру с полной доверчивостью, чтобы учить других тому, что мне мои учителя выдавали за истину.

Однако весьма скоро я обнаружил, что я совершенно неспособен излагать с достаточной ясностью и доказательностью то учение, которое я по долгу службы должен был проповедывать. На каждом шагу мои аргументы рушились, едва только я их собирался произнести. Я начал чувствовать, что под оболочкой моих фраз не кроется даже и тени реальности. А подменить доказательства авторитетом было выше моих сил.

Понимая, что серия проблем, неразрешимых для разума, не может представлять собою нечто подходящее для моей проповеди, я попытался найти убежище в возвышенных теориях спиритуалистической философии. Но и там я натолкнулся на те же трудности, и там меня постигли те же неудачи.

Сомнения нахлынули на меня, угрожая потопить утлый челнок, на котором я пустился в плавание по волнам церкви. Приведенный в отчаяние перспективой полного крушения верований, до сих пор баковавших меня, я стал воздерживаться от толкования тем и вопросов, которые каждый раз неизбежно приводили в результате логического рассмотрения к печальным выводам. Я стал ограничиваться комментированием подлинно гуманных текстов евангелия — о братстве и равенстве людей.

В этих условиях и на этой платформе ремесло, к которому меня приковали, как каторжника к тачке, становилось для меня кое-как переносимым.

Но где оно являлось для меня совершенно нестерпимым, — так это в исповедальне.

Изобретатели исповеди показали, что они являются весьма ловкими людьми. При помощи исповеди они овладевают человеком с его первых шагов и не отпускают его до могилы.

Учителя католической церкви, вожди католического духовенства предписывают священнику допытываться у ребенка обо всех интимных подробностях, об его мыслях, словах, желаниях, актах, как бы они ни были непристойны. Все это должно сообщаться священнику. Священники таким образом как бы регистрируют каждое движение, каждое содрогание человеческого сердца, каждый трепет плоти. Сколько человеческих существ, оставшихся чистыми, оказались таким образом по-священными во все тайны зла!

В исповедальне молодая девушка рассказывает священнику такие вещи, в которых она ни за что не призналась бы отцу или матери. Она пересиливает здесь свою естественную стыдливость, чтобы раскрыть перед священником таинственные чувства и порывы, родившиеся в тайниках ее сердца.

Священник, на которого она смотрит как на представителя бога, превращается в ее господина, который направляет ее, куда он хочет. Если он потребует, она откажется от законных радостей любви, чтобы отдать в монастырь свое золото, когда она богата, свой труд, когда она бедна.

Женщина доверит священнику то, в чем она отказала бы своему мужу. Для служителя церкви открываются начисто все тайны супружеской комнаты. Часто целые часы посвящаются признаниям, которые одновременно противоречат всякой морали и весьма заманчивы для нечистого любопытства. Священные семейные узы оказываются таким образом в руках церкви. Священник находится в спальне как у себя дома. Это является постоянным источником развращения, последствия которого не трудно себе представить.

Исповедь является ужасным и весьма могущественным оружием господства.

Жестоко ошибаются те, которые думают, что celibat³ ослабляет эффект этих постоянных сношений священника с женщинами. Перед вступлением в свою должность священник весьма тщательно инструктируется относительно наиболее правильного способа деторождения. Подобно юрисконсультам, этим фарисеям права, казуисты⁴ ничего не пропустили, они все учли и предвидели.

На последние часы занятый в семинарии священнику долго объясняют, как совершается грех содомский, как некоторые испорченные натуры опускаются еще ниже. Священника втягивают в это болото, чтобы он был в состоянии точно измерить степень скотства, до которого может опуститься человек.

Его учат также регламентировать супружеские сношения, определять время, позу, точный момент, когда следует останавливать чувственный восторг. И уж только после этого его посылают на свой пост, с испорченным воображением, с загрязненным сердцем. Все богословские сочинения служат свидетельством того, что я ни в малой мере не преувеличиваю.

Воспитанный и обученный наподобие всех моих собратьев по расе, я вступил в исповедальню с мучительным чувством. Весьма скоро я понял невозможность проведения в жизнь инструкций и советов моих учителей. Желая быть честным, я оказался вынужденным составить себе специальный вопросник, который позволял бы мне избегать особенно опасных и шекотливых мест. Однако мне не удалось отделаться таким простым способом. Нельзя легко и безнаказанно отрешиться от вековых традиций. Священник, хочет он этого или не хочет, оказывается весьма скоро захлестнутым домогательствами и приставаниями благочестивой скотины. Трудно приходилось мне, так как в мои планы отнюдь не входило втираться в семейные дела или улавливать завещания у ора умиравших стариков.

Чтобы отвлечься от каждодневной борьбы, которую мне приходилось вести, я погрузился в чтение и литературные занятия в надежде добиться от истории ответа, в чем заключается закон человечества.

До вступления в почтенную поповскую корпорацию я полагал, что священники, столь важные в церкви, столь елейные в исповедальне, столь отрешенные на словах от всяких благ мира сего, держатся на своих частных собраниях наподобие античных мудрецов. Велико было мое заблуждение. Я был ошарашен, когда познакомился с ними близко.

Никакого достоинства, ни атома патриотизма. Епископ пресмыкается у ног папы, как перед идолом; священник стоит коленопреклоненно перед епископом, который на коленях присягал преступнику Бонапарту; который ⁶ вселяски заискивает перед священником и признает его за неоспоримый авторитет; все они вместе требуют от верующих полного беспрекословного повиновения.

В их отношениях нет никакой искренности. Подозрения, вечная взаимная зависть, подсиживание, грызня — вот чем характеризуются эти отношения. Мысли их постоянно заняты тем, чтобы захватить возможно больше денег, чтобы скопить

себе на старость достаточно толику золота. И наряду с этим у них ненасытный аппетит к даровым обедам и угощениям.

Кюрье одного городка близ Парижа, расположившийся теперь в комфортабельном церковном доме в столице, несколько раз повторял мне, вспоминая о своем прежнем месте: „Великолепный приход! Делать там почти ничего; откладывать можно порядочно, есть почти никогда не приходится дома, а это уже составляет значительную экономию“.

За столом у себя дома, находясь в своей компании, ядал от глаз мирян, духовная братия дает себе полную волю. Больные разговоры, двусмысленные словечки, а порой и сальные шуточки — все это неизменно сопутствует застольным беседам благочестивых служителей Бога.

Пусть кто-нибудь попробует опровергнуть меня, — я могу назвать достаточно конкретных имен в подтверждение своих слов.

Рассматривая кафедру на исповедальню в качестве неприятного принудительного придатка, я попытался быть полезным народу на другом поприще. Я открыл вечернюю школу. Кюрье, у которого я служил викарием, усмотрел в этом предпринятии покушение на его авторитет. Он начал упорную войну против меня, стал наускивать против меня своих собратьев и попытался скомпрометировать меня в глазах духовного начальства.

Я на это ответил полным презрением. В конце третьего года этой борьбы я устал, отдался на волю судьбы и подал архиепископу заявление об отставке. Меня назначили кюрье в один приход близ Парижа. После нескольких дней колебания я принял это назначение с решением уйти в отставку несколько позже. Порвать с духовенством — дело не легкое. Человек, который на это решился, начинает сейчас же рассматриваться как пария, которому иезуиты объявляют безжалостную войну.

Свои значительные досуги я использовал для литературной работы. Я совершенно перестал посещать священников, даже близких соседей, что было истолковано в самом неблагоприятном для меня смысле. Мои политические взгляды конечно не нравились никому. Меня упрекали в благосклонности к друзьям свободы, к этим безбожникам, осужденным церковью. В вопросах политики духовенство всегда держит сторону того, кто ему покровительствует, кто его поддерживает огнем или железом. По убеждению духовенства, народ является диким зверем, которого необходимо изнудать, посадить на цепь, чтобы он не хулся. Пусть какой-нибудь самый отвязанный бандит, покрытый всеми язвами порока и преступлений, нападait на себя корону и начнет избивать всех, кто отказывается его признать, церковь провозгласит его избранныком божьим, если

только он ей покровительствует. Пусть он женится на гулшей женщине, дерковъ осыплет ее благословениями и признает ее примерным образом для жен и матерей. Разве не были мы в последние двадцать лет свидетелями подобного отвратительного зрелища?

Сердце переворачивается от ненависти и отвращения при воспоминании о тех благословениях, которыми дерковъ недавно осыпала гнусного корсиканца и его отвратительную бабу⁶.

Паконедъ я решил окончательно поврать цепь, приковылавшую меня к клерикализму. Я отказался от должности кляра, сложил с себя сан священника, вышел из рядов презренной касты, сорвал с себя рабскую лямрею и в первый раз почувствовал себя гражданином. Сердце мое забилось от радости, я вздохнул полной грудью, я перестал чувствовать себя дураком.

Правда, у меня были основания бояться преследований. Многим такой бунт стоил очень дорого. Мне было известно, что между парижским архиепископом и гнусной императорской полицией существовал тайный договор, по которому всякий отрекшийся священник должен был подвергнуться высылке. Я знал, что архиепископ Дарбуа⁷, о котором мне не хочется много говорить, так как он сейчас находится как раз под замком, не пощадит меня. Тем не менее я решительно выполнил тот акт, которого требовала моя совесть, невзирая ни на какой риск. Я, разумеется, принял кой-какие предосторожности на тот случай, если за меня примутся мои бывшие собратья и вздумают направить против меня светскую руку дерковъ. Если бы со мной вздумали поступить, как с каторжником, сбегавшим от тюремщиков, некоторые мои друзья уполномочены были дать отласку всему моему делу. Меня оставили в покое, ограничившись тем, что приставили ко мне несколько типов со зловещими физиономиями.

Скоре я открыл в одном из главных республиканских журналов провинции кампанию против клерикализма. Вслед за этим я напечатал ряд статей против гнусной политики министерства Оливье⁸.

Еще до этого я совершил шаг, который явился еще одним плевок в физиономию деспотизма, сообщником которого я отказался быть. Имел случай встречаться некоторое время с молодой родственницей одного из моих лучших друзей, я попросил ее руки, предупредив, что по законам церкви и империи я не буду в состоянии узаконить наш брак. Я имел дело с дочерью республиканца, бывшего когда-то борцом июньских дней. Мое положение не только не послужило препятствием для брака, но, напротив, ускорило его. Через 15 дней

после моего предложения, как-раз за год до того, как я пишу эти строки, я оказался в Лондоне вместе с той, которую я выбрал себе спутницей жизни, и с ее братом. Наш брак был зарегистрирован в Англии, чтобы хоть как-нибудь юридически оформит наш брачный договор, который не мог быть засвидетельствован при тираническом режиме нашей страны.

На другой день после этого у меня было новое торжество. Вместе с женой и с Тибальди, благородным кайрским изгнанником, мы отправились к Густаву Флурансу⁹, с которым я был с некоторого времени знаком. С какой радостью я расцеловал этого героя, дни которого были прерваны столь рано и жестоко! Он сердечно поздравил меня с моим решением и меланхолически, как бы предчувствуя свой преждевременный конец, заметил: „Что касается меня, то я нахожусь в самой гуще битвы и не должен думать о браке: это означало бы заводить одну лишнюю голову“.

Он пал, этот верный солдат республики, сражаясь за дело, которому он был предан, но имя его, отныне ставшее бессмертным, будет призвано связать новому поколению, которое готовится докончить дело гигантов 93 года.

Во время нашего визита пришел Луи Блан¹⁰, которым я искренно тогда восторгался, но который теперь, в эти последние недели, показал, что у него нет больше ни пыла, ни темперамента революционера. Это уже больше не молодой и неукротимый трибун 1848 г., это „систематический парламентарий“, как сказал бы депутат из оппозиции при Луи-Филиппе¹¹.

При моем уходе Густав Флуранс сказал мне: „Вы возвращаетесь в Париж, старайтесь же изо всех сил ускорить пришествие республики“.

Я смею утверждать, что в таком призыве не было никакой нужды. С давних пор я ненавижу королей, которые угнетают народы, я презираю попов, освящающих королей. В дальнейших номерах я постараюсь подробно разобрать все козни клерикализма, я постараюсь беспощадно разоблачить все интриги, все лицемерие, все способы угнетения клерикалов. Я рассмотрю монашеские ордена, монашескую братию, монахинь, все злоупотребления, всю ложь, все фокусы, которыми они обманывают народ. Я буду опираться на неопровержимые доказательства, я буду писать с полной ответственностью за каждое свое слово.

2

По положению и честь, — говорит пословица. Поэтому полагаю, чтобы я занялся в первую очередь главами и руко-

водителями церкви. Лишь после них я перейду к остальным братии.

Что больше всего поражает философа, мыслителя, изучающего церковный институт, и поныне еще диктующий из своего центра в Риме свои законы латинским расам, так это то удивительное ослепление, та невероятная послушность, которые характеризуют верующих. С удивлением приходится смотреть на людей, которые вообще-то не лишены известной ясности ума и здравого смысла, но которые без всяких споров принимают чуждый символ веры римской церкви.

На мой взгляд это явление объясняется лишь тем умственным рабством, в котором столько веков находился мир и последние звенья которого ныне пытаются разбить наше поколение. Как бы однако ни была сильна власть Рима, возмездие, хотя бы запоздалое, не мигует злодеев.

Мы были недавно свидетелями того, как народ после многих лет ослепления воздал наконец должное предателям из парижского муниципалитета, которые вначале клялись до смерти защищать свободу Парижа и затем предали его. Разве к клерикализму должно относиться иначе?

Почему не все еще понимают непримиримое противоречие, существующее между его словами и действиями? Почему люди весьма часто не хотят дать себе труд сопоставить теорию клерикализма с его практикой? Почему? — Тайна природы человеческой! Похоже на то иногда, что чем нелепее требования и учения деспотизма, тем могущественнее его авторитет. В этом приходится видеть не что иное, как неизгладимую печать каменным железом на плече каторжника или раба.

А между тем нет ничего легче, чем установить зияющую пропасть между учением христианства и его практикой. Для этого достаточно обладать хотя бы минимумом здравого смысла.

Мне нет нужды здесь рассматривать все аргументы метафизиков, вдаваться в какие-нибудь изысканные рассуждения. Мне достаточно ограничиться небольшим рядом фактов, где правда очевидна и очевидна для каждого здравомыслящего человека.

Главы клерикализма выдают себя за представителей Христа, за пропагандистов его учения, за продолжателей его дела. И вот что это, как не вопиющая ложь? Что говорили епископы Марин, эта возмущенная жертва иудейских священников и римских цезарей? Он учил: „Не допускайте того, чтобы вас называли господами и владыками. Вы все дети одного отца, любите друг друга. Кто меч поднимет, от меча и погибнет. Желающий быть первым между вами да будет слугой своих братьев“. Он без всяких оговорок проклинал богатых и про-

славлял бедных. Он объявил непримиримую войну владыкам своего времени, аристократам храмов и дворцов, клейми их именем ехидн, гробов поваленных. Больше того, он пал под объединенными ударами жреческой и политической тирании, оплодотворив своей жертвенной кровью борозды будущего.

И вот очень скоро человеческая идея Христа оказалась гнусно извращенной. Мерзкий заговор против человечества сложился в тени Голгофы. Тирания, поколебленная на некоторое время, еще больше укрепила свои основы. На развалинах старого понтификата, смесенного потоками крови, утвердился новый, у подножия Капитолия был заключен новый союз между империей и жречеством. Папа и цезарь соединились, чтобы навеки сковать человечество, чтобы вместе высасывать пот и кровь народа. Папа освятил императоров, королей, а последние в свою очередь обеспечивали неограниченную власть первосвященников над человеческой совестью, над человеческим сознанием. Католицизм превратился в бедствие человечества. В полном пренебрежении к велению Христа папа потребовал себе божеских почестей, провозгласил себя выше всех человеческих законов, присвоил себе право произвольно указывать границы, разделяющие справедливость от несправедливости.

Больше того, папы не постыжались вызывать бесконечные войны между народами, ужасные кровопролития. Они сами брались за меч, подобно Юлию II¹², и сражались во главе безжалостных наемников. В истории папства мы видели двенадцатилетних детей на так называемом престоле св. Петра, мы видели распутных юношей, украшенных тиарами, вальсирующих после ночных оргий на мостовых Рима. Мы видели Александра VI¹³, кровосмесителя, отравителя, мерзкого интригана, говорившего тем не менее от имени бога. Мы видели Льва X¹⁴, члена гнусного рода Медичи, распродававшего небо распродажно и наивно, эксплуатировавшего католические государства для сооружения горделивых памятников. Преданный самым отвратительным порокам, этот тираносный деспот осыпал богатствами поэтов и художников, чтобы они превозносили его в своих позорных панегириках.

А если общественное мнение, как оно ни было подавлено, пыталось восстать против всех этих ужасов, раскрывались подпольем тюрьмы, палачи расправлялись со смельчаками, выступавшими во имя вечной морали, запеченных дед мастера терзали плоть неосторожных людей, костры инквизиции душили своим огнем и дымом всякие, даже слабые протесты. Пред лицом непрерывного, хотя и медленного прогресса разума римский первосвященник не в состоянии был никакими другими средствами доказать законность своей авторитарной си-

стем. Когда Иоанн Гус, Вилеф¹⁰ и другие начинатели осмеливались выступать с требованием освобождения человеческого разума, их объявляли еретиками. А для борьбы с ересью все средства считались пригодными. Огонь и железо — вот аргументы, которыми обычно решался спор.

В наши дни папство не отказалось ни от одного из этих свирепых и кровавых приемов борьбы с инакомыслящими. Оно позволяет своим казуистам и теперь в духовных школах прославлять жестокий католический кодекс, дикую папскую юриспруденцию, которая еще так недавно была источником бесчисленных слез и мучила лучших поборников прогресса. Для нынешнего папы трусливые преступники, которые терроризовали столько поколений, являются „блаженной памяти предтечами“. Тиара, так же как и корона, покрывает все вплоть до несмысленных преступлений. Католический бог столь же снисходителен к сильным мира сего, сколь требователен он к слабым.

Разве не является это ужасным извращением всего учения о христе, разве несправедливым было мое утверждение, что клерикализм в корне извратил все евангельские принципы?

Понадобился бы целый том для того, чтобы перечислить все факты, свидетельствующие о постоянном и непримиримом противоречии между проповедью и делами вождей католицизма. При господстве пап Рим остался тем же, чем он был при цезарях, этих чудовищах испорченности и разврата. Пыле, как и когда-то, население Рима не требует ничего, кроме хлеба и зрелищ. Оно питается попрошайничеством, оно развлекается религиозными празднествами. Все виды пороков находят себе здесь приют. В простонародьи жуткое кровосмешительство загрязняет семейный быт. Члены семейств ночью все лежат шпаловку на одной и той же грязной соломке.

Ни папа, ни кардиналы, ни богатые патриции никогда не заботились о том, чтобы бороться с подобными нравами. Они знают, что тирания держится на полном нравственном разложении масс. Добродетель, долг заключающийся для римлянина в посещении церкви, в исповеди, причастии, в поклонении папе, как богу. Римлянин уверен, что соблюдением всего этого он гарантирует себя от тюремной камеры и обеспечивает себе надежный пропуск в рай.

Католическим духовенством приняты все меры, чтобы поддерживать в невежественных умах культ идола. Папа, едва только он избран, становится в глазах черни какой-то сверхчеловеческой личностью. Когда он показывается на улицах, прохожие падают на колени; кардиналы, эти князья церкви, делают ему руку; епископы прикладывают губами к его

ноге, простые смертные лижут пыль его туфель. Во время общественных церемоний он показывается не иначе как на плечах священников, сидя в великолепно разукрашенном кулульном кресле с тремя коронами на голове. Пышная свита всегда сопровождает его.

Наместник смиренного и кроткого назареянина, разодетый в золото и драгоценности, выступает посреди своих гвардейцев, являющихся силою выходящими из знатных родов. Наличие плесей в рядах этих гвардейцев обесчестило бы раба рабов господних, как традиционно именует себя первосвященник.

Никто не ест с ним за одним столом. Даже у себя дома он держится уединенно, как бы стараясь всеми подробностями своего быта подчеркнуть, как велико расстояние между ним и тем, который, родившись в яслях, не всегда имел камень, где бы преклонить главу свою.

В настоящее время Пий IX, лишенный политической власти, которой он пользовался лишь для того, чтобы угнетать своих подданных и поражать своих врагов, проклинает итальянцев, сделавшихся наконец хозяевами своей исторической столицы. Он им никогда не простит преступления, заключающегося в том, что они освободили от его беспощадного деспотизма несколько миллионов людей. Он благословлял преступника Бонапарта, покрытого кровью декабрьских жертв, клятвопреступника, вора и идюта; он благословлял его жену, проститутку всех курортов и дворов Европы; он благословлял Изабеллу испанскую¹², похождения которой служили притчей во языцех для целого полуострова. Но ведь все это было его собратья по тирании, а следовательно и избранныки божии. Все их гадости, все их преступления против справедливости или морали были лишь грешками по сравнению с преступлением Италии, вырвавшей у него меч.

Клерикализм ныне сбросил маску, он выдал свою тайну, он поведал всему миру свой основной принцип. Теперь уже больше нельзя от этого отвертеться: римская религия получила свое выражение в следующих, обдуманных, ясных и выразительных словах: „Один папа имеет право повелевать, ибо в силу догмата о непогрешимости он не может ошибаться. Люди обязаны слепо ему повиноваться“.

Императоры и короли, будь они хоть отъявленными разбойниками вроде Карлуша или Мандрена¹³, становятся священными существами, сопротивляться которым ни один добрый католик не имеет права без риска потерять свою душу, едва только они захватили власть. Таково недумывшееся веление папства. Оно является одним из основных венцов европейского монархического строя, т. е. тиранического ре-

жизня, который гнетет народы нашего континента. По отсюда следует, что демократия и католицизм являются двумя непримиримыми принципами, ибо они исключают друг друга.

Клерикальная система удивительно слажена, от основания до вершины. Подобное сооружение не поддается переделке: оно либо существует целиком, либо целиком же до последнего кусочка рушится. В общем плане католической церкви, в общем ее ансамбле все роли распределены с удивительным искусством. Звенья рабской цепи выкованы мастерской рукой. Кардиналы, занимающие первое место на иерархической лестнице католичества, образуют собой совет пап, выбирающий самого наместника Христа. Внешне они в качестве так называемой священной коллегии должны как будто умерять верховную власть главы церкви. Однако на самом деле эта коллегия носит декоративный характер. Как могли бы они дерзнуть исправлять или убеждать человека, который выдает себя за непогрешимого?

Правда, бывает момент, когда эти особы, разодетые с головы в красивый мех, обшитый золотом, могут оказывать значительное влияние. Это тот момент, когда им приходится выбирать папу. Дворец, где они собираются, становится тогда настоящим базаром или воровским вертепом. Золото и интриги всякого рода — вот что здесь играет тогда главную роль. Папа достается, как правило, наиболее щедрому.

Являясь рабами по отношению к первосвященнику, кардиналы, каждый в своей области, оказываются деспотами по отношению к подчиненным. Они не допускают никакого обсуждения своих распоряжений. По примеру своего господина они требуют от своих подчиненных полного послушания. Каждое слово, слетающее с их уст, должно приниматься как изречение оракула. Их, правда, не почитают, как идолов, но храмам или по городу, однако и они не устаивают мостовых городов прикосновения своих августейших ног. Они появляются в Риме лишь в пышных экипажах, с лакеями в ослепительных галунах. В то время как девять десятых народа страдает от нищеты и голода, кардиналы, получающие огромные доходы, не жалеют средств на свое содержание и удовольствия. Их пресвидчества имеют множество досуга, не утомляют себя никакой работой, проводят все свои вечера в аристократических салонах или театрах среди цветника декоративных красоток.

Обычно у них немало рождественников, племянников, племянниц, кузенов, кузин и плотов человеческой слабости. Всю эту родню приходится содержать. Если на это нехватает обильных кардинальских доходов, то пускаются в ход некото-

рые средства, которые всегда достигают желанной цели. Например кардиналы, ввиду того что церковь на словах осуждает ростовщичество, не брезгают тайной спекуляцией предметами первой необходимости. Очень часто будничники и землевладельцы Рима являются лишь агентами и подставными лицами кардинала. Тогда как многие торговцы, которые ведут свои дела от себя, подвергают великим придирам, кардиналы пользуются полной свободой, умножают свои доходы и обогащают свои семьи. Папа никогда не порицает действия подобного рода: он находит их совершенно естественными и соответствующими римской традиции. Разве сам он не вкушал в молодости запретных удовольствий? Будучи выходцем из старинного рода, он первоначально служил в папской гвардии, вел широкий образ жизни и перед тем, как сделаться отцом верных, явился отцом очаровательной маленькой девочки.

Попав на папский престол, благодаря невольности сторонников кардинала Ламбертши, Пий IX¹⁸ и в тоном своем звании не забыл своей родни. Некоторые его родственники имеют в Риме владения, приносящие великолепный доход. Впрочем это вполне в порядке вещей у всех деспотов и властителей. Вспомним кобургскую вдову¹⁹ в Англии, Филиппа и Бонапарта во Франции, разве проявляли они когда-нибудь скупность и мелочность, когда дело шло о миллионах для прищипки крови?

Папы в качестве хороших администраторов действовали таким образом, что большая часть римской территории принадлежит церкви или патрицианским фамилиям, из которых вышли главы католической церкви. Это распределение недвижимого имущества в Риме происходит обычно с чисто античной простотой. Вот научную взятый пример.

Пий VI²⁰, желая прославить свое царствование в конце XVIII в., распорядился о проведении грандиозных работ в богатых Кампани. Ему удалось провести целый ряд осушительных мероприятий. Вместо того, чтобы поделить площади земли, освобожденную от воды, на небольшие участки, которые следовало раздать земледельцам, Пий VI передал всю территорию своему племяннику, герцогу Бранди, и вот вся эта земля остается такой же пустынной, такой же необработанной, такой же нездоровой, какой и была раньше. Герцог Бранди, который построил себе великолепный дворец, получил также монополию на торговлю хлебом. Это усилило нищету населения и упадок земледелия. Но какое дело было до этого пустяка Пию VI? Разве пролетарий не рожден теперь, как и раньше, для того, чтобы носить суму? Иривидения являются, говоря словами клерикализма, божественным институтом. Па-

падать на них — значит дерзко касаться ковчега завета, значит впадать в непростительный грех, значит совершать преступление, для искупления которого недостаточно даже католического ада.

Монсеньор Антонелли²¹, папский кардинал и министр, охотно идет по стопам его святейшества. Когда-то, когда возраст требовал от него уступок страстям, он не довольствовался банальными победами. Пурпурная мантия обязывает быть приличным даже в любовных делах. Высокое положение не позволяет довольствоваться какими-нибудь будничными интрижками. В те времена монсеньор Антонелли имел высокие намерения, и вот один из наших старых друзей десятки раз рассказывал нам о том, как он застал кардинала Антонелли в его кабинете, сжимающим в своих объятиях жену одного посланника. Но это все княжеские забавы, вздор тому, кто плохо об этом думает. То, что считалось бы преступлением для какого-нибудь простого смертного, является лишь шалостью для высокой особы. Согласно кодексу порядочных людей моральность какого-нибудь акта определяется социальным положением того, кто его совершает.

Клерикализм в полном согласии с роялизмом объявляет революцию дьявольским началом. По равенство перед законом является ведь революционным принципом, отсюда следует, что в моих словах нет никакого преувеличения.

Проникнутый подобными здравыми и весьма выгодными идеями, Антонелли в течение двадцати лет вел с согласия своего господина ожесточенную борьбу со свободой. Награждая миллион за миллионом на своем личном счете в английских банках, он не переставал проводить вооруженные репрессии против итальянцев, которые смели требовать независимости для своей родины. Не довольствуясь французской оккупацией Рима, он тайком научал неаполитанского Бурбона²² безжалостно расправляться со своими народами, захваченными под его гнетом. От имени папы он убеждал австрийского императора, который подверг публичной порке жён венгерских повстанцев, безжалостно придавить Ломбардию и Венецию, полные ненависти к чужеземной тирании. А затем, когда полуостров был освобожден, он призвал под папские знамена банды наемников, доверив командование этими ордами мерзавцу Ламорисьеру²³, одному из июньских палачей.

Когда эта нечеловеческая банда была рассеяна итальянцами, Антонелли цуцлял в ход папскую анафему, правда, не с большим успехом. Он использовал в борьбе против римских патриотов высылку, тюрьму, пытку, эшафот, все средства беспощад-

ного деспотизма. Солдаты Бонапарта продолжали охранять Ватикан. Герой декабря считал необходимым для безопасности своего мерзкого владычества сохранять тень папства, которое освятило его преступную узурпацию. Это давало возможность Антонелли направлять за море новые миллионы.

Тем не менее он продолжал вопить о том, что его ограбили, он старался подогреть щедрость верующих, и новые гигантские суммы текли в папскую казну, в карманы кардиналов.

Однако все ухищрения папского министра оказались бессильными. Италия наконец возвратила себе свою столицу. Тогда солдагчина, набившая себе руку в разбоях под стенами Рима, бросилась к воротам Парижа, восставшего против монархических и клерикальских тиранов. Привычная к своему ужасному ремеслу, она теперь убивает женщин и детей во имя религии и собственности.

Осужденный собственными своими деланиями и человеческим разумом, всем прогрессом нашего времени, клерикализм напирается изо всех сил для возвращения власти. Он является дementом для всех видов тирании, которая без него давно распалась бы. Борьба, происходящая теперь у предместий Парижа, спроводирована клерикализмом. В этот торжественный для всего человечества час клерикализм тайно орудует во всех кабинетах Европы, заискивает перед „еретиками“, которых он недавно громил, и наускивает королей на борьбу за его интересы.

Клерикализм знает, что в новом обществе, которое возникнет на развалинах старого, не будет места для его лицемерной системы. Он похож на тех стариков, которые, стоя уже одной ногой в могиле, тем упорнее децляются за жизнь. Он не покажет ничего для того, чтобы добиться победы, он не остановится перед потоками крови.

К счастью, дряхлости не дано вернуть себе молодость, желтый лист не может уже больше позеленеть осенью, он обречен упасть от сильного ветра и уступить место другим листьям, которые появятся с наступлением весны.

3

Спокойно, господа! Откройте ваши гримасы и елейные физиономии, расположитесь свободно, так как я собираюсь публично сфотографировать вас такими, какими вы бываете за глазами своих прихожан, без ваших обычных вывертов.

Народ уже сунул свой нос в ваши деревни, в ваши ризницы и священнические дома. Он скоро уже пропикнет

и самые тайники ваших святлищ. Следует однако полностью разоблачить вас, чтобы он со всей справедливостью мог судить о ваших делах и учениях.

Уверю вас, вам не удастся больше скрываться за вашей обманчивой внешностью, пользуясь которой, вы так умеете втирать очки своей напасте. Я рассею те облака фимиама, которыми вы любите окутывать себя.

Вы приветствовали, вы благословляли все виды тирании для спасения вашего господства над сознанием и совестью людей; вы проклинали свободу, смущавшую ваш покой и ваши удовольствия; вы были адвокатами и друзьями разбойников, которые, задушив нашу великую революцию, привились угнетать Францию, сосать ее кровь и ее золото.

По примеру всех других гнусных соучастников деспотизма вы стремились лишь к одной цели: господствовать и обогащаться.

Ныне, когда алтарь рушится вместе с треном, вы поражены ужасом. Небо, — вы знаете это лучше, чем кто бы то ни было, — не станет слушать ваши наемные молитвы, ваши вопли и жалобы. Тщетно призываете вы на помощь ту силу, которая так верно служила вам в течение веков, которая доставляла вам тюрьмы, палачей, костры, чтобы подавлять всякие протесты человеческого разума.

Здесь, в Париже, в священном городе прогресса, ваш престиж разрушен навсегда. Вы отлично умели организовывать заговоры втайне, но теперь вы больше не вернете своей былой власти. Волны ослепительного, непреодолимого света полились на ваши дела, и вам больше уже не удастся набросить на них покров молчания. Свет этот увеличивается с каждым днем, потоки крови, проливаемые ради ваших интересов наемными солдатами, не в состоянии погасить его. Ужасная борьба, развернувшаяся в настоящее время между мраком и цивилизацией, между привилегиями и справедливостью, между праздностью и трудом, будет иметь своим результатом окончательное разоблачение ваших маневров!

* * *

Священники Парижа должны быть отнесены к клерикальной аристократии по своему влиянию, по своей пышности, по количеству накопленных ими богатств. Никому из попов в большей степени, чем им, не удалось превратить церкви в контору, а храм — в воровской вертеп.

Упрек, с которым христос когда-то обратился к современному ему священникам, в полной мере относится к тем попам, о которых я говорю. Я их видел обычно озабочен-

ными лишь тем, как бы записать деньги, жадно подчитывающими вплоть до последнего сантима каждодневную выручку. Трусливо-лестливые в отношении сильных и счастливых мира сего, они почти все жестоки к бедным и нелегко уступают им крошки со своего обильного стола.

Впрочем они ведут себя по примеру своих непосредственных начальников, архиепископа и его викария. Во время ужасов осады, когда народ умирал от голода, архиепископский дворец ломился от запасов. Окружение монсеньора Дарбуа отнюдь не страдало от недоедания и холода. Но в таком случае с какой стати должны были подвергать себя лишения его подчиненные, если их доходы и содержание продолжали поступать так же регулярно, как и раньше?

Приходится ли удивляться, что люди, главой которых является жалкий Лагард²⁴, изменивший даже своему собственному господину, своему прелату из страха за свою шкуру и за свое благополучие, не останавливаются ни перед какой низостью, ни перед какими сделками со своей совестью ради своих эгоистических интересов?

Впрочем и мерзкое поведение монсеньора Лагарда, бывшего барона и родственника Коммерара, бывшего директора Клоунийского музея, этого бездельника и синекурщика, не очень должно нас удивлять. Напротив, было бы удивительно, если бы он вел себя иначе. Он ведь получил хорошую школу, и, предавая своего архиепископа, он лишь подражал прелатам, которые хорошо воспитали его в духе церковной добродетели.

Сделавшись еще в молодости секретарем Сибюра²⁵, он видел, как его покровитель, после того как он приветствовал республику от имени религии, затем с немалым пылом афишировал убийде Бонапарту и похоронно выкалывал себе кресло в сенате, в этой грязной конюшне, открытой для всех моральных проституток. Он видел, как архиепископ Морло²⁶ заискивал перед декабрьским убийцей, испортившим существование целому поколению. Он наконец должен был видеть, как монсеньор Дарбуа продавался телом и душой преступнику, который топтал ногами всю нацию и старался довести ее до скотского состояния. В качестве генерального викария он должен был быть свидетелем и участником всех преступных заговоров алтаря и трона против права.

Единственным его извинением может служить лишь то, что всем своим гадостям он научился у своих воспитателей. Будучи руководителем священников епархии, он неизбежно должен был привить им те принципы, на основе которых управлял он сам.

Сделаться когда-нибудь кюре в парижском приходе — такова

дель каждого аббата католической церкви во Франции. И действительно, вовсе не пустяк занимать подобный пост. Не один провинциальный епископ предпочел бы его своей захолустной епархии.

Я не буду здесь останавливаться на тех ухищрениях, интригах, заискиваниях, которые необходимы для получения этого поста: это и так не трудно себе представить. Епископская администрация с ее традиционной осторожностью дает такое место лишь священникам, прошедшим долгий путь послушания, доказавшим, что они беспрекословно готовы повиноваться существующему политическому и религиозному строю.

Избранный кюрэ пышно поставляется в приходской церкви генеральным vikarием, иногда самим прелатом. Он поднимается на кафедру при большом стечении любопытных или состоянных посетителей, привлеченных церемонией, и произносит хвалебное слово новому кюрэ. Он рисует его перед паствой как образец всех добродетелей.

Отныне кюрэ наделен пастырским авторитетом. Ему подчинено множество vikarиев. Он полновластно распоряжается ими. Если его духовные адъютанты — люди ловкие, то они стараются приспособиться к своему патрону, на каждом шагу выплывать его особу, чтобы он благоприятно отреагировал их в архиепископство и таким образом дал им возможность подняться выше по иерархической лестнице. Со своей стороны, кюрэ посягает посещать среди своих помощников интриги, зависть, разделение. Этим путем он может изблевать коалиции против себя, это даст ему возможность сиять подобно юestre, подвешенной к свода его церкви.

Господин кюрэ тщательно заботится о том, чтобы поддерживать свое достоинство. Он появляется на народе не иначе, как в весьма торжественном окружении. Он ведь сделался персоной. Чем меньше дены ему в действительности, тем требовательнее он в отношении всяких проявлений почта и уважения. А, как известно, для списания поклонения у толпы годятся порою самые нелепые и глупые вещи.

Господин кюрэ не делает ни одного шага в своей церкви без того, чтобы ему предшествовал великопный швейцар, мерно стучащий своим посохом с серебряными набадашником по плитам храма, чтобы возвестить присутствие кюрэ. Этот стук может несомненно нарушить сосредоточенность благочестивых душ во время их молитвы, но какое это может иметь значение? Разве глава прихода не является представителем бога? Разве не было бы непоправимым ущербом, если бы он прошел, не вызывая внимания и восторга?

Да и лакей кюрэ, идущий впереди своего господина, вполне заслуживает того, чтобы на него взгляли. Он одет в великопный костюм, покрытый золотом по всем швам, на голове у него шляпа с перьями, как у генералов Баденге²⁷, на плечах — эпюлеты с длинными кистями и все остальное в том же духе. Этот пышный костюм несомненно стоит дорого, но ведь оплачивают его верующие. А затем это оказывает весьма внушительное влияние.

В богатых кварталах у кюрэ бывает несколько лакеев подобного рода, не считая церковных служек и остального услужающего штата.

Всегда за этим гайдуком, который выступает со шпагой на боку и с алебардой на плече, появляется господин кюрэ, свежесбранный, шагающий важно в весьма величественной позе. Его сопровождают клирики в более или менее значительном количестве, смотря по обстоятельству. Тактика кюрэ заключается в том, чтобы не очень часто показывать себя народу, чтобы приучить смотреть на себя, как на нечто из ряда вон выходящее. Его исповедальня помещается в самой уединенной и пышнее всего убранный часовне. В те часы, когда он там находится, ее наполняет рой избранных прихожанок. В ризнице его имеется особый кабинет, где он удостоивает простых смертных своими приемами лишь по определенным дням.

Что касается светских дам и именитых прихожан, то для них двери священнического дома всегда раскрыты настежь. Господин кюрэ имеет кухню и целый штат челяди. Когда к нему приходят посетители, келейник торжественно вводит их к господину и остается дежурить в прихожей за исключением тех случаев, когда его присутствие было бы стеснительным.

По большим праздникам богослужение совершается самим господином кюрэ в окружении всего причта. Он поднимается к алтарю, разодетый в великопное церковное облачение. Он один имеет право надевать это облачение, которое часто стоит денег, достаточных для того, чтобы прокормить несколько семейств в течение целого года. Он один имеет право пользоваться теми драгоценными сосудами, которых хватило бы на оказание помощи большому количеству нуждающихся людей. Ноги его, элегантно обутое, ступают по ковру, стоящему иногда весьма немалых денег. В храме он является центром внимания для всех присутствующих. Здесь все размещено с таким расчетом, чтобы взоры всей паствы были устремлены на кюрэ. Он похож на божество, которому поклоняются. Все выглядит так, что именно для

кюря предназначено все происходящее в храме: для него играет орган, к нему направлены облака ладана.

Вне этих торжественных богослужений господин кюря держится в отдалении, предоставляя повседневные церковные дела своим викариям. Он навещает лишь богатых больных, утомившись своим присутствием погребения и браки лишь первого класса, доставляющие ему огромный побочный доход. Господа кюря, поступая в какой-нибудь приход, любят поселяться в комфортабельном доме, где они живут, разумеется, на казенный счет. Самый храм стоит уже на втором месте. Однако местоположение храма не является для них безразличным. Интересует их также и его убранство. Происходит это не потому, что их занимают интересы господ бога, а потому, что благоустроенный храм в состоянии привлечь большее количество прихожан, а это отражается на доходах. Само собой разумеется, что великие сборы, продажа мест в храме и т. д. — все это приприсит значительные суммы.

Если ко всему этому в приходе существуют так называемые хорошие семьи, охотно принимающие священника под каким бы то ни было предлогом, хотя бы для простого развлечения, то кюря больше и желать нечего. Обедать часто в гостях, беседовать с „порядочными“ людьми, бывать на вечерних приемах, — вот что приятно щекочет аппетит кюря и его самолюбие. Отсутствие таких форм развлечения и отдыха очень огорчало того кюря, который был моим начальником в Менильмонтане. Он часто говорил мне с настоящей горечью: „Поистине можно умереть от скуки в этом проклятом приходе! Здесь не видишь никого кроме бедных, которые не очень любят общаться с нами. В пригороде, где я раньше жил и где было много именитых людей и рянтье, и никогда не обедал дома. А это что за приход!“

Дома священников всегда славились хорошим столом. Господа кюря вообще, а парижские в частности, священнодействуют у себя за столом, быть может, еще лучше, чем в церкви. В столице они действуют с замечательным тактом, сказывающимся прежде всего в выборе приглашенных. Их пиршества делятся на две категории: одни предназначаются для мирян, другие — исключительно для собратьев. В этом сказывается благоразумие и осторожность кюря. В общем эти банкеты отличаются лишь обилием приглашенных. Что касается остального, то они одинаково изысканы, обеды состоят здесь из многих блюд, обильно орошенных тонкими винами и восхитительными ликерами. Среди мирян господа кюря остаются важными, сдержанными, как и подобает их сану. В своей собственной компании они, напротив, дают

себе полную волю, пускаются в веселые разговоры и всякого рода вольности.

Кроме этих развлечений, позволяющих им заполнять свои досуги, большинство господ кюря изыскивают себе и другие. Среди них бывают такие удовольствия, которые Цидероном не считались недостойными философов. Они умеют собирать

вокруг себя приятный персонал, в частности красивых молодых людей, привязанность которых они стараются завоевать. Впрочем это — дело вкуса, и здесь у каждого кюрэ свои приемы. Я знал одного кюрэ, похожего в этом отношении на ребенка. Когда он появлялся в ризнице, все его подчиненные, начиная с первого викария до служки, бросались ему на шею. Если они отказывали ему в этих признаках нежности, он бывал целый день несчастным и воображал, что им почему-либо недовольны.

Другой знакомый мне кюрэ сохранял всю свою нежность для своего швейцара, хорошо сложенного парня. Его эконожка, ревнивая баба, повидимому, часто выражала по этому поводу свое негодование. „Можете себе представить, — говорила она мне не раз, — каждый день он то-и-дело зовет к себе наверх в свой кабинет нашего швейцара; здесь он делует его, и так крепко, что меня здесь бросает прямо в пот“.

И далек от того, чтобы истолковывать эти факты в дурном смысле. Пусть, кто хочет, истолковывает это хотя бы как странную маню, свойственную парижским кюрэ.

Никогда я не забуду одного своего разговора в послеобеденный воскресный час. Кюрэ, возвратившись из церкви, сел за стол. Он отдал эконожке какое-то распоряжение, с которым та не согласилась. Так как он стал настаивать в повышенном тоне, то она ответила: „То, что вы мне приказываете, вам и самим запрещено сегодня утром в вашей проповеди“. — „Молчите, дочь моя, — заворчал кюрэ, — что было бы с нами, если бы нам пришлось делать все то, что мы проповедуем?“ Что может быть очаровательней подобного замечания?

Год тому назад, еще при Бонапарте, полиции пришлось заняться скандальными взаимоотношениями между одним церковным сановником и сенатором. В дело однако вмешался архиепископ. Сановника убрали, сенатор остался на своем месте, и дело было забыто. Тогда это было не трудно сделать: у церковных властей были короткие отношения с полицией! Сколько преступлений и нарушений было таким образом положено под сукно, ибо правительство неизменно стремилось поддержать религию, это превосходное орудие деспотизма. Зато если какой-нибудь священник пытался освободить себя от власти церкви, то его неизбежно постигала кара правительства, являвшегося фактически светской рукой церкви.

В Париже кюрэ получает жалованье от государства так же, как и во всей остальной Франции. Жалованье, смотря по возрасту и классу, колеблется от тысячи до полутора тысяч франков в год.

Это жалование однако является лишь небольшой каплей в общем потоке ежегодных доходов, притекающих в карманы этих господ. Если бы церковь не присовокупляла к этому жалованию весьма значительного дополнения, то она была бы махемой, а между тем ее называют доброй матерью. Для господ кюрэ церковь является курицей, несущей золотые яйца. Даже в самых бедных приходах столицы, например в Меньшмонтане, кюрэ получает не меньше шестнадцати-восемнадцати тысяч франков в год. К тому же квартира обходится ему даром. Сообщаемая мною цифра основана не на голых предположениях, а на точных фактах.

Вот как составляется сумма, указанная мною для выше-названного квартала. Во всех церквях существует совет, состоящий из мирян, избранных обычно по указанию кюрэ из числа благомыслящих прихожан. Этот совет ведает доходами прихода, поступающими от кружечного сбора, сдачи мест, добротных даяний и т. д. Так вот этот церковный совет ежегодно выдает меньшмонтанскому кюрэ 6000 франков. Вместе с жалованием это составляет семь тысяч. Остальную сумму дают побочные доходы. Особенно значительные доходы дают свадьбы и погребения. Порой католик приносит своему пастырю помертвых прибыли больше, чем пожизненной. Все знают, во что обходятся приличные церковные похороны. А ведь подавляющая часть расходов на погребение поступает в карман господина кюрэ. Но это не все. По соглашению, санкционированному церковными властями и обеспечиваемому за обществом похоронных процессов монополию, 53% чистого дохода этого общества поступает в распоряжение дерквы. А эта сумма в значительной своей части достается господину кюрэ.

Кроме того, в церковном богослужении существует так называемая „летта“, заключающаяся в золотой монете, прикрепляемой к свече, которую служка несет в алтарь. И эта „летта“ достается кюрэ.

Поконец кюрэ имеет долю и в доходе от продажи свечей. Я опускаю целое множество мелких каналов, которые гонят воду на мельницу кюрэ. Не к чему входить в более мелкие подробности тех делишек, которые обдываются в ризницах.

А теперь понятно, как самый бедный приход Парижа дает священнику от 16 до 18 тысяч франков в год.

Приход Тампля или святой Елизаветы дает первому викарию от 10 до 12 тысяч в год. А так как доход первого викария обычно составляет лишь $\frac{1}{4}$ дохода кюрэ, то, значит, кюрэ указанного прихода получает круглую сумму в 40 тысяч

франков. А ведь приход Тампля далеко не самый богатый в Париже. Что же приходится думать о приходах Мадлен, святого Роха, св. Фомы Аквинского? Признаюсь, что я не в состоянии даже приблизительно определить доход местных кюрэ. Достаточно указать, что викарий прихода св. Фомы Аквинского, который несколько лет тому назад не имел никакой собственности, недавно оставил своим наследникам пустячок в 750 тысяч франков. Если викарию удалось сколотить такое состояние, то какие же суммы скопляются на текущих счетах у господ кюрэ?

Какая огромная разница существует таким образом не только между епископами и христом, но и между кюрэ и тем, кого они называют своим господом! Разве не являются после этого утверждения пловов о том, что они являются последователями возвышенного иудейского философа, смертельным оскорблением? Он презирал все земные блага, он отдыхал лишь среди народа, он бескомом странствовал по городам и селениям, распространял всюду свое гуманное учение. Он горячо нападал на богатых и сильных, осуждая тиранию во имя вечной справедливости.

Совсем, совсем иначе ведут себя господа парижские кюрэ. В любой обстановке они повинуются властям, держащим. Господин Дегерри ²⁸, задавший им тон, не постыжился обивать пороги передний Бонапарта после того, как он приветствовал республику в 1848 г.; он не постеснялся занять место религиозного наставника при золотушном сыне голландского рубля ²⁹.

Если даже не говорить о трупах молодых девушек, обнаруженных в подземельях церкви св. Лаврентия, о происхождении которых сейчас производится следствие, можно смело утверждать, что стены ризниц и церковных домов Парижа были свидетелями многих тайн. Как бы там ни было, никакому сомнению не подлежит, что господа кюрэ никогда не станут на сторону народа. Торжество демократии подрывает все их положение, затрудняет их благочестивые махинации, разблачивает полностью их лицемерные поступки. Они являются отъявленными сообщниками тирании. Они заинтересованы в том, чтобы любой ценой сохранить монархическое иго. У республики нет более опасных врагов, чем они. Когда за их дела начинают приниматься выдвигать, они нашествывают в уши своих верных, что религию подвергают преследованиям, что пришли плохие времена, что нравы портятся вконец, что Париж, это — Вавилон, управляемый преступниками.

Право, это уже слишком бесстыдно! Целых 18 лет вы расплачивались полной свободой. Вы имели возможность пропове-

вать, распространять ваши догматы и учения. А между тем ваше царствование сопровождалось неслыханным ростом преступлений и разврата. Не проходило ни одного дня, не отмеченного воровством, убийством, позорными действиями всякого рода. Теперь это время миновало. И вот безбожный народ Парижа явил миру образцы величайшей героической доблести. Он проливает свою кровь с античной простотой, он мужественно выносит самые тяжелые лишения, он на каждом шагу проявляет свое уважение к закону. Это коренное превращение бесповоротно вас осуждает. Если вы сохранили хоть каплю мудрости, не толкайте людей на сравнения, которые морально доканают вас.

4

Если бы было необходимо доказывать наличие бесчестного договора, заключенного между церковью и монархией на предмет угнетения народов, достаточно было бы привести то имя, которым себя титулует верховный глава католической церкви. Он горделиво называет себя верховным первосвященником, а ведь этот титул имели когда-то мерские дотари Рима, эти чудовища, которые в течение трех веков с диким терзали человечество. Подобно им папа претендует на роль повелителя всего мира, подобно им он в своих посланиях обращается к Городу и вселенной, *urbi et orbi*³⁰. Так же как и в древнем Риме, территории, подчиненные юрисдикции епископов, непосредственных лейтенантов папы, носят название диоцезов: этих словом назывались отдельные области Римской империи.

Но зря религиозная система католицизма копирует гражданскую и политическую систему монархии: и католичество и монархия стремятся к одной цели, а именно — к порабощению людей. Императорская или королевская тирания держит в своих руках ключи тюрем и островов, веревку топора, висящего над непокорными головами. А клерикальная тирания имеет своей целью обеспечить порабощение умов, действуя на них угрозами вечных мук, которые в потусторонней жизни ожидают якобы защитников разума, друзей свободы. Таким образом, границы префектуры и диоцезов неразрывно переплетаются между собой.

В деспотической сети, опутывающей человека, каждая отдельная петля сплетена вдвое. От этой сети невозможно ускользнуть. Она сработана мастерской рукой. Она охватывает все населенные пункты — от самых многолюдных городов до самых глухих деревушек.

Парижский диоцез (епархия) так же, как и департамент Сены, охватывает не только гигантскую столицу, но и множе-

ство пригородных и сельских местностей. Сколько коммуна, столько здесь и приходов. В пригороде или в подгородной местности мэр, назначенный префектом, и кюрэ, поставленный епископом, должны жить дружно, действуя рука-об-руку, как служители одного и того же дела, как агенты одного и того же хозяина, тираны. Два этих представителя власти, призванные держать в повиновении население, действуют через порядочное количество посредников, непосредственно им подчиненных, через сельского стражника, через церковный причт и т. д. Несмотря на некоторые случайные и скоропреходящие расхождения, имеющие второстепенное значение, агенты деспотизма, на какой бы ступени лестницы они ни находились, отлично сговариваются между собой для выполнения функций угнетения. Они понимают друг друга, как воры на ярмарке.

Пригородные кюрэ занимают среди парижского духовенства второе место. Хотя номинально, по титулу, они равны своим городским собратьям, их положение совершенно иное. В церкви положение соответствует богатству: больших доходов соответствует и более высокое положение. Для городских кюрэ их пригородные коллеги являются мелкими сошками, с которыми они избегают вступать в короткие отношения. Да и между самими пригородными кюрэ существует значительное разделение. Ведь в диоцезе имеются и селения и города. Некоторые из пригородов и предместий имеют значительное население, например Нейи, Венсен, Сен-Дени. В этих местах побочные доходы достигают значительных сумм. Местные кюрэ, получающие в силу конкордата двойное назначение, — со стороны департаментского управления и архиепископа, — стремятся дотянуться до уровня своих парижских собратьев. Подобно им они имеют викариев, лакеев, и вообще всячески валяцают. Правда, бывают у них и неприятности. У них могут быть недоразумения с канониками каких-нибудь древних храмов, находящихся в районе, у них может существовать конкуренция с какими-нибудь монархическими церквями, прототивившимися в пригородах, но все же их положение в общем мало чем уступает положению парижских кюрэ.

Самым доходным из всех пригородных приходов является Нейи. Подобно жемчужине сверкает он среди всех остальных. Это — восхитительный оазис, являющийся предметом зависти во всей округе. Здесь нет бедных, здесь живут только богатые люди, фанатические сторонники собственности и порядка, крупные буржуа, коммерсанты, ушедшие от дел, и т. д. Не будучи особенно благочестивыми, эти люди все же высокомерно относятся к церкви, щедро платят за свадьбы и не скупились на погребальные расходы. Кружочный сбор дает здесь

обыкновенный урожай. Короче говоря, почти ни один приход Парижа не может сравниться в этом смысле с Нейи. Разумеется, далеко не все пригородные приходы столь выгодны. Но все же более или менее ловкий кюрэ всюду может здесь устроиться с достаточным удобством. В приходе Сен-Мор-ле-Фосе, еще недавно сидел кюрэ, в высшей степени одаренный умением устраиваться. Приход этот по составу своего населения не оставил желать ничего лучшего. Единственное, что омрачало благополучие местного священника, это неважное отношение к духовенству господина Вальяна, вила которого господствует над всем этим районом. Вальян — маршал и сенатор, известный теми четырьмя или пятью сотнями тысяч франков, которые он ежегодно отхватывал из государственного бюджета, больше, чем своими воинскими поддками, отличаясь мацерацией, не очень приятными для кюрэ. Этот министр изящных искусств употреблял такой соленый язык, который годился бы для поля битвы, но был совсем неуместен в общечерквейских отношениях. Он не появлялся в церкви даже по праздникам, он не посылал туда ни великодушных брешей, известных под названием причастия, ни золотых монет, предназначенных для кюрэ. Оп кроме того отличался большой скупостью и ни копейки вообще не давал на церковные нужды. Неудивительно, что духовные особы в своей среде разбранили этого маршала по восточкам и сплетничали по поводу его редкостной скупости.

Так вот кюрэ, о котором я говорю, умудрился возместить убыток, который он терпел от скупости маршала Вальяна. Перелистывая старые бумаги, он узнал, что в его церкви когда-то молились чудотворной иконе богородицы. Он энергично принялся за восстановление этого старого культа и скоро добился того, что со всех сторон потянулись в церковь суеверные крестьяне, оставившие в церковной кружке значительные суммы денег.

Пригородные кюрэ, потерявшие надежду устроиться в городе, стараются получить обставить себя в своем приходе и обеспечить себе покойную жизнь под старость. Свив себе гнездышко, они не утруждают себя никакими особыми хлопотами, крестьян веляют и хоронят по обычаю, не вкладывая в это дело никакого пафоса, относясь к этому как к чисто внешней формальности. Церковная обрядность принимает у них часто механический характер. Эта моя оценка основана на множестве фактов, свидетелем которых мне приходилось быть. Я здесь не обвину, не сужу, я только констатирую.

Приглашенный однажды в воскресенье заменить одного пригородного кюрэ, седого, как душ, старика, уехавшего на несколько дней, я заметил в его церкви ряд вещей, которые

навели меня на страны самозащиты. В святилище этой церкви дарил ужасный беспорядок. Церковное белье, сосуды, употребляемые священником, — все это было грязно до зловония. Предметы, в которых, по утверждению церковников, присутствует их бог, были свалены в отвратительный шкаф среди огарков и крошек. Глядя на это, я подумал: если человек, обращающийся подобным образом с наиболее священными орудиями своего культа, убежден в истинности этого культа, то он поступает самым отвратительным образом. Если же он не верит в то, чему он учит, то он является отъявленным лицемером. В том и другом случае он жалок и омерзителен: либо он оскорбляет своего бога, либо он бесстыдно издевается над своими ближними. А таких случаев в моей практике было множество.

Я приведу еще один случай, который на мой взгляд является характерным для морального состояния нашего духовенства. Сидя однажды в кабинете одного пригородного юрца, я обратил внимание на великолепную, отлично обкуренную трубку. „Курите вы?“ — спросил он меня. — „Весьма охотно, — ответил я. — Однако я не делаю этого публично. Набожные прихожане, я не знаю почему, считают это неприличным для священника“. — „А вот я несколько не стесняюсь своих прихожан“. — „Но это несомненно потому, что вы сумели их убедить, я вас с этим поздравляю“. — „Ничего подобного, я подействовал на них иным способом. Не забывайте, что на верующих надо действовать по рассуждению, а авторитетом. Тем, которых поражает мой вид с трубкой в зубах, я просто говорю: эту трубку мне прислал папа, связав ее со множеством отпущений. Это пеленое объяснение приводит их в восторг“. Я был так поражен этими словами юрца, что ничего не ответил. Человек этот говорил совершенно серьезно. Трубка и религия в его глазах стояли на одной ступени. Он сознательно говорил нечестности и не краснел: это ведь было его ремесло. Сколько других, не менее бесчестных людей я встречал в церковном мире. Случай, приведенный мной, является одним из тысяч.

5

Некоторые мои читатели, может быть, поражены скупостью изложенных подробностей, приводимых мной. Происходит это не из-за недостатка материала. Совсем даже напротив. Фактов в моем распоряжении множество, они так и просятся на перо: злоупотребления всякого рода, мелкие и крупные гадости, скандальные нарушения и преступления чистой воды. Дело однако в том, что до сих пор я старался лишь обрисовать в общих чертах физиономию членов церковной иерархии.

Только после этого я могу перейти к отдельным подробностям их практики, их фокусов, их сказочной ловкости в служении клерикализму.

Папа, кардиналы, архиепископы, епископы, прелаты, юрца, священники без прихода, викарии, каноники — все это целая мозаика. Все они имеют свои титулы, звучные и пышные, совсем так же, как и агенты монархии. Разнообразие титулов соответствует и разнообразие костюмов, имеющих все цвета от черного до красного, церемоний, золотых облачений, странных головных уборов, таинственных и кабалистических обрядов. Здесь все рассчитано на то, чтобы порождать иллюзию для глаз и для ушей. Здесь все рассчитано на видимость. Короли и папы отлично знают человеческую природу. Они знают, что простонародье, которое они держат в полном невежестве, легко поддается влиянию ослепительной внешности, пышных форм, слов, лишешных значения. Разве не приходилось мне слышать от каких-нибудь простаков, нафанагизированных суеверием, как они, уходя с богослужения, восклицают: „Как хорошо говорил этот проповедник! Я ничего не понял, такой он ученый!“

Перейду теперь к священникам без прихода, называемымся по-французски ведающими милостыней (aumoniers). Посмотрим, что это за церковная группа. Многие, вероятно, готовы понимать это название буквально, как обозначение человека, занимающегося раздачей милостыни. Но это совсем не так. Дело обстоит как раз наоборот. Когда-то, в эпоху, относящуюся к седой древности, короли, королевы, монастыри и крупные князья возлагали на какого-нибудь священника оказывание некоторой помощи бедным. Отсюда и происходит название священника — „ведающий милостыней“.

В настоящее время священники, имеющие это название, не дают, а получают. Баденго имел такого ведающего милостыней в лице архиепископа парижского, который от одного только императора получал сотни миллионов франков. Был у него еще целый ряд других, которые отхватывали значительные суммы из государственного бюджета.

Таким образом титул этот, вопреки своей этимологии, совершенно изменил свое значение. Это явление не служит вовсе редкостью в истории католичества. Когда на престол возводит нового папу, избранного священной коллегией, то у народа спрашивают, принимает ли он избранника. Это — отголосок всенародного голосования, которое было когда-то необходимо для избрания римского папы. Но так как вопрос об одобрении избрания задается по-латыни, то толпа, к которой с этим вопросом обращаются, хранит полное молчание, пока кто-нибудь из церковной братии не отвечает: amen (аминь). Слово

это подхватывается толпой, и всему делу конец. Таким образом простой и пустой формулы оказывается достаточно, чтобы отдать дань традиции.

Священники, ведающие милостыней, эти придворные аббаты чистой воды, почти исчезли в нашем климате из дворцов и замков. Однако они еще имеются в достаточном изобилии в ряде учреждений Парижа.

При Бонапарте эти священники без приходов были по-настоящему всюду. Существовали священники Тюильри, полковые священники, корабельные, тюремные и т. п.

Туча этих паразитов и синекурщиков улетела вместе с гнусным деспотом. Однако и поныне еще существуют священники в лицеях, госпиталях и особенно в монастырях. О первых я говорить не буду. Обязанность священника в лицее является лишь ступенью к более высокому званию. Архиепископ Дарбуа и юррэ Дюкенэ из церкви св. Лаврентия, в подземельях которой нашли трупы молодых девушек, оба начали свою карьеру в качестве лицейских священников. Свои огромные заслуги некоторые лицейские священники используют для проповедей в разных церквях, что, разумеется, значительно увеличивает их жалование. Тысяча или две франков за великий пост, смотря по приходу, пятьсот франков за филипповки, десять-тридцать франков за богослужение — вот тариф, по которому работают священники без прихода. То же делают и госпитальные священники, которые по отношению к лицейским священникам находятся в том же положении, что пригородные священники по отношению к парижским священникам.

Что касается монастырских попов, то они делятся на две категории. Одни, на манер наемных лакеев, выполняют только черную работу, т. е. служат обедни, молебны и т. п. Деликатные функции руководства совестью монахов им запрещены. Эти функции закреплены исключительно за другими.

В парижском диоцезе имеется около сотни женских монашеских организаций, посещающих самые разнообразные, неведомые, но звучные названия. Обычно наблюдение за этой избранной паствой поручается генеральным епископам.

Священнослужитель, которому поручается эта приятная роль, имеет свободный доступ в монастырь и в его святилище. К нему поступают признания самого интимного свойства, перед ним каются в своих слабостях и прегрешениях молодые послушницы и пожилые сестры.

Когда он показывается среди монахинь, то можно подумать, что это божество явилось обыкновенным смертным, так горячо все выражают ему свое благоговение. Перед ним заискивают, ему говорят комплименты, осведомляются об его здоровье, сю-

вом, буквально преклоняются перед ним. Один его взгляд приводит в восторг благочестивых овец. Стоит ему задержаться глазами на ком-нибудь подолыше, как счастливица не знает, куда деваться от радости, а все остальные до беспечности обсуждают этот признак внимания дорогого духовника. Когда он садится в исповедальню, в этот трибунал покаяния, сестры одна за другой коленопреклоненно выкладывают всю свою душу. Сосредоточенное молчание подается в часовне, изредка прерываемое лишь вздохами и стенаниями, полными горести. Выстроившиеся перед исповедальней сестры заняты не только выискиванием грехов за собой, они жадно считают мгновения, минуты и даже часы, которые посвящаются духовником для очищения некоторых товаров. Каждый из них старается растянуть этот процесс возможно дольше.

Какое разочарование, какой глухой гнев бушует монахиню, когда ей это не удается! На этой почве в монастыре часто вспыхивают внезапные бури, смущающие мир обители в течение целых недель. Бывают случаи, когда обойденные метят духовнику, чем-либо их не удовлетворившему, тайными доносами архиепископу или обращением к младшему священнику, хотя они для него — запретный плод. Ему они изливают все свои слезы, всю свою горечь, свои кровные обиды. Я знал одного честного священника, который в подобных случаях неизменно рекомендовал жалобщикам радикальный способ исцеления: он часто-сердечно и без обиняков предлагал им снять с себя рабскую либрэ и решительно вступить на нормальный человеческий путь. Некоторые, послушавшись его мудрых советов, сделались преданными женами и великодушными матерями семейств. Но приходится сомневаться, что общество от этого ничего не потеряло.

Горе однако священнику, который возбудил подозрение этого рода монахинь. Ненависть их неумолима. Репутация его наверняка погибла. С утонченной жестокостью, замаскированной елевыми фразами, они очернят его перед дерновым печальством.

Духовники, которых подбирают весьма тщательно, обычно умеют приспособиться к своей довольно опасной роли. Они внимательно обслуживают и молодых и старых монахинь, завоевывают симпатии наиболее влиятельных и всячески стараются жить со всеми в ладу. Если им это удается, то им обеспечено легкое и приятное существование. Ангельские души, которым духовник доставляет духовную пищу, платят ему сторицей всякими заботами и пожеланиями о нем.

Они тщательно следят за его образом жизни, умудряются оказывать ему самое нежное внимание и всемерно стараются

избавить его от всякого труда. Монастырские духовники — это прежде всего сибариты чистой воды.

Как хорошо сервирован их стол! Если их дома, как это обычно бывает, находятся по соседству с монастырем, то в них существует особый проход в женскую обитель. Надо ведь сократить путь для служителя божия к его пастве. По этому же пути из монастыря приносятся монастырские блюда, которые попадают на стол еще дымящимися. Ему, разумеется, не дают ничего грубого, ничего, что могло бы уронить честь монастырской кухни. Самые изысканные кушанья изготавливаются для него любящими руками духовных дочерей. Они же следят за тем, чтобы духовный отец, не приведя господи, не уморил себя голодом. Спальня его обставлена как будуар, всюду видны кокетливые следы женских рук. Часто представителю бога уделяется больше внимания, чем самому богу.

Если священник служит духовником в каком-нибудь пансионе, то божья роса в изобилии падает на его главу. К нему идут с визитами родственники, не забывающие оставлять у него звучные сувениры. Во время конфирмации, на новый год, в дни именин и т. д. на него сыплются подарки, приятные сюрпризы, значительно увеличивающие размеры его жалованья. Его положение дает ему доступ в салоны, в дома богатых учениц, где ему оказываются самые разнообразные признаки внимания.

В дерновом иерархии священники без прихода идут непосредственно вслед за кюре. Дальше следуют викарии (заместители), эти адъютанты кюре, как показывает уже самое их имя.

И здесь, как мы видим, продолжается разделение касты. Всегда и всюду божья равенства! От вершины до основания мы видим точную градацию, смотря по доходам, которые приносит тот или иной пост занимающему его.

Викарии делятся на две категории: на действительных и простых. Действительные викарии бывают первыми и вторыми: главные функции их заключаются в отправлении венчаний и погребений. Викарий, хорошо справляющийся с этим делом, очень ценится своим кюре, как бы ни был скуп последний на похвалы в отношении подчиненных. Талант такого викария заключается в том, чтобы уметь побуждать семью брачущихся или покойника не скупиться на расходы. Для ризницы бывает настоящим праздником такой случай, когда родственники покойника или новобрачных пошире раскрывают кошельки. Когда ловкому викарию удастся сварганить пышные похороны, дерковь, правда, покрывается траурными тканями, но священники зато пребывают в большом весельи, так как траур оказывается для них источником обильного дохода.

Викарий, который не умеет использовать эти случаи, рискует прослыть идиотом и потерять возможность к дальнейшему продвижению по службе. Среди служителей державы, как и среди служителей монархии, — а ведь церковь и монархия являются близнецами, — труд стоит в обратной пропорции к доходу. Кто больше получает, тот больше и отдыхает, — таков закон.

В силу этого правила действительные викарии, которые могут иногда, как я уже отмечал, делаться почти миллионерами, избавлены от неприятных или трудных функций. Последнее достается простым викариям. Однако немногие из викариев оставляют свои досуги без использования. Большинство из них энергично трудится над тем, чтобы завоевать себе влияние в приходе и в официальных кругах. Они прекрасно знают, что протекция состоятельных и благомыслящих прихожан имеет большое значение в архиепископстве. Поэтому они всячески стараются быть принятыми в порядочных домах. Исповедальня обычно дает им легкую возможность втираться в наиболее влиятельные семьи. Многие викарии очень ревностно предаются своей миссии исповедников или духовников. Многие из них проводят в исповедальне большую часть времени, стараются заманить туда возможно более широкую клиентуру.

Один викарий, с которым мне пришлось служить, представлял в этом отношении законченный образец. С утра он отправлялся к себе в исповедальню и начинал ожидать добычу. Если даже никого не было, он все равно сидел здесь, читая какую-нибудь легкомысленную книгу, с опущенным лицом, придававшим ему вид человека, погруженного в благочестивые размышления. Даже когда ему приходилось уходить на время по церковным или по каким-нибудь житейским делам, он не снимал своего почерневшего от употребления стихаря и торопился вернуться в исповедальню.

Вечером он с сожалением покидал свой пост, иногда в 10 или в 11 часов, чтобы с утра снова начать это никогда не утомлявшее его дежурство.

Одна ревностная благочестивая духовная дочь его издумала действовать по его примеру, так что дело иногда доходило до самых комических сцен. Она попыталась войти в духовные сношения с этим викарием. Так как они по какому-то поводу не договорились между собой, то между ними произошел разрыв. Благочестивая женщина решительно покинула исповедальню викария и как бы в пику ему расположилась в противоположной стороне придела. Однажды я полюбознательствовал узнать, сколько времени она в состоянии просидеть безвыходно. Она пришла в 6 час. утра и оставалась на своем посту до 11 час. вечера. С этого момента женщина эта стала для меня настоя-

шей проблемой, прямо даже чудом. Я ломал себе голову над вопросом, неужели же она умудрилась освободиться от всяких естественных отравлений. Если не считать того, что в полдень она съедала маленький кусочек хлеба, она в течение всего дня не меняла позы на своей скамейке. Этот случай, точность которого я гарантирую, напоминает о тех средневековых легендах, в которых рассказывается о святых, постивших целыми днями, сохраняя свои силы нетронутыми.

Я должен однако отметить, что эта женщина кончила плохо. Однажды ночью, возвратившись домой после долгого воздержания, она слишком жадно схватилась за ломоть горячего хлеба, запила его стаканом святой воды и умерла от удушья в течение нескольких минут.

Своей терпеливостью и пастойчивостью викарий, о котором я говорил, так хорошо зарекомендовал свою исповедальность, что она стала самой посещаемой в приходе. Накануне религиозных праздников его буквально осаждали верующие. Особенно толпились вокруг него молодежь. Посещение его сделалось модой, а, как известно, ничто не пользуется такой тираннической властью над прекрасной половиной человеческого рода, как мода.

Для того, чтобы укрепить свое влияние среди дорогих голубиц и помещать им разбредись по соседним нивам, ловкий духовник придумал для них специальные собрания в местном монастыре. Он сам появлялся также в доме, где они собирались для танцев и игр, и нередко становился в их веселый хоровод. По воскресеньям ревностный викарий собирал вокруг себя послушных девушек для обучения закону божьему. Перемешивая евангельские изречения с усвоенным им простонародным языком, он своими беседами приводил в восхищение этих детей. Возвращаясь домой, они не уставали хвалить своего духовника, приводившего их в восхищение своим умом, своим красноречием и ревностью.

На кафедру он поднимался торжественно, важно, проповедь его была одновременно строга и елейна. Опытный постановщик — он умел дергать за нити, приводящие в движение сердца молодых девушек, он явным голосом сыпал перед своей аудиторией католические угрозы, перемешанные со сладкими обетованиями. Слушали его с напряженной сосредоточенностью.

Это его однако не удовлетворяло. Он поставил своей задачей добиться слез и рыданий как увенчания триумфов его красноречия. Но как пойти путь к слезным железам этих смешливых и легкомысленных девушек? Он применил весьма простой фокус, который всегда давал успешные результаты. Некоторые из его духовных дочерей, в которых он был уверен,

получив от него соответствующие инструкции, становились в самые задние ряды толпы. Викарий наиграл все свое красноречие, чтобы действовать на чувство слушателей, он доводил голос свой до самых драматических дрожаний, тщательно рассчитывая все интонации. Вдруг в каком-нибудь месте его речи его помощницы, стоявшие в задних рядах, вынимали платки, приготовленные заранее, и начинали вытирать глаза. Этот пример действовал всегда заразительно. Скоро церковь начинала оглашаться вздохами и рыданиями, покрывавшими голос проповедника: слезы текли потоком, все шлозы открывались.

И вот в приходе начались разговоры о том, что проповедник делает чудеса, что он смягчает самые ожесточившиеся сердца, что он возвращает к богу самые упорные души.

Подобный успех конечно создал нашему викарию отличную репутацию у архиепископа, тем более, что он с театральным искусством соединял величайшую осторожность. Церковное начальство требует от своих подчиненных, чтобы они прежде всего не создавали никаких недоразумений с администрацией и избегали всего, что может скомпрометировать.

Вот этого-то и не понял один викарий из Батиньоля. Подобно многим своим коллегам, он уделял особенное внимание молодым девушкам, нежным цветкам, которыми любит украшаться церковь. К несчастью, он не удовлетворился собиранием девушек в церкви и беседами в исповедальне, он слишком часто стал их приглашать к себе. С легкостью, прощительной для их возраста и неопытности, они отвечали на его горячие настояния. Каждый день они, одна за другой, проходили через его комнату, с каждой из них по очереди он предавался интимным беседам.

Я не знаю, как реагировали на это родители, я не знаю, дошло ли что-нибудь до этих визитов до церковного начальства. Как бы там ни было, его не беспокоили, и он долго жил в полном мире, пасаждавая своей благочестивой паствой. Вдруг в одно из воскресений, когда он служил обедню, к алтарю подошла молодая женщина с ребенком в руках. Быстро провалявшись к викарию, так что ее не успели остановить, она положила к его ногам младенца с криком: „Возьми своего ребенка, я не могу его кормить, так как ты меня бросаешь“.

Дело приняло скандальный оборот, и неосторожному викарию пришлось убраться. Правда, пример неосторожности был ему подан одним парижским кюре. Впрочем, последний поступил все же несколько умнее. Он позволил себе откровенность только тогда, когда он находился уж на смертном одре. В своем завещании он поместил следующий пункт: „Я завещаю сумму

в 30 тысяч франков такому-то, моему побочному сыну⁴. Конечно для чести его корпорации было бы лучше, если бы он воздержался от квалификации наследника, но ведь всего не предусмотреть даже в завещании.

Впрочем, не может быть, чтобы природа время от времени, раньше или позже не восставала против лицемерия державного celibата. Бывают моменты, когда она опрокидывает всякие преграды. Это заключается не в уступке законным, непобедимым инстинктам природы, коренящимся в самом организме человека, а в публичном и упрямом осуждении их, сопровождающемся тайным потворством этим инстинктам, при этом часто в самом извращенном их виде.

V. Гено-Венже. Признания священника, отрекшегося от сана

1. *Февральское движение* — февральская революция 1848 г., разрушившая так называемую „июльскую монархию“, т. е. парламентарную монархию короля Луи-Филиппа, покоившуюся на союзе финансовой буржуазии и части крупных землевладельцев.

2. *Савойский викарий* — образ идеальной религиозности в повествовании Руссо, данный в романе „Эмиль, или о воспитании“. В „Изложении принципов веры савойского викария“ Руссо изложил свою „религию сердца“, представлявшую собой комбинацию деистической философии и альтруистической морали.

3. *ЦЕЛИБАТ* — безбрачие духовенства, объявленное обязательным в XI в. папой Григорием VII. Истинной подоплекой celibата была, разумеется, не забота о нравственной чистоте служителей божьих (на практике celibат служил источником морального развращения католических попов), а тенденция к сосредоточению в руках церкви всех ее богатств и доходов путем лишения попов возможности заводить законную семью и ограничения их частных интересов.

4. *Казуисты* — в юриспруденции и богословии так назывались толкователи, занимавшиеся чрезвычайно сложными и мучительными отдельными конкретными случаями. Казуистика стала синонимом крючкотворства, игры словами и понятиями, головоломного усложнения фактов.

5. *Викарий* — заместитель, помощник епископа, а у католиков также и священника.

6. Имеется в виду Наполеон III, бывший племянником корсиканца — Наполеона I, и его жена, испанская графиня Евгения Монтijo.

7. *ДАРБУА, Жорж (1813 — 1871)* — парижский архиепископ, арестованный Коммуной в качестве заложника. После того, как Тьер отказался обменять его на Бланки и версальцы, несмотря на предупреждение Коммуны, стали зверски расправляться с пленными коммунарями, Дарбуа был расстрелян 24 мая вместе со священником Дегерри.

8. *ОЛАНЬЕ, Эмиль (1825 — 1903)* — французский политический дея-

Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ

Сборник документов

Составитель Ц. Фридлянд

М.: ОГИЗ. Государственное антирелигиозное издательство. 1933. 267 с.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011, к 140-летию Парижской коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Сканы иллюстраций из книги – в альбоме

<http://fotki.yandex.ru/users/pere-duchesne/album/165389/>

Франко-прусская война, крушение Второй империи и Парижская коммуна: воспоминания, документы, исследования, публицистика, фильмы, радиопередачи можно скачать здесь:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

<http://politazbuka.ru/>

См. также материалы с тэгом «церковь/религия»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=2548302>

оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ составителя

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН — СТАЛИН О РЕЛИГИИ и БОРЬБЕ с НЕЙ

Луи Огюст БЛАНКИ

1. ДВЕ МОРАЛИ

2. АТЕИЗМ и СПИРИТУАЛИЗМ

3. МОНОТЕИЗМ

4. ОТЕЦ ЦЕРКВИ IV ВЕКА

5. ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЕЦ ГРАТРИ

Пьер Жозеф ПРУДОН. РЕЛИГИЯ

Михаил Александрович БАКУНИН

1. НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ РЕЛИГИЯ?

2. ЧТО АТЕИЗМ ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕТ РЕЛИГИИ!

Гено-Венже. ПРИЗНАНИЯ СВЯЩЕННИКА, ОТРЕКШЕГОСЯ ОТ САНА

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ об ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ от ГОСУДАРСТВА

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ об ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ от ГОСУДАРСТВА и ШКОЛЫ от ЦЕРКВИ

1. Орывок из протокола заседания Коммуны 2 апреля

Зачитывается проект декрета, предлагаемого гражданином Пина¹ от имени Исполнительной комиссии...

Проект этот гласит:

„Парижская коммуна, принимая во внимание, что первым принципом Французской республики является свобода; что важнейшей из свобод является свобода совести; что бюджет культов противоречит этому принципу, так как насилует убеждения граждан; что, как показывают факты, духовенство было сообщником монархии в ее преступлениях против свободы;

постановляет:

Ст. 1. Церковь отделяется от государства.

Ст. 2. Бюджет культов упраздняется.

Ст. 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

Ст. 4. Будет произведено немедленное обследование этих имуществ с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации“.

Гражданин *Растуль*² поддерживает декрет. Нужно, говорит он, чтобы Коммуна укрепилась и показала, что она является правительством.

Граждане *В. Клеман* и *Ферре*³ объявляют себя сторонниками декрета, но возражают против того смысла, который хочет приписать ему гражданин Растуль.

Гражданин *Тейн*⁴ предлагает, чтобы Коммуна высказалась лишь касательно первых двух статей.

От имени Комиссии гражданин *Пиа* высказывается против этого предложения.

Значительным большинством голосов принимается предложение о прекращении прений.

Коммуна постановляет, что голосование будет производиться по каждому пункту отдельно.

Касаясь мотивировочной части проекта, председатель (*Ле-франсе*)⁵ предлагает прибавить слова „духовенство всех вероисповеданий“ и мотивирует это ссылкой на то, что в 1848 и 1851 гг. духовенства всех вероисповеданий объединились в борьбу против республиканцев.

Гражданин *Верморель*⁶ умоляет гражданина *Пиа* отложить до следующего дня окончательное редактирование проекта.

Граждане *Варлен*, *Ж. Валлес*, *Ранк* и *Паскаль Груссе*⁷ предлагают, чтобы декрет не был напечатан в „Официальной газете“ или, в крайнем случае, был бы напечатан не ранее, чем послезавтра.

Граждане *Феликс Пиа* и *Урбэн*⁸ возражают против отсрочки и требуют признания вопроса спешным.

При голосовании вопроса об отсрочке 16 голосов высказываются за и 26 — против. Таким образом вопрос признается спешным.

При голосовании отдельных статей все они принимаются единогласно.

Граждане *Феликс Пиа* и *Урбэн*⁸ возражают против декрета не был напечатан в завтрашнем номере „Официальной газеты“.

Граждане *Арт. Арну*, *Ж. Валлес*, *Гупиль* и *Верморель*⁹ поддерживают это предложение. Граждане *Ж.-Б. Клеман*, *Баби*, *Жерезм*, *Растум*, *Урбэн* и *Варлен*¹⁰ высказываются за немедленное напечатание.

Прения закрываются.

Большинством 22 голосов против 16 Коммуна постановляет, что декрет будет напечатан в завтрашнем номере „Официальной газеты“.

2. Постановление о секвестре церковных имущества

Член Коммуны, делегат юстиции,

постановляет:

Гражданин *Фонтэн* (*Жозеф*) назначается заведывать секвестром всех имущества как движимых, так и недвижимых,

принадлежащих религиозным корпорациям или общинам, находящимся на территории Парижской коммуны.

Член Коммуны, делегат юстиции

*Эжен Прото*¹¹.

3. Отмена присяги

По предложению гражданина *Прото*, делегата юстиции, Парижская коммуна постановляет:

Статья единственная: Политическая и профессиональная присяга отменяется.

Парижская коммуна.

4. Бракоразводные процессы

Парижская коммуна постановляет:

Статья единственная: В бракоразводных процессах председателю суда предоставляется право назначать женщине, требующей развода, пенсию на прожитие, которая будет выдаваться ей впредь до окончательного решения суда.

5. Переименование помещений в больницах и убежищах

Принимал во внимание, что названия палат в больницах и убежищах говорят уму лишь о пережитках фанатизма и что необходимо увековечить память тех, кто жил и умер за народ, за отечество, отстаивая благородные идеи и высокие цели социализма и братства,

Главный директор управления общественного призрения постановляет:

Учредить комиссию для переименования всех палат, зал и коридоров в заведениях, подведомственных управлению общественного призрения.

Членами этой комиссии назначаются граждане *Боннар*, *Камилл Трейр* и *Мюра*.

Главный директор управления общественного призрения *Трейр*¹².

6. Декрет о разрушении искупительной часовни Людовика XVI

Комитет Общественного спасения, принимая во внимание, что здание, известное под именем искупительной часовни Людовика XVI, является вечным оскорблением первой революции и постоянным протестом реакции против народной справедливости, постановляет:

Ст. 1. Часовня, известная под именем искупительной часовни Людовика XVI, будет срыта.

Ст. 2. Материал, из которого она построена, будет продан с публичного торга в пользу управления коммунальных имуществ.

Ст. 3. Директору управления коммунальных имуществ поручается в восьмидневный срок приступить к исполнению настоящего постановления.

Комитет Общественного спасения.

7. Обращение делегата XVII округа

Принимая во внимание, что свобода совести, чтобы быть действительной, должна быть целиком и полностью обеспечена за всеми без исключения гражданами;

принимая во внимание, что содержимые за счет налоговых поступлений воспитательные и образовательные учреждения должны быть одинаково доступными для детей всех налогоплательщиков, каковы бы ни были их истинные верования;

принимая во внимание, что религиозное и догматическое воспитание детей должно быть полностью предоставлено усмотрению их семей;

принимая во внимание, что наиболее передовые народы и философы всех направлений сходятся в таком толковании понятий истины и морали, в силу которого эти понятия сводятся к требованию уважения, справедливости и неприкосновенности в отношении каждой человеческой личности, вне зависимости от национальности, вероисповедания, общественного положения, пола или возраста, и что принципы эти отличны от какого бы то ни было культа, религии или философской системы;

принимая во внимание, что в общественных школах и приютах должно преподаваться только то, что никем не оспаривается и что таким образом содействует согласию и умиротворению чувств и умонастроений;

принимая во внимание, что во все времена и во всех странах злоупотребляли — иногда с самыми лучшими намерениями — невежеством и легковесием детей для того, чтобы внушать им посредством примера, насилия или привычки суеверия, предрассудки и чувства несправедливости или ненависти, приводящие к возникновению войн и социальных потрясений;

принимая во внимание, что требование справедливости является неотчуждаемым и ненарушимым правом и что власть не должна ограничивать его какими бы то ни было условиями или требованиями легальности;

принимая во внимание, что всякое замедление в осуществлении свободы совести равносильно ее полному попранию; принимая во внимание, что попрание свободы совести деморализует и развращает людей, что оно унижает природу человека, что оно хотя и медленно, но неуклонно ведет к самым страшным последствиям, —

учителя и учительницы общественных школ и приютов XVII округа приглашаются принять к руководству нижеследующие инструкции:

Они должны пользоваться исключительно экспериментальным или научным методом преподавания, т. е. таким, который исходит из наблюдений над фактами, какова бы ни была их природа: физическая, моральная, интеллектуальная.

Преподавание морали должно быть одновременно практическим и теоретическим, но обязательно чуждым каких бы то ни было религиозных или догматических принципов. В силу этого оно будет применимо ко всем и не будет никого оскорблять. Оно будет одинаково вразумительно как стремлению к владычеству, так и духу работы. Не должны преподаваться ни молитвы, ни обряды, ни вообще что бы то ни было, относящееся к индивидуальной совести.

В школах и приютах, в местах, доступных взорам учащихся или посетителей, не должны выставляться какие бы то ни было предметы культа или религиозные изображения.

Учащиеся не должны пользоваться какими бы то ни было книгами или учебными пособиями, противоречащими в чем бы то ни было научным методам и тому духу согласия, осуществление которого является целью настоящего циркуляра.

Учителя и учительницы, несогласные с требованием применения к коммунальному воспитанию строжайшего принципа свободы совести, приглашаются не позднее конца текущего месяца освободить помещение и школьное имущество, предоставленное их администрацией. Они приглашаются заранее предупредить о дне, когда они думают прекратить преподавание, дабы дети не пострадали от перерыва в занятиях.

Кроме коммунальных школ и приютов допускается существование, в качестве частных и свободных учреждений, воспитательных и образовательных заведений, работающих под надзором и под ответственностью родителей. Существование этих заведений регулируется общими законодательными нормами.

Париж, 8 апреля 1871 г.

Делегат по коммунальному образованию XVII округа
Рампаз

8. Воззвание мэрии XII округа

к светским учителям

Братья и сестры христианских школ покинули свой пост. Мы обращаемся ко всем светским учителям с призывом записываться в мэрию округа (бюро генерального секретариата).

Мы надеемся, что образовавшаяся брешь будет скоро заполнена, так как каждый согласится, что еще никогда не представлялось нам более прекрасного случая окончательно установить светское, бесплатное и обязательное обучение.

Невежество и несправедливость отныне уступают место свету и справедливости!

Да здравствует Коммуна! Да здравствует Республика!

9. Обращение мэрии III округа

Граждане!

То, чего вы так давно добивались вместе с нами, то, в чем отказывали нам люди 4 сентября, — чисто светское образование, — является теперь совершившимся фактом для нашего округа.

Нашими стараниями и заботами Комиссии просвещения три конгрегационные школы уезд Фердинанда-Берту, Пев-Бур-л'Абэ и Беарна — уже в руках светских учителей.

Мы надеемся, что эти учителя, во имя лучшего будущего страны, сумеют воспитать граждан, сознающих свои права и обязанности по отношению к Республике.

Париж, 23 апреля 1871 г.

Члены Коммуны:

Ант. Арно, Демэ, Кловис Дюпон, Пенди.

10. Циркуляр мэрии XVIII округа

К директорам и директрисам школ XVIII округа.

Граждане и гражданки!

Новая система обучения, которую предполагает ввести Коммуна, не может пока быть осуществлена. Война, которую ей навязывают, не дает ей возможности, как бы она этого хотела, немедленно разрешить все важные вопросы, выдвинутые революцией.

В ожидании инструкций, которые вырабатывает и не замедлит прислать вам Комиссия просвещения, я прошу вас привить к сведению и исполнению нижеследующие указания, убежденный, что вы поймете их важность и готовы помочь нам в задаче, которую мы себе ставим.

Итак, мы просим вас удалить с глаз детей все то, что могло бы напоминать им о глупостях, которыми нас так долго морочили: отныне в наших школах не должно быть больше места ни картинам, ни книгам религиозного содержания, ни крестам, ни статуям святых.

Вы покроете слоюм белой или черной краски латинские религиозные надписи и замените их такими общечеловеческими девизами, как Свобода, Равенство, Братство, Труд, Справедливость, Республика.

Равным образом вы упраздните конечно, и притом немедленно, преподавание так называемой священной истории, катехизиса и церковного пения.

В ближайшее же время мы предоставим в ваше распоряжение серию хороших книг. Словом, вы понимаете, дарство заблуждений кончилось; мы должны распространять свет истины и научить других любить ее.

Молитва, само собой разумеется, упраздняется; мы заменим ее уроками более полезными, более пригодными для дела нравственного воспитания.

Настоящие указания не более как черновой набросок программы, которую мы разрабатываем; несмотря на это, я счел все же нужным сообщить их вам и просить вас соблюдать их с рвением и толком.

Я настойчиво также рекомендую вам проявлять величайшую осторожность и мягкость в обращении с доверенными вам детьми.

Мы знаем, как велики трудности и бремя вашей ответственности; никогда не упуская этого из виду, мы сумеем быть благодарными вам за ваши усилия.

Париж, 10 мая 1871 г.

Ж.-Б. Клеман, член Коммуны.

11. Циркуляр мэрии IV округа

К родителям округа

Совокупность человеческих знаний является общей сокровищницей, из которой каждое поколение имеет право черпать, под тем условием, что научный капитал, накопленный в прошлом, будет расти на пользу грядущим поколениям. Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на образование, а потому посылка детей в школу является священным долгом семьи или за неимением ее — самого общества.

Только образование способно сделать из ребенка, когда он станет взрослым, человека действительно ответственного за свои поступки по отношению к другим людям.

Как, в самом деле, можно требовать исполнения законов, если граждане не могут даже прочесть их текста?

Исходя из этих бесспорных принципов, Парижская коммуна приступает к организации народного просвещения.

Но прежде всего она должна принять меры к тому, чтобы отныне уважалась свобода совести ребенка и из его обучения было устранено все то, что может нанести ему вред...

Именно школа должна внушать детям, что всякое философское учение должно проверяться с помощью законов логики и данных положительной науки.

Коммуна не намерена насильствовать чьих-либо религиозных убеждений, но должна строго следить за тем, чтобы и над ребенком, в свою очередь, не производилось насилия путем навязывания ему догматов, к которым он по своему неведению не может отнестись критически или принять их вполне сознательно. Мы уже устранили из народных школ нашего округа всех членов различных религиозных конгрегаций, которые до сих пор держали в своих руках дело просвещения в нарушение принципа свободы совести и культов, закрепленной Французской революцией. Отныне руководить школами будут исключительно советские преподаватели и преподавательницы; путем частых обследований мы будем тщательно следить за тем, чтобы все без исключения элементы религиозного воспитания были изгнаны из школы.

Научить ребенка любви и уважению к себе подобным, внушить ему чувство справедливости, внедрить в его сознание, что он должен учиться во имя общественных интересов, — вот те моральные принципы, на которых отныне должно покоиться коммунальное воспитание.

Придите же нам на помощь своим содействием... в деле осуществления этой полезной и плодотворной задачи.

Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!

12 мая 1871 г.

Члены Коммуны, делегаты

IV округа:

Амуру, Артур. Арну, А. Клеманс,
Э. Жерарден, Г. Лефрансэ.

12. Циркуляры делегата по просвещению Э. Вальяна

В скором времени религиозное обучение совершенно исчезнет из парижских школ.

Однако воспоминание о нем, в виде распятый, мадонн и других символов, еще остается во многих школах

Преподаватели и преподавательницы школ должны добиться их удаления, так как присутствие этих предметов оскорбляет свободу совести.

Предметы этого рода, сделанные из ценных металлов, должны быть переданы по описи в Монетный двор.

* * *

В некоторых округах члены конгрегаций отказываются подчиняться приказанием Коммуны и препятствуют введению светского обучения.

Всюду, где подобное сопротивление будет иметь место, оно должно немедленно пресекаться, а ослушники арестовываться.

Муниципалитетам округов и делегату общественной безопасности предлагается действовать в этом смысле быстро и решительно и войти для этого в контакт с делегацией просвещения.

Париж, 14 мая 1871 г.

Член Коммуны, делегат по просвещению

Эдуард Вальян ¹⁴.

Одобрено Комитетом общественного спасения
Эд. Гамбон.

13. Обращение жюри III округа

С того времени, когда во главе управления III округа стали члены Коммуны, муниципалитет никогда не поощрял религиозного обучения. 16 апреля все братья ордена христианской доктрины очистили наши школы и были немедленно замещены светскими учителями, которых в округе насчитывалось человек двадцать. То же произошло и с сестрами, которые точно так же были замещены учительницами, к великому удовольствию местных жителей. В учебных пособиях недостатка не оказалось, и мы отменили их продажу учителями. Они выдаются бесплатно трем тысячам детей, которые посещают наши школы.

Париж, 19 мая 1871 г.

За членов Коммуны, уполномоченный III округа:
Генеральный секретарь *Леон Жакоб*.

14. Последнее распоряжение Коммуны о светской школе

В виду предложения делегации просвещения, Коммуна постановляет:

В течение сорока восьми часов будет составлен список всех учебных заведений, находящихся еще, несмотря на приказания Коммуны, в руках членов конгрегаций.

Имена членов Коммуны, делегировавшихся в муниципалитеты округов, где приказания Коммуны о введении исключительно светского образования не будут исполнены, будут ежедневно публиковаться в „Официальной газете“.

Париж, 18 мая 1871 г.

Парижская коммуна.

МАТЕРИАЛЫ О БОРЬБЕ С КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫМ ДУХОВЕНСТВОМ

1. Письмо в редакцию газеты „Коммуна“

Гражданин редактор!

Вчера распространился слух о странных событиях, происходивших в церкви св. Лаврентия. Один штабной офицер получил поручение отправиться в эту церковь и строго проверить все факты.

При входе в церковь он сразу же заметил несколько открытых подземелий и был чрезвычайно удивлен, увидя в одном из них пространство, размером свыше двадцати кубических метров, сплошь наполненное человеческими костями.

Немного дальше были найдены несколько скелетов, относящихся к более недавнему прошлому. При более внимательном исследовании оказалось, что все эти скелеты принадлежат лицам женского пола. На одном из них сохранились остатки длинных волос испепеленного цвета.

Многие, вероятно, помнят, что лет десять тому назад много говорили о случае заточения людей священником церкви св. Лаврентия. Поводом к этим разговорам явилось то, что случайно застрявший и заснувший в этой церкви человек был разбужен дошедшими до его слуха стенами.

Это дело вошло в прессу и вызвало всеобщее негодование; начали циркулировать многочисленные слухи. Но клерикальная партия, поддержанная писателями — сторонниками трона и алтаря, — подкупила врачей, которые выдали очевидца этой сцены за жертву галлюцинации.

Это заставляет предположить наличие тайны, которую необходимо выяснить. Весьма вероятно, что имел место ряд преступлений, раскрыть которые необходимо для устранения виновных и покаяния лицемеров и скептиков, осуждающих мероприятия по закрытию церквей. Нужно, чтобы слепые презрели и чтобы был пролит свет на тайны, окружающие

черноярских. Нужно, чтобы люди, ослепленные деспотизмом, отпрянули в ужасе перед неслыханными преступлениями. В тот день, когда суеверие и невежество уступят место правде и цивилизации, короли и священники навеки исчезнут из общественного общества.

Гюстав Трибале, штабной капитан.

Р. S. Врачам поручено произвести расследование этого дела, и в бывшую полицейскую префектуру послан рапорт обо всем случившемся.

2. Рапорт о расследовании преступлений, совершенных в церкви св. Лаврентия

Прошрое

В первые века существования французской монархии церковь св. Лаврентия находилась на том месте, где в настоящее время стоит монастырь св. Лазаря. Позднее церковь была перенесена на противоположную сторону дороги, т. е. на место кладбища, где она находится и до сих пор.

Первая мысль, которая приходит в голову, это то, что должен был существовать подземный ход, соединявший монастырь св. Лазаря с нынешней церковью. Такие ходы существовали между мужскими и женскими монастырями, дабы облегчить оргии церковников. Подобные ходы имелись также в феодальных замках, и их секретные выходы облегчали бегство в минуту опасности. Исходя из всего этого, вывод кажется совершенно очевидным.

Благодаря соседству монастыря св. Лазаря церковь св. Лаврентия всегда имела в своем распоряжении столько женщин и девушек, сколько могли только пожелать эти бритоголовые садисты. Механика была чрезвычайно проста: либо желанный объект подвергался похищению, либо же пускалось в ход банальное обвинение в колдовстве, прелюбодеянии или богохульстве, и обвиняемая женщина или девушка хватывалась и без всякой возможности сопротивления отдавалась во власть этих чудовищ разврата. Даже семья ее не могла ей помочь, ибо законченная, недоступная для чьих бы то ни было взглядов, считалась добровольно удалившейся от мира в порыве раскаяния.

Учреждения, скрывавшие женщин, были чрезвычайно многочисленны, ибо существовало огромное количество монастырей и приютов для сирот. Развратникам оставалось только произвести выбор, и назначенные жертвы доставлялись в их распоряжение начальниками соответствующих учреждений. К

тому же сопротивление было немислимо, так как неповиновение было связано с опасностью для жизни.

Известно, что влияние священников было непреодолимо. Их пастьрский авторитет, согласие глав семей, пользовавшихся абсолютной властью, неосторожные или вынужденные обеты, боязнь мести и наконец воображение и темперамент, — все это приходило на помощь священникам и содействовало победе их гнусных помыслов.

Горько говоря, женщины или девушки бесследно исчезали из общества, и все это оказывалось к лучшему как для спасения души жертвы, так и для святого дела церкви! Это был своего рода заповедный питомник, да к тому же еще пахнущий под защитой божества!

Горе тому смельчаку, который осмелился бы приподнять завесу! В прошлые времена его ожидали пытки и смерть, а в настоящее время — разорение, тюрьма и анафема при-вилегированных.

Все это не пустые предположения, а трезвая оценка фактов.

Настоящее

Но предположим даже, что в настоящее время подземный ход перестал существовать. Предположим, что женщины или девушки попадали в объятия этих лицемеров через открытую дверь, под зловерным действием причастия, пройдя через исповедальню или алтарь. Не все ли равно? Разве это может уменьшить ужас или негодование целого Парижа? Пусть парижане спустятся в находящееся позади алтаря под-земелье, — они увидят там ужасную картину и услышат душе-раздирающие вопли. Слушайте их:

„Священники, наши безжалостные палачи, заманив нас сюда посредством насилия и обмана и вдоволь удовлетворив свою гнусную чувственность, скоро насытились. Тогда нам пришлось уступить место более красивым или более молодым. После ужасов последней оргии действие сильного наркотика отдало нас, без всякой возможности сопротивления, в руки этих чудовищ, которые связали с нас наши одежды и свя-зали нас так крепко, что на наших костях до сих пор сохра-няются следы трения одной о другую. Через некоторое время, когда действие наркотика прекратилось, мы пришли в себя и стали жертвами невыразимой тревоги и ужаса. Инстинктивно мы стали пытаться освободиться от сковывав-ших нас пут.

Но все было напрасно, — одни только наши головы могли корчиться на мокрой земле. Мы пытались вдыхать легкий ток воздуха, проникавший к нам со стороны лестницы, и именно поэтому головы наши повернуты все в одну сто-рону. Представьте себе наши мучения; представьте себе нашу агонию, нашу отчаянную борьбу и постепенное удушье, бывшее следствием того, что при каждой попытке дышать рты наши наполнялись землей. Дотроньтесь до наших израненных и широко раскрытых челюстей! Сколько трупов, столько же мучеников! Прокляните же, накажите наших палачей! Ведь

перед вами явное и оставшееся безнаказанным преступление! Мы требуем правосудия! Отомстите за нас!“

...Он настал наконец, час великого и безжалостного пра-восудия! Ничто не может остановить его — ни время, ни пространство! Оно держит в своих руках весы и блестящий

мёрт. А, проклятые, вы думали, что находитесь в безопасности, но вы напрасно заполнили подполье костями наших предков. Смелые и мстительные руки отбросили их в сторону и открыли обвиняющий вас склеп! Будущее заставит заговорить прошлое. Страницы вашей истории будут написаны кровавыми буквами, и читать их будут при свете костров, на которые вы взойдете!

Осмотрев склеп и раскопав скрывавшую эти страшные останки землю, спокойная и величественная наука пришла к выводу, что скелеты принадлежат несчастным, погребённым не ранее десяти лет тому назад. Между тем царство нынешнего юра продолжается уже 17 лет. Но не все ли равно, когда было совершено преступление, раз для него не может существовать никакой давности!

О, справедливость, если ты соразмеришь степень наказания с размерами преступления, твой меч иступится, особенно, если ты обратишь во внимание количество жертв! Нет слов, чтобы передать твоё возмущение, чтобы нарисовать произведенное тобой следствие!

...А ты, смелый, умный и добрый парижский народ, приди посмотреть, чем стали в руках этих негодяев твои жены и дочери! Приди посмотреть и перечесть их останки — они принадлежат тебе. Раскрой ли ты наконец глаза на поступки и действия этих мучителей тела и развратителей души? Долго ли будешь ты еще пребывать в твоей преступной апатии, долго ли позволишь ты еще своим женам и дочерям посещать их церкви, эти открытые дома разврата? Если и теперь не пробудится твой гнев, если и теперь из глаз твоих не посыпятся искры и руки твои не сожмутся от негодования, — сделай тогда, как сделал Карл V, и ложись живым в могилу!

Но нет, ты проснешься и восстанешь, как Лазарь! Ты озаришь своих жён лучами разума, без которого для мира нет и не может быть спасения. Этот склеп будет тем маяком, который озарит путь человечества до того блаженного часа, когда наступит время всеобщей гармонии.

„Официальная газета“, 24 мая 1871 г.

От имени муниципалитета *Леруде*.

3. Дело монастыря Пикньос

Мы посетили монастырь белых сестер на улице Пикньос, который все еще охранялся 73-м батальоном.

Золотые и серебряные вещи, служащие для различных религиозных церемоний, помещены в швейцарской, по левую

сторону от входных дверей. Наверху, в первом этаже, помещалось бюро расследования, изучающее и распределяющее переписку монастыря.

Различные ортопедические приборы, которые, по словам сестер, служили для ортопедического лечения, но которые общественное мнение более склонно рассматривать как оружие пыток, продолжают еще находиться в тех павильонах, где они были найдены. Там можно видеть инструменты для вытягивания членов и железные каски, охватывающие половину черепа и легко могущие сжать его, точно клещами.

Тут же находится небольшая платяная корзина, по своей форме напоминающая детскую колыбель и, повидимому, употребившаяся как таковая.

Кроме того нам удалось посетить хижину, в которой были заключены несчастные три сестры, по словам настоятеляницы помещенные туда в качестве сумасшедших. Если это даже и соответствует действительности, то это отнюдь не может служить оправданием для сестер, заточивших таким образом троих своих товарок, ибо для умалишенных существуют ведь специальные учреждения.

Это подобие хижины разделено на три клетушки. В средней из них, огороженной железными прутьями, и жили три несчастные сестры. Две из них были заключены в деревянную клетку, едва-едва достаточную, чтобы их поместить; убежищем для третьей служил остаток помещения.

Кроме этого нам показали два женских черепа и различные кости.

На одном из черепов заметны еще остатки волос.

Монастырский врач задержан и помещен в тюрьму Мазас. Он утверждает, что не знает ту из трех сестер, которая сохранила рассудок. Что касается двух других, то он, по его словам, лечил их от страданий, сделавших их полуидiotками.

В одном из погребов мы заметили вделанные в стену железные обручи, служившие, как говорят, орудием пытки для сестер, которых подвешивали туда за руки.

Что касается до еще находящихся в монастыре сестер, то они хранят полное молчание и, по их словам, ничего не знают о назначении предъявленных им инструментов.

Мы надеемся, что правосудие не замедлит пролить свет на это таинственное дело.

Статья в газете „Коммуна“ (8 мая).

* *

Следствие по делу монастыря Пикпюс идет полным ходом.

Гражданин Марэ, официальное назначение которого судебным следователем только что опубликовано в „Официальной газете“, провел весь вчерашний день в помещении монастыря.

Газеты помещают письмо бывших учениц этого монастыря, которые утверждают, что три заключенных монахини были просто умалишенными, лишь из милости содержимыми в монастыре, и что орудия пыток являются не чем иным, как ортопедическими инструментами.

Многие газеты заявляют, что эти объяснения кажутся им вполне удовлетворительными.

Мы же, со своей стороны, лишь напомним, что никогда еще открытие этих ужасных преступлений против прав, совершаемых духовными преподавателями над личностью вверенных им детей, не проходило без того, чтобы не только среди учащихся, но даже и среди их родителей не раздавались голоса, отрицающие эти ужасные факты.

Именно это самым явным и самым страшным образом свидетельствует о той степени духовного разложения, которую может произвести среди общества антинациональная и антиобщественная система безбрачия духовенства. Чего больше, когда эта система подавляет самые священные чувства, вплоть до совести отца или матери!

Но простой здравый смысл опровергает эти целевые оправдания.

В самом деле — монастырь Пикпос не является ни домох для умалишенных, ни ортопедической лечебницей.

Даже если допустить, что в данном случае сумасшествие не является результатом заключения, самый факт такого заключения остается неопровергнутым.

Нужно, чтобы на все эти факты был пролит самый яркий свет, и далеко не второстепенным результатом замечательной революции 18 марта будет осуждение и окончательное исчезновение этих учреждений и институтов, давно уже переставших соответствовать духу нашего времени. Их дальнейшее сохранение явилось бы прямой пощечиной общественной и социальной морали.

Статья в газете „Справедливость“ (10 мая 1871 г.)

* * *

Я хочу закончить рассказом о случаях в церкви св. Лаврентия и в монастыре Пикпос.

Что касается церкви, то — я не знаю, при каких обстоятельствах — там найдены были скелеты в склепе, в коридоре. По поводу этого открытия тамошние старожилы припомнили некоторые давние темные слухи. Я заимствую описание склепа у одного из очевидцев.

„Склеп представляет собою полукруглую нишу под сводом; свет проникал туда сквозь две узких отдушники, которые были заложены сравнительно недавно.

К склепу ведут три входа в виде арок; скелеты лежат без гробов, прямо на земле, на слое негашеной извести.

Четыре скелета лежат ногами вместе; девять остальных расположены двумя рядами, так что ноги лежащих в верхнем ряду приходится на головы нижних.

Челюсти у погребенных широко раскрыты, как будто несчастные кричали от невыносимых мучений.

Головы почти всех скелетов наклонены влево, зубы, за немногими исключениями, целы.

Мы склонны были думать, что эти останки относятся к весьма ранней, сравнительно, эпохе, когда хоронили еще в дерьвах; но один антомолог нашел в склепе насекомых, которые питаются связками: очевидно, оно не могло столь долго оставаться без пищи.

Сохранились надписи нескольких имен: Бардуан, 1712, Жак Серж, 1714, Валент..., без даты. В углублении склепа оказался скелет женщины с белокурыми волосами.

Каменная доска при склепе, очевидно, позднейшего происхождения („Journal officiel de la Commune“).

Этьен Коржа снял фотографию со скелетов при электрическом освещении.

Начато было следствие, которое производилось с искренним желанием раскрыть истину. Однако это дело не было даже доведено до конца, когда Версаль заставил всех забыть о старых скелетах перед свежими трупами, засыпанными негашеной известью...

Случай в монастыре Пикпос относится к той же категории.

Описание его, данное также очевидно, я заимствую опять из официального источника — именно из „Moniteur officiel“ республики эпохи Коммуны.

„Я всегда считал католицизм с его конгрегациями способным на все, после того, как у пленной Жанны д'Арк украли ее женское платье, чтобы заставить ее надеть мужское и чтобы впоследствии ее же обвинить в этом. И однако мне стоило некоторого труда, поверить тем разоблачениям, которые касались внутренней жизни монастыря Пикпос и были мне сообщены. Самое простое для меня было отправить туда самому. Я так и сделал.

В монастыре меня принял капитан батальона; он заявил мне, что старался избавить сестер от всякого беспокойства — ничего от них не требовал и вообще отнюдь не относился к ним, как к пленницам.

Со своей стороны я сам готов был, по возможности, еще расправить предоставленную монахиням свободу; во всяком случае, если бы одна из них заявила мне хотя малейшую жалобу, я тотчас позаботился бы о том, чтобы кому нужно было воздано по заслугам. Однако для сестер-монахинь мое имя было настоящим пугалом. Весть о моем прибытии поразила монастырь ужасом.

Чтобы приветствовать меня от имени учреждения, ко мне отрядили здоровенную привратницу: перед этой широкоплечей фигурой легко сробел бы и самый храбрый человек.

Я должен признать, что мужество этой достопочтенной матери вполне соответствовало ее атлетическим формам.

Я принял ее в довольно торжественной обстановке: но это нимало ее не смутило. Напротив, она прямо обратилась ко мне самым решительным и даже высокомерным тоном. Впрочем эта речь очень понравилась мне: сколько в ней слышалось энергии!

— Вы хотите предложить мне некоторые вопросы, милостивый государь?

— Сударыня, — ответил я учтиво (как известно, пазвать монахиню сударыней, значит панести ей кровное оскорбление), — сударыня, ходят какие-то мрачные слухи о режиме вашего монастыря; я хотел бы лично убедиться в их ложности. Поэтому не будете ли вы добры показать мне хотя бы те кельи, где, как говорят, содержится две монахини, которых вы подвергаете незаконному заключению?

Мать-привратница не ответила мне ни слова и молча отправилась куда-то в угол сада. Я последовал за нею.

Одна из заключенных прохаживалась по аллее; рядом с ней выступала монахиня, которая ее увещевала. Другая арестованная визала, сидя на своей постели, которая занимала всю ее клетку. Да, это была настоящая клетка, в отверстия которой легко могли проникать и холодный ветер, и дождь.

— Как, — обратился я к привратнице (а озлобленные лица уже выглядывали из окон главного здания), — как можете вы допускать, чтобы обитательницы вашего монастыря могли подвергаться заключению в конуре, едва ли достаточной, чтобы разводить кроликов?

— Извините, — возразила мне спутница, — их никто не подвергает заключению; вы видите, они могут даже гулять.

— Да, но ведь это мы заставили вас выпустить их из этих ядиков.

Тогда сестра сразила меня ответом, который заставил меня оцпенеть.

— Они сами виноваты, зачем они не хотят подчиняться правилам монастыря!

Да, даю честное слово, это было сказано вместо всякого оправдания.

Несколько дней спустя мне передавали, что обе несчастные монахини были освобождены федералистами и вернулись в свои семьи.

Я должен засвидетельствовать, что одна из них мне пока-

залась если не сумасшедшей, то, пожалуй, идноткой, или во всяком случае идиотичной.

Мне демонстрировали между прочим какие-то железные предметы, которые показались мне подозрительными; во всяком случае попытка выдать их за ортопедические приборы была явной и грубой ложью. Были ли еще эти предметы в постоянном употреблении, или же к ним порою прибегали раньше; пускались ли они в дело и тогда еще, когда я видел их, или же они были уже сданы в склад всякого старого хлама? Я не мог и не могу еще ответить определенно на эти вопросы. Но, как бы то ни было, признать в этих приборах ортопедические принадлежности было невозможно⁴.

* * *

Как известно, какие-то орудия пытки были открыты и вновь пущены в дело в последнее время в Монжюнке.

Кто знает, если бы поискать там хорошенько, не помогло ли бы это выяснить, для какой цели употреблялись загадочные предметы, найденные в монастыре Пикюсо?

Мрачна и загадочна область религиозного фанатизма. Не под его ли влиянием сложилась в наши дни в России секта мистиков, которые замуровываются добровольно в могилы?

Впрочем, быть может, эти страшные орудия употреблялись при пытках, которым подвергали монахинь, колебавшихся в вере? Быть может, этими средствами думали облегчить им доступ в царство небесное?

Кто знает, наконец, не терзали ли себя этими орудиями сами несчастные, одержимые религиозным экстазом?

Те, кому приходилось петь в сумраке дервки, при тусклом свете восковых свечей, когда с высоты хор волнами льются звуки органа, уносящие вас куда-то в облаках фимиама, — те знают, что в такие минуты кажется, будто голос ваш на крыльях парит в вышине, словно отделился от вас, и вы сами слышите его.

Кто знает, до чего могут довести такие впечатления, если повторять их каждый день! Пусть разум говорит вам: все, что способно так захватить наше существо, — музыка, внешняя обстановка, благоухания, — все это предчувствия грядущего времени, когда человечество будет обладать более совершенными и даже недоступными нам ощущениями. Но если культивировать все это в среде грубого суеверия, то благородное чувство притупляется и не только не способствует развитию человека, но, напротив, противодействует прогрессу.

Как бывает опьянение кровью, так возможно и мистическое опьянение сумраком. А известно, что всякое опьянение способно породить самые чудовищные явления.

Придет день, когда Монжюк будет разрушен и раскроются все его тайники. Сколько окажется там черепов, которые, как в дервиш св. Лаврентия, будут смотреть пустыми глазами впадинами в ту сторону, откуда несчастные ожидали нового света! И истинный свет засияет в тот день, восторжествует знание, загорится вечная зари.

Сколько жертв падет еще до того желанного дня? Когда читаешь чудовищную историю убийств пастухов, то видишь, что такое мания убийств, которая овладевает то одним человеком, то целым обществом людей... Таким кровожадным безумием одержима была и армия версальцев.

Такие моральные эпидемии страшнее чумы. Они исчезнут тогда, когда истинная свобода укрепит человеческий дух.

Луиза Миндель ¹⁵ Коммуна.

5. Рассказ делегата юстиции Прото о заседании Коммуны 5 апреля (по вопросу о заложниках) ¹⁶

Во вторник, 4 апреля, — сказал мне Прото, бывший в это время делегатом юстиции, — мы заседали уже с полчаса, и было около 10 часов вечера, когда вошел Шардон. Он был одет в форму полковника. Член Коммуны от XIII округа, Шардон сопровождал батальоны федератов, пытавшихся добраться до Версаля через шатильонское плато. Совершенно вне себя, весь в слезах, Шардон сообщил, что утром того же дня по приказу генерала Винуа ¹⁷ были расстреляны Дюваль ¹⁸. Подробности казни в Пти-Бисетре Дюваля и двух офицеров его штаба были сообщены Шардону пленным, которому, неизвестно каким образом, удалось бежать.

Тотчас же раздаются возгласы негодования и гнева. Все вскакивают со своих мест.

„Мы должны отомстить! Мы должны, в отместку, также начать расстреливать!“

Вносятся самые грозные предложения. Ригю требует, чтобы расстреляли архиепископа, арестованного еще накануне и в настоящее время заключенного в тюрьме Мазас. Он требует также, чтобы расстреляли арестованных одновременно с ним священников и пезуитов. „Нужно открыть тюрьму народу, который сам совершит правосудие!“ — восклицает кто-то. Шум и негодование достигают апогея.

Я прошу слова. Лишь с величайшим трудом мне удается

добиться относительной тишины. Я говорю Коммуне о той огромной ответственности, которую она возмет на себя, если ей не удастся противостоять тому потоку насилия, в сторону которого ее увлекают. „Па убийства, — говорю я, — не отвечают убийствами. Мы не должны нарушать международного права. Надо действовать легально.“

Зала страшно возбуждена. „Значит, — кричит мне Ратгуль, — нас будут продолжать убивать, а мы будем придерживаться легальности?“ „Нет, — отвечаю я ему, — можно быть страшными для врагов, оставаясь вместе с тем справедливыми и гуманными... Кроме того, в тюрьмах сидят не одни только враги Коммуны. Там есть люди, на которых поступили доносы, но которые могут оказаться невинными. Что мы должны сделать, так это принять законное постановление: составить, обсудить и одобрить, если оно покажется нам подходящим, предложение, устанавливающее систему репрессий, не выходящую однако из рамок законности.“

Мои коллеги выслали меня, почти не прерывая. Некоторые стали открыто на мою сторону. „Прото нашел правильный выход“, — заявил Лефранс, Делеклюз ¹⁹ встает с места, подходит ко мне и обвиняет меня. „Мы должны, — говорит Делеклюз, — поручить гражданину Прото, нашему делегату юстиции и наиболее среди нас компетентному в вопросах права, составить проект декрета, который он предложит нам в ближайшем заседании. Дабы ускорить это дело, я предлагаю закрыть сейчас заседание, а следующее назначить на 1 час ночи... у гражданина Прото будет достаточно времени, чтобы составить проект. Мы полностью полагаемся на него.“

Заседание прекращается среди величайшего возбуждения. На площади Ратуши меня догоняют мои друзья Брикон, Фонтан, Дезесель, ждавшие моего выхода с заседания. Я быстро излагаю им положение вещей. Все четверо мы направляемся в сторону Рынка, чтобы закупить. По дороге я обдумываю свой проект. Когда мы вошли в ресторан „Спокойный отец“, его редакция была у меня уже готова. Пока мои друзья закупывали, я набросал декрет в том самом виде, в каком он на следующий день был напечатан в „Официальной газете“. В рукописи не было ни одной поправки.

Мы возвратились в Ратгушу. Войдя в зал, я тотчас же передал мой проект председателю. Было около двух часов ночи. Председатель прочитал его очень многогласенному собранию, сохранявшему в это время полное спокойствие. Проект был единогласно одобрен. Находящийся в музее Карнавалэ протокол Коммуны ошибается, когда гласит, что проект был представлен Делеклюзом. Он допускает также другую ошибку,

утверждая, что Шардон огласил письмо, извещающее о смерти Дюваля. Шардон говорил, но не читал никакого письма. Он говорил весь в слезах, и было ужасное зрелище, когда этот колосс, в форме полковника и в красной перевязи, плакал точно ребенок, сообщая нам о смерти одного из наиболее геройских борцов нашей революции.

Вот каким образом был составлен и принят декрет о заложниках.

Из книги коммунара *Вильома*²⁰ — Две драмы.

6. Декрет о заложниках

Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы войны, как и законы гуманности; что оно повинно в ужасах, которыми не запятнали себя даже иностранные завоеватели;

что на представителях Коммуны лежит священный долг защищать честь и жизнь двух миллионов жителей, вручивших им свою судьбу, и необходимо теперь же принять все меры, которых требует создавшееся положение;

что, с другой стороны, как политические деятели, представители городской власти должны согласовать общее благо с уважением к общественной свободе;

Парижская коммуна постановляет:

Ст. 1. Всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, немедленно привлекается к ответственности и подлежит аресту.

Ст. 2. Не позднее двадцати четырех часов созывается обвинительное жюри для разбора поступающих к нему дел.

Ст. 3. Жюри произносит свой приговор не позднее сорока восьми часов.

Ст. 4. Обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, объявляются заложниками парижского народа.

Ст. 5. Всякая казнь военнопленного или сторонника законного правительства Парижской коммуны будет иметь своим немедленным следствием казнь тройного числа заложников, задержанных согласно ст. 4 и назначенных по жребию.

Ст. 6. Каждый военнопленный передается обвинительному жюри, которое и решает, задержать ли его в качестве заложника, или немедленно отпустить на волю.

5 апреля 1871 г.

7. Воззвание Коммуны о заложниках

Граждане!

Версальские бандиты ежедневно убивают наших пленных, каждый час приносит нам известия о новых убийствах.

Вы знаете виновников этих расстрелов: это — жандармы и полицейские агенты империи, это — роялисты Шаретта и Кателино ²¹, идущие на Париж с криками: „да здравствует король!“

Версальское правительство ставит себя вне законов войны и гуманности, поэтому и мы будем вынуждены прибегнуть к репрессиям.

Если наши враги будут продолжать пренебрегать обычаями войны, существующими между цивилизованными народами, и умертвят еще хоть одного нашего солдата, мы ответим им казнь соответствующего или двойного числа пленных.

Всегда великодушный и справедливый даже в порывах гнева, народ питает отвращение к кровопролитию, как и к гражданской войне, но его долг — принять меры самозащиты против варварских поступков своих врагов и, чего бы это ему ни стоило, воздать око за око и зуб за зуб.

Париж, 5 апреля 1871 г.

8. Арест священников

Важные аресты, произведенные в последние два дня по распоряжению Комитета общественной безопасности среди деревенников, вызвали очень значительные разговоры. Но циркулирующие по этому поводу среди публики слухи настолько противоречивы, что, исходя из них, было бы невозможно составить себе точное представление о происшедшем.

Большинство газет, поместивших заметки об этих фактах, были не только плохо осведомлены, но и сознательно извратили их. В силу этого рассказ их неточен, а выводы неправильны.

В нашем распоряжении находятся точные данные о происшедшем, дающие нам полную возможность удовлетворить любопытство наших читателей. Мы бы их непременно опубликовали, если бы только важность выставленных обвинений и необходимость продолжения начатого следствия не налагали на нас необходимости почти полного молчания.

Укажем только, что вот уже неделя, как внимание Комитета общественной безопасности обращено на присутствие в Париже опытных и прекрасно осведомленных шпионов, состоящих на службе наших врагов. Их тщательно искали и уже почти потеряли надежду найти, когда одно случайное обстоятельство наводило на след сначала одного, а затем и еще нескольких монахов. То, что было при этом выяснено, пролило полный

свет не только на то, чего искали, но также и на то, о чем до сих пор никто не подозревал.

Из данных, имеющихся в настоящее время в распоряжении делегата при бывшей полицейской префектуре, явствует, что уже в течение продолжительного времени парижское высшее духовенство не только предавало национальное дело ради дела церкви и жертвовало интересами Парижа ради интересов Рима, но и что оно самым возмутительным образом изменяло Франции и всеми силами помогало завоевателям в их борьбе против отечества.

В течение всего времени осады Парижа и особенно после того, как было получено известие о захвате Рима итальянским королевством, церковники всех рангов и всех мастей, по распоряжению Трошю ²² свободно и беспрерывно общавшиеся между нашими и прусскими передовыми линиями, являлись активной шпионской агентурой противника и сообщали враждебному штабу обо всех известных им данных военного характера.

Как известно, этот поток священников, монахов и прочих деревенников, подобно чуме, вдруг обрушившийся на наши передовые линии, вызвал в свое время всеобщее беспокойство. Свобода передвижения, предоставленная всем этим черноскапкам, казалась чрезвычайно подозрительной, и многие из именитых место несчастий приписывались молвой их присутствию.

Трошю не только предлагал принять меры предосторожности, но ему были сообщены даже совершенно конкретные факты, подтвержденные вескими доказательствами. Но он не обратил на это никакого внимания и не пожелал принять никаких предупредительных мер.

Было ли это просто излишней беззаботностью, или же полученное г. Трошю воспитание богобоязненного христианина и мистического солдата, а равно и его чисто шуанская ²³ ненависть к городу Революции привели его к мысли, что спасти церковь важнее, чем защитить Париж?

Этого мы не знаем, но, что не подлежит никакому сомнению, это то, что, прекрасно зная, какого рода услуги оказывают врагу находящиеся в рядах армии церковники, Трошю неизменно настаивал на сохранении этой прусской шпионской организации, о деятельности которой у него не могло быть никаких иллюзий.

Совершенно иначе подошел к этому делу Комитет общественной безопасности. Он прекрасно понял, что Революции противостоит ее старый враг — церковь и что в основе всех питрий лежат не мелкие денежные интересы, а вечный заговор людей прошлого против людей будущего.

В Риме прекрасно понимают, что для защитников ересь-ковья наступил критический момент. В Риме знают, что де-торья борьбы является Париж и что потому именно в Париже-важное всего победить. Именно на развалинах Парижа мечтает-Рим воздвигнуть свой триумфальный крест и затянуть свой-благодарственный "Te Deum".

Члены Комиссии прекрасно учитывают это положение. Поэтому, как только в их руках оказались доказательства-преступительской роли парижского духовенства во время войны, все их подозрения касательно палачности в Париже шпионской-организации оказались естественно направлены на людей, уже избалованных в аналогичных преступлениях.

Таковы соображения, определившие арест нескольких-видных представителей парижской церковной иерархии.

Первым был арестован в своем особняке на улице Гренелль-третьего дня, в 4 часа пополудни, господин Дарбуа, епископ-римского папы и сенатор Бонапарта. Его дом был окружен еще-накануне, и лишь после долгих поисков удалось найти спря-тавшегося архиепископа.

Доставленный в префектуру, он прежде всего пожелал-видеть другого священника, незадолго до того арестованного-по причине нахождения в подвале его церкви двух трупов. Затем он был препровожден в кабинет гражданского делегата,-гражданина Ригу²⁴, который со свойственным ему ледяным-спокойствием приступил к допросу арестованного.

Вначале г. Дарбуа пытался раздвигать роль доброго-апостола. Он подымал глаза к небу и обращался ко всем при-сутствующим:

"Дети мои!"

Гражданин Ригу тотчас же прервал его замечанием, что-он находится не перед детьми, а перед должностными лицами. Г. Дарбуа пришлось принять это к сведению.

Почти одновременно или немного спустя Комиссия арес-товала также г. Дегерри, кюре церкви св. Магдалены, ге-нерала иезуитского ордена, несколько человек из здания на-улице Почты и кюре из церкви св. Северина.

Найденные у г. Дегерри бумаги чрезвычайной важности не-оставляли никакого сомнения о связи, существовавшей между-парижским духовенством и мятежническим правительством-Версаля.

При аресте г. Дегерри имел место следующий комический-инцидент. Полицейский комиссар, гражданин Бридо, рассу-судившая какую-то бумагу, рассмеялся и неожиданно воскликнул:-"О, если бы об этом знал папаша Дюшен!"

При этих словах г. Дегерри проявил забавный испуг, кото-

рый прекратился лишь тогда, когда его уверили, что "папаша-Дюшен" не имеет никакого отношения к постигшей его не-приятности.

В настоящее время все арестованные находятся под стра-жей. С ними обращаются с величайшим вниманием, но вместе-с тем подвергают их строжайшей изоляции и бдительному на-зору.

Статья в газете "Социальная революция" (7 апреля).

9. Переговоры об обмене арестованных церковников

Революция 18 марта совершилась. Версальское правитель-ство обратилось в бегство, бросив все на произвол судьбы. Оно надеялось скоро возвратиться, в несколько дней срыва-вившись с "кучкой заговорщиков". Но на этот раз, едва-ли не впервые в истории, "заговорщики" оказались побе-дителями. Версаль до сих пор так и не удалось справиться-с оставшимся Парижем.

Через несколько дней после 18 марта Коммуна, нуждаясь-в сосредоточении всех своих сил и стремясь обезоружить-оставленных свергнутым правительством в Париже заговор-щиков, подвергла аресту и заточила в тюрьму Мазас, где-они до сих пор и находятся, ряд высших должностных лиц, не без основания подозреваемых в сношениях с неприятелем. К числу их принадлежат: парижский архиепископ Дарбуа, его-главный икарый Лагард, кюре церкви св. Магдалены Де-герри, бывший председатель сената Бланжан и т. д. и т. д.

Почти одновременно с этим, а именно 19 марта, агенты-правительства г. Тьера, как бы в ответ и в отместку за-восстание 18 марта, арестовали в небольшом южном городке-гражданина Бланки. Арест был мотивирован заочно состо-явшимся о нем смертным приговором за дело 31 октября.

Бланки, находившийся в едва ли не безнадёжном состоянии, был отправлен в тюрьму Физжак. Начиная со дня его ареста, никто, не исключая его друзей и ближайших родственников, не мог получить о нем никаких известий. Версальское прави-тельство приняло самые тщательные меры, чтобы место его-заточения держалось в величайшем секрете.

Когда Бланки, голосованием 26 марта, был послан в Ра-тущу, Коммуна почувствовала, насколько необходимым для-нее является присутствие в ее среде человека, политическую-дальновидность которого все ее члены, начиная с 4 сентября, не раз имели случай оценить. Она поняла, что, лишившись-Бланки, она по своей вине потеряет своего, может быть, наиболее авторитетного члена.

Тогда личные друзья Бланки, в полном согласии с требованиями членами Коммуны, предприняли шаги, имевшие целью добиться от версальского правительства освобождения Бланки в обмен на других арестованных.

Гражданин Флотт²⁵, старый товарищ Бланки по тюрьме и его давнишний друг, взял на себя эту трудную миссию. Он решил отправиться к содержащемуся в тюрьме Мазас архиепископу Дарбуа и наметить вместе с ним основы возможного обмена. Гражданин Рауль Риго, делегат при бывшей полицейской префектуре, вручил ему нижеследующий пропуск, находившийся в настоящее время перед нами, так же как и все публикуемые в дальнейшем документы:

Французская республика. Полицейская префектура. Кабинет генерального секретаря. Париж, 14 апреля 1871 г.

Начальнику тюрьмы Мазас.

Предоставьте гражданину Флотту возможность переговорить с главным викарием Лагардом и парижским архиепископом Дарбуа.

Делегат при б. полицейской префектуре
(подп.) *Рауль Риго.*

Личный пропуск, действительный без срока и в любое время.

Снабженный этим пропуском, гражданин Флотт отправился в кабинет архиепископа Дарбуа и изложил ему причину своего посещения. Архиепископ, в качестве посредника перед г. Тьером, предложил аббата Дегерри, кюрэ церкви св. Магдалины.

В виду некоторых возражений, сделанных гражданину Флотту гражданином Риго, отправиться в Версаль было поручено не Дегерри, а главному викарию архиепископа — Лагарду.

Гражданин Риго распорядился предоставить Лагарду возможность увидеться с Дарбуа, но обязательно *в присутствии* Флотта. Но Флотт, в смех своего кичливого ошута хороша замачивший, что значит пребывание в тюрьме, и движимый вполне понятным чувством человечности, удалился и оставил их наедине друг с другом.

Утром 12-го числа Флотт явился к Лагарду и принес ему приказ об его освобождении из тюрьмы, а равно и пропуск, позволяющий свободно достигнуть Версаля. Флотт предложил Лагарду поклясться, что он возвратится даже и в том случае, если его миссия не даст никаких результатов. Лагард исполнил это.

„Я вернусь, — заявил он, — даже если буду знать, что меня ждет расстрел. Да кроме того, неужели вы хоть на минуту

допускаете мысль, что я могу оставить здесь монсеньора одного?“

Флотт лично проводил Лагарда на вокзал. Перед тем как он сел в поезд, который должен был доставить его в Версаль, Флотт предложил ему еще раз возобновить данное им слово. „Если вы не собираетесь возвратиться, то лучше оставайтесь“, — сказал он ему. Лагард поклялся, что он вернется.

Он повез с собой нижеследующее письмо от архиепископа Дарбуа к г. Тьеру:

Тюрьма Мазас, 12 апреля 1871 г.

Господин президент!

Имею честь уведомить Вас о сообщении, сделанном мне вчера вечером, и прошу Вас поступить так, как Вам покажется ваша мудрость и человеколюбие.

Внимательный человек, тесно связанный с г. Бланки общностью политических взглядов и питающий к нему чувство старой и прочной дружбы, усиленно хлопочет о возвращении ему свободы. С этой целью он сделал соответствующим комиссарам следующее предложение: если г. Бланки выпустят из тюрьмы, то будут освобождены парижский архиепископ и его сестра, г. председатель Бошжан, кюрэ церкви св. Магдалины г. Дегерри и главный парижский викарий г. Лагард, тот самый, что вручит Вам настоящее письмо. Предложение это было принято, и меня просили поддержать его перед Вами.

Несмотря на мою причастность к этому делу, я позволю себе обратиться на него Ваше благосклонное внимание. Мотивы, по которым я это делаю, покажутся Вам, я надеюсь, вполне благовидными.

Среди нас накопилось слишком много причин для раздоров и раздражения, и раз представляется случай для соглашения, касающегося впрочем только лиц, но не принципов, то не будет ли благоразумным воспользоваться им и способствовать таким образом успокоению умов? Общественное мнение не поймет, быть может, причин отказа.

Среди переживаемого нами острого кризиса репрессии и экзекуции за мятельные деяния, даже если им подвергнутся два или три человека, усиливают ужас одних и гнев других и осложняют положение. Позвольте Вам сказать, не вдаваясь в подробности, что, при настоящем положении вещей в Париже, этот вопрос человеколюбия заслуживает Вашего полного внимания.

Наконец, господин президент, разрешите мне привести Вам мой последний довод. Тронутый тем рвением, с каким

лидо, о котором я говорю, проявляло свою столь искреннюю дружбу к г. Бланки, мое сердце человека и священнослужителя не могло устоять против его трогательных просьб, и я обещал ходатайствовать перед Вами об освобождении г. Бланки в самый ближайший срок, что и делаю.

Я буду счастлив, господин президент, если то, о чем я Вас прошу, не покажется Вам невозможным, я оказал бы тем самым услугу многим людям и даже всей моей родине.

Ж. Дарбуа,
архиепископ парижский.

Г-ну Тьеру, главе исполнительной власти.

Итак, Лагард отправился в Версаль 12 апреля. Проходят пять дней, в течение которых от него нет никаких известий. Наконец 17-го Флотт получает следующее письмо:

Версаль. 15 апреля 1871 г.

Господин Флотт!

Я написал мопсинуру архиепископу, по адресу начальника Мазасской тюрьмы, письмо, которое, я надеюсь, будет ему передано и, без сомнения, Вам сообщено. Но, согласно данному мне Вами разрешению, я считаю необходимым написать Вам непосредственно, чтобы довести до Вашего сведения о новой задержке в нашем деле. Я говорил уже четыре раза с лицом, к которому было адресовано письмо архиепископа, и мне придется, согласно его приказанию, ждать окончательного ответа еще два дня. Каков будет этот ответ? По этому поводу я могу сказать Вам лишь одно: я не пренебрегаю ничем, чтобы ответ этот соответствовал Вашим и нашим намерениям.

Во время первого свидания у меня явилась надежда, что оно так и будет и что я очень скоро возвращусь с хорошими вестями. Я, правда, натолкнулся на кое-какие затруднения, но вместе с тем встретил благожелательное отношение. К несчастью, напечатанное в газете „Освобожденный“ письмо, попавшее сюда после того, как мое послание уже было вручено, изменило настроение.

Состоялся совет, постановивший отложить решение вопроса. Дай бог, чтобы мне удалось наконец добиться успеха. Вы можете не сомневаться ни в моем рении, ни в моих желаниях. Позвольте мне к этому добавить, что в этом серьезном деле, столь Вас интересующем и так близко меня касающемся, я буду счастлив доказать Вам, и притом не только на словах, ту благодарность, которую вызвали во мне Ваш поступок и Ваши чувства. Что бы ни случилось и каковы

бы ни были результаты моей поездки, я сохрашу, поверьте мне, наилучшие воспоминания о нашей встрече.

Не откажите при случае передать мой привет сопровождавшему Вас другу и примите еще раз уверение в моем уважении и преданности.

Э. Ж. Лагард.

Письмо было датировано 15 апреля. Г. Тьер просил Лагарда отложить свой отъезд на два дня. Только 18-го не без основания обеспокоенный Флотт отправился к архиепископу и выразил ему свое неудовольствие по поводу поведения главного викария. Лагард не возвращался, и налицо имелось достаточно оснований заподозрить, что он решил остаться в Версале и, используя оказанное ему доверие, нарушить данное им слово, нисколько не заботясь о том, что могло вследствие этого произойти.

Архиепископ выразил свое удивление по поводу опоздания Лагарда. „Не может быть, — заявил он Флотту, — чтобы он остался в Версале. Он вернется, он мне в этом поклялся“.

Флотт выразил архиепископу желание получить собственноручно написанную им записку, которую он лично отнесет Лагарду. Тогда г. Дарбуа вручил Флотту следующее письмо: Парижский архиепископ — своему главному викарию г. Лагарду.

Г. Флотт, обеспокоенный происшедшей, повидимому, задержкой с возвращением г. Лагарда и желая снять с себя обвинение в нарушении данного им Коммуне обещания, отправляется в Версаль с намерением выразить посреднику свое негодование.

Я могу только просить г. главного викария ознакомить г. Флотта с точным положением вопроса и договориться с ним либо о продолжении своего пребывания в Версале еще на 24 часа, если это абсолютно необходимо, либо, если это будет сочтено более подходящим, о немедленном возвращении в Париж.

Париж. Тюрька Мазас. 19 апреля 1871 г.

Ж. Дарбуа, архиепископ парижский.

Но г. Флотт не отправился в Версаль. Его друзья указали ему на ту опасность, которой он подвергся бы там, как друг Бланки и его товарищ по борьбе и тюремному заключению.

Вместо него туда было послано другое верное лицо, которое отправилось 19 апреля и вручило Лагарду письмо архиепископа.

Лагард удовлетворялся тем, что просил передать Флоту следующую записку, наспех набросанную карандашом на клочке бумаги (записка эта, как и все остальные документы, находится у нас в руках):

Г. Тьер все еще задерживает меня здесь, и, как я уже неоднократно писал монсеньору, я вынужден ждать его распоряжений. Как только будет что-нибудь новое, я об этом немедленно напишу.

Лагард.

Итак, было совершенно ясно, что Лагард отказывается возвратиться в Париж. Данное им слово он ставил ни во что.

Что касается до Бланки и обмена заключенных, то об этом Лагард, повидимому, заботился меньше всего. Этот человек точно так же не боялся оставить в наших руках своих личных друзей и своего архиепископа, которые, вследствие его измены, должны были отвечать, как заложники. Полное деликатности и достоинства поведение гражданина Флотта показало ему, что в наших руках заложники подвергаются только одной опасности: горьким упрекам со стороны тех, кого так недостойно обманули.

С этого момента все было кончено, и печего было больше думать о Лагарде.

Мы изложили всю эту историю со всеми возможными подробностями для того, чтобы все знали ту степень доверия, которую мы оказываем нашим врагам, чтобы все признали, что теперь, как и всегда, честь, деликатность и уважение к клятвам находятся на стороне Революции, а не тех, кто против нее сражается и не стесняется в случае нужды использовать во зло наше легковерие.

Максим Вильом.

* * *

Пастоящая статья была закончена два дня тому назад. Несмотря на все, мы колебались с ее напечатанием, ибо все еще продолжали надеяться на возвращение, хотя и запоздалое, Лагарда.

Нас только что посетил гражданин Флотт. Он сообщил нам о записке г. Дарбуа, написанной в воскресенье 23 апреля и переданной послу Соединенных штатов г. Уомбергу, который взялся вручить и действительно вручил ее на следующий день г. Лагарду. Вот ее текст, который мы, если не ошибаемся, воспроизводим дословно:

По получении этого письма и в каком бы состоянии ни

находились порученцы ему переговоры, г. Лагард соблаговолит немедленно возвратиться в Париж и явиться в Мазас. Совершенно невероятно, чтобы десяти дней было недостаточно для правительства, которому нужно только решить, согласно оно или нет на предложенный обмен. Это опоздание нас сильно компрометирует и может иметь самые печальные последствия.

Мазас, 23 апреля 1871 г.

Ж. Дарбуа, архиепископ.

В течение всего этого дела, за всеми перипетиями которого мы имели возможность следить, г. Дарбуа всегда казался нам вполне искренним, и мы считаем себя вправе утверждать, что один только Лагард нарушил данное им слово.

Последнее известие от г. Дарбуа еще больше подтверждает наше впечатление. Папаisperубежденность заставляет нас отметить это обстоятельство, устанавливающее его невнимательность в нарушении данной им клятвы.

М. В.

В начале мая Дарбуа, через посредство американского посла Уомберна, пересылает Тьеру докладную записку, в которой говорится:

„Не имея точных сведений, мы можем предположить, что правительство, согласившись на предложенный обмен, боится, как бы не создалось впечатление, будто оно вступило в переговоры с Коммуной; возможно также, что оно считает освобождение Бланки опасным, принимая во внимание нынешнее возбуждение масс. В виду вышесказанного лица, заинтересованные как в Бланки, так и в архиепископе, выражают живейшее желание указать мудрости и человеколюбию г. Тьера на нижеследующие соображения, причем они полагают, что их доводы будут иметь гораздо больший вес, если они будут представлены г. Тьеру его превосходительством, послом Соединенных штатов.

Сущность вопроса заключается не в отношениях между правительством и Коммуной и не в вышепоименованных лицах. Эти последние решили, что архиепископ и четверо или пятеро других арестованных, выбранных г. Тьером, могут быть отправлены в Версаль, если будет существовать уверенность, что Бланки будет освобожден. Эта уверенность должна быть обеспечена словом посла Соединенных штатов, с согласия и разрешения на то г. Тьера.

Что касается освобождения Бланки, то не представляется

ли возможным, вместо официального на то приказа, осуществить его путем предоставления заключенному возможности бежать, причем обе стороны условились, что беглец не будет снова арестован, если только не совершит нового преступления. Таким образом правительству не придется иметь никакого дела с Коммуной, а лицо постороннее и не имеющее с ней ничего общего получит от г. Уомберна необходимую гарантию. Таким путем все могло бы быть улажено.

Освобождение Бланки не представляет никакой серьезной опасности даже при настоящем положении вещей.

Спротивление Парижа носит чисто военный характер, и присутствие в нем Бланки не может его изменить⁴.

К этой записке было приложено письмо Дарбуа к Тьеру с просьбой представить аудиенцию Флотту и выслушать его предложения.

Первое свидание Флотта с Тьером состоялось 13 мая. Вот что рассказывает о нем сам Флотт:

— «Если Коммуна решится на казнь заложников, — заявил Тьер, — она совершит чудовищное дело.

— От вас, г. Тьер, зависит, чтобы этого не случилось.

— Прекрасно; но скажите мне причину, заставляющую вас думать, что жизнь монасьора подвергается опасности.

— Бесчеловечное поведение версальских генералов по отношению к бордам Коммуны.

Г. Тьер кинул на меня быстрый взгляд и сказал:

— Вопрос об обмене обсуждался в Совете. Я могу, с согласия Совета генералов, сделать очень много, но без их разрешения — ничего. Я не знаю Бланки; говорят, что он умен и очень опасен; он принадлежит к крайней революционной партии.

Это первое свидание длилось более часа⁵.

Следующее свидание состоялось на другой день, 14 мая.

„Как только я вошел, — рассказывает Флотт, — Тьер заявил мне, что обмен невозможен, так как возвращение Бланки в лагерь восставших было бы равносильно посылке им на помощь силы, равной целому армейскому корпусу; но он уполномочивал меня передать архиепископу, что все может измениться со дня на день и что он ничего решительно не позабудет, чтобы вывести его из этого печального положения, в котором он находится.

Все это были конечно пустые обещания. Я заметил Тьеру, что в Мазасе находились, помимо архиепископа, еще и другие арестованные, и что если он подпишет немедленно приказ об освобождении Бланки, то Коммуна возвратит свободу всем заключенным.

Тьер ответил повым отказом.

— Хорошо, — сказал я ему, — дайте только слово, что вы подпишете приказ об освобождении Бланки, и завтра же взятые нами 74 заложника будут доставлены сюда.

Тьер снова ответил отказом.

При виде этой непоколебимой решимости мне ничего не оставалось, как удалиться⁶.

10. Русский посол во Франции Окунев канцлеру Горчакову

Версаль, 11/23 апреля 1871 г.

Г. канцлер!

Считаю своим долгом ознакомить императорское министерство с прилагаемым при сем просьбой, только что мною полученной от аббата Перона, первого священника военного госпиталя в Бисетре; целью этой просьбы является побудить представителей России, Англии и Австрии предпринять обращение к Парижской коммуне, чтобы добиться освобождения архиепископа, задержанного повстанцами в качестве заложника.

Такая же просьба была обращена еще несколько дней тому назад к Лойонсу и к графу Гойосу, австрийскому поверенному в делах.

Английский посол передал эту петицию лорду Гренвиллю и был уполномочен заявить аббату Перону, что английское правительство, не имея никаких сношений с Коммуной, лишено возможности предпринять какие-либо шаги в пользу монасьора Дарбуа⁷, тем более, что шаги эти вероятно ни к чему бы не привели.

Кроме архиепископа парижского повстанцами арестованы и содержатся в тюрьмах в качестве заложников около шестидесяти духовных лиц, — большинство из них парижские кюре. За время своего заключения монасьор Дарбуа отправил г. Тьеру два письма. В первом, которое было напечатано в газетах, как и ответ главы исполнительной власти, архиепископ писал о «искреннем обращении, которому, по словам членов Коммуны, якобы подвергаются задержанные повстанцы. Во втором, которое не было опубликовано, господин прелат просил об освобождении Бланки, сообщая Тьеру, что только этой ценой может быть достигнуто его собственное освобождение. Оба эти письма, очевидно написанные под давлением

* М. Вильям. Страница истории. „Официальная газета“, 1871, 27 апреля.

** Пометка Александра II: „Мы в том же положении“...

главарей восстания, произвели тяжелое впечатление на правительство; вполне отдавая отчет в опасности, которой подвергается монахию Дарбуа, он все же обвиняет его за проявление подобного малодушия. В освобождении Бланки отказано.

Примите и пр.
Окунеа

II. Письмо аббата Церона русскому послу Окуневу

Ваше превосходительство!

Перед лицом бедствий, сокрушающих наш дорогой Париж, и в страхе перед судьбой, угрожающей нашему достоинному архиепископу, задержанному в качестве заложника, мое сыновнее сердце француза тремещет, как и сердца других. Веря в величие и великодушие вашей славной нации, я позволяю себе просить вас, чтобы ваше превосходительство, по соглашению с вашими благородными коллегами, представителями Англии и Австрии, обратилось к людям Коммуны с требованием немедленно освободить нашего духовного учителя и отца.

Так как я не имел возможности повидать господина секретаря в парижском посольстве, благоволите мне разрешить, господин посол, обратиться с моей просьбой непосредственно к вашему превосходительству.

Не будучи дипломатом, я все же знаю, что дипломатия руководится определенными правилами, которых она не должна забывать; но я никогда не поверю, чтобы правила эти были установлены в противоречии с непреложными законами человеколюбия. Я же прошу об освобождении моего возлюбленного епископа не только во имя его личных заслуг, но также и во имя человечества, которому одним его заключением в тюрьму уже нанесено глубокое оскорбление.

Я хорошо помню, что собрание членов Парижской коммуны отнюдь не является ни правительством, ни подобием правительства и что в подобных условиях дипломатия, собственно говоря, не может вести никаких переговоров; но именно потому, что Парижская коммуна не является даже тенью правительства, имеющего право на существование, я и позволяю себе обратиться к вашему превосходительству, могущему в отношении подобных правителей считать себя совершенно не связанным никакими формальностями.

Я, как и многие другие, убежден в том, что эти низкие люди, минутные хозяева, захватившие власть путем престу-

плений и убийств, будут крайне польщены обращением вашего превосходительства и очень призадумаются, прежде чем отказать трем важнейшим европейским державам в их твердом и категорическом требовании; пусть даже они возгордятся этим коллективным обращением. Дипломатия, которая вырвет славнейшего из епископов нашего времени из рук его мучителей, может быть, и палачей, — не придется краснеть перед своими соотечественниками: ее должным будет вписан в историю человечества акт человеколюбия. С другой стороны, сколь достойно горячайших сожалений, если из фарисейской верности изменчивым, чисто условным правилам вы допустите совершиться низкому убийству славного защитника закона и справедливости. Парижское духовенство и духовенство всего мира, как и ваша совесть, сочтут вас ответственными за это.

Что касается возможных указаний на принцип немешательства, изобретенный несуществующей уже империей, то я не боюсь определить его применение в нынешних условиях, как проявление прискорбной человеческой слабости, чтобы не сказать больше; ведь совершенно очевидно, что затрагиваемый мною вопрос — вопрос исключительно личный, частный — вопрос человеколюбия. Кроме того, никакое правительство, из одного уважения к себе самому, не отнесется к этому вопросу, хотя бы с малейшим подозрением; напротив, каждое правительство несомненно пожалест, что не присоединилось в свое время к правительству вашего превосходительства; в особенности же, без всякого сомнения, с этим согласится версальское правительство, и от всего сердца. Надо заметить, что это — единственное правительство, которое не в состоянии притти на помощь архиепископу, — вешайся оно — это лишь осложнило бы положение; но ваше правительство, в согласии с правительством Англии и Австрии, может решиться на этот шаг, который несомненно приведет к определенным результатам: члены Коммуны, несмотря на всю заносчивость и кажущуюся самоуверенность, побоятся нанести оскорбление державам, раздражать кои отнюдь не входит в их интересы. Не дрожат ли они при одной мысли об ужасных часах, бедственно подстерегающих их у северных и восточных ворот?

Я настаиваю на своей просьбе, господин посол, так как предлагаю роковую участь, подготовляемую этими людьми моему епископу. Если бы, вопреки всякому вероятно, они оказались победителями, хотя бы на один день, — ничто уже не сможет сдержать их, и его кровь тотчас же будет пролита, так же как и кровь его товарищей по заключению. При поражении, которое несомненно последует, они

бы не простили себе, в дикой своей ненависти, что они не отомстили ему. Пусть они потерпят хоть какую-нибудь неудачу перед своим падением, и вы с поздним раскаянием увидите, что первой жертвой их ярости сделается высокий пленник.

« Не исполнен ли их декрет о заложниках самого кровавого красноречия? Я дрожу при мысли о том, что, даже решившись на выступление, вы не предпримете его с той успешностью, какая необходима.

Вы привыкли, господин посол, видеть около себя лишь великодушных людей и благородные чувствования, вы не можете и представить себе, до каких пределов достигает человеческая слабость, вы не можете и знать о существовании тех людских свойств, которые устрашают меня; но мы, священники, мы, которые живем среди этих диких зверей в образе человеческом, мы, которые стремимся пересоздать их и которым все же, несмотря на все наши молитвы, на все наше рвение, лишь изредка удается немного смягчить их звериные инстинкты, — мы-то ведь знаем, что в отношении нашего первосвященника надлежит ожидать самого худшего и что не на что надеяться со стороны этих людей, поскольку не последует обращения вашего превосходительства и ваших благородных коллег.

Со своей стороны, — смею вас в этом уверить, — вот уже в течение целой недели, не страшась быть схваченным их агентами, не меняя своего одеяния, я ходил по всяческим их притонам, лично, но тщетно прося разрешить мне, хотя бы со свидетелями, проникнуть в тюрьму моего епископа и предоставить себя в его распоряжение.

Несомненно, господин посол, не найдется ни одного обладającego сердцем человека, ни одной нации, которая не одобрила бы выступление вашего превосходительства; поверьте, что выступление это будет одним из славнейших в вашей жизни и послужит величайшим утешением для вас в ваши последние минуты: *Sequant opera eis*.*

Благоволите, господин посол, принять выражение моего глубокого уважения, с которым имею честь быть, господин посол, вашего превосходительства нижайшим и покорнейшим слугою от имени большого числа парижских священников первый священник военного бисетрского госпиталя в Париже

Аббат Анри Перон.

* Средневековая латынь: „Да последуют дела их за ними“.

12. Расстрел Варлена

Париж, 28 мая 1871 г.

Господин полковник!

Честь имею донести вам, что в течение 28 мая сего года, воспользовавшись вашим позволением посетить одного раненого 19 января офицера в походном лазарете улицы Сен-Лазар, № 90, г. Дарио, я был остановлен священником в партикулярном платье, который, видя меня проходящим по улице Лафайет, попросил меня арестовать некоего Варлена, бывшего министра финансов Коммуны, которого он мне и указал (этот священник был арестован по приказу Варлена и просидел под арестом целый месяц во время подлого управления Коммуны).

Я поспешил исполнить его просьбу, и Варлен, видя, что я узнал его и направляюсь к нему, хотел ускользнуть от меня, повернув в улицу Када; но я схватил его за шиворот и дотянул до улицы Лафайет, где подождал несколько солдат 3-го линейного полка.

Приказав скрутить ему хорошенько веревкой руки за спину, я, под хорошим конвоем, отвел его к дивизионному генералу Лавокупэ на Бют-Монмартр.

По дороге его узнавали все истречные, так что он, по прибытии в главный штаб, не мог отречься от своей личности. Между найденными при нем вещами находились: портфель с его именем, портмоне, содержащее 284 фр. 15 с., перочинный ножик, серебряные часы и визитная карточка какого-то Тридоана.

Представленный генералу, Варлен не захотел отвечать на вопрос; тогда я, по приказанию генерала, отвел его под конвоем к той стене в саду, где были убиты 19 марта наши храбрые генералы Леконт и Клеман Тома²⁸, чтобы его расстрелять на этом месте.

Толпа, которая в числе 3 или 4 тысяч человек сопровождала и узнала бывшего министра Коммуны, а также многие из окрестных жителей Бют-Монмартр присутствовали при казни и выражали свое одобрение.

Честь имею быть, господин полковник, с глубоким моим почтением ваш покорный слуга

Сикр, поручик 67-го линейного.

13. Казнь Милльера*

Под проливным дождем, среди давки ревущей и угрожающей толпы, среди двойной шеренги конвоиров, шел Милльер²⁷ в

* *Moinart* — *Memoires d'un contemporain de la Commune*. Paris, 1882.

черном, наглухо застегнутом сюртуке, в высокой шляпе. Один солдат и один агент в штатском, с двумя огромными револьверами за поясом, держали его за шиворот и за кисти рук.

Охрана остановилась у входа в Люксембург, под окнами ресторана Фуайо. В первом этаже Сисса, генерал, командовавший II корпусом, маркиз де-Кансеп, роялист, член Собрания, капитан Гарсан, в обязанность которого входил опрос арестованных, и другие сидели за завтраком и высунулись в окно, чтобы посмотреть на зрелище.

Раздавались беспорядочные крики: „Милльер! Смерть Милльеру!“ Один из солдат, державший ружье за конец дула без пытика, кричал: „Эго я его захватил!“

Суда никакого не было даже для виду. В двух шагах, в одной из зал Люксембургского дворца, помещался якобы военный суд. Но мысль свести туда депутата Милльера никому не пришла в голову, даже командиру II корпуса, наблюдавшему эту сцену из окна.

Один из солдат национальной гвардии с трехцветной пашивкой на рукаве, широкоплечий малый, схватил его за руку и оттащил к стене фасада. Кругом толпа продолжала вопить: „Вор! Убийца! Поджигатель!“ Кто-то крикнул: „Шапку долой, мерзавец!“ Милльер сохранял полное спокойствие; он положил шляпу на подножие колонны и скрестил руки,

Священник в высокой шляпе вышел из здания Люксембургского дворца; это был духовник расстреливаемых.

Убийцы из Люксембурга, а также из казармы Лобо оказывали это внимание своим жертвам и предлагали им религиозную поддержку; и часто священники совершали свои обряды и то время, когда края их рясы волочились в крону.

Милльер спокойным жестом отстранил священника. Аббат настаивал, один из офицеров предложил ему удалиться...

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА КОММУНЫ И КЛУБЫ В БОРЬБЕ С РЕЛИГИЕЙ И ДУХОВЕНСТВОМ

А. Статьи из газеты „Папаша Дюшен“¹
и письма из ее архива.

1

Папаша Дюшен знает, что Коммуна состоит из добрых ребят, которые неусыпно блюдут интересы народа.

И чорт возьми! Давно уж пора заняться этим делом!

Тысяча чертей! Слишком уж долго мы терпели, чтобы нас ставили ни во что, чтобы измыслились над всей бедной братней!

Папаша Дюшен убежден, что члены Коммуны не замедлят, как только у них появится досужий часок, заняться всей этой расовою сволочью!

О, чортова перечница! Это совсем не пустяк — вопрос о скуфейниках, которые богаты, как Крез, которые всегда старались держать народ в черном теле, фанатизируя добрых женщин своими маскарладами и утверждая в народе невежество и суеверие!

Они могущественны, эти прохвосты!

И они достаточно энергично возьмется там в подполье. Да, достаточно упрощено и энергично!

Папаша Дюшен убежден, что патриоты не станут упрекать его в том, что он солгал, когда он обызывает всех изуитов сволочами и негодяями!

Долой Трошиу²!

Повесить его, этого генерала римской полиции!

Вот когда папаша Дюшен порядком позабавится!

Итак, граждане, члены Коммуны, вашим долгом является заняться наконец этими прохвостами-скуфейниками.

И не позволять им больше, чтобы они измыслились над людьми народа, вдавливая им в голову грязные идеи, которые порождают рабов вместо того, чтобы делать людей, и которые развивают униженность и смирение вместо того, чтобы укреплять сознание человеческого достоинства.

Прошлое этой бражки слишком хорошо известно. Папаша Дюшен не имеет обыкновения рассусоливать то, что известно всем.

А все отлично знают, что скуфейник и патриот — это две разных вещи!

Папаша Дюшен никогда также не мог понять, как это добрые граждане позволяли своим различным правительствам сбавривать жалкие гроши народа в лапы этих ханжей.

О, гром и молния!

Народ слишком уж добр и щедр, отдавая свои четыре су на кормление кучи бездельников, которые пересмеиваются между собой и устраивают каждую пятницу пирушки, как ни в чем не бывало!

О, сволочи, о, негодяи!

Надо, чтоб все это в корне изменилось!

И возможно скорее!

Надо добиться того, чтобы у лентяев животы больше не были похожи на комоды, тогда как бедные трудящиеся парнишки плоски, как галеты!

О, паршивое отродье скуфейников!

Если бы папаша Дюшен был бы спичей в колеснице правительства, он быстро посадил бы на вертел этих святых перепелок, которые объедаются каждый день в виноградниках господа бога!

Будет, довольно! Граждане, члены Коммуны! Упраздните содержание всех этих бездельников!.. И пусть они работают, если хотят жрать.

Или пусть старые ханжи, которые ходят кривляться в исповедальни, оплачивают их, поскольку они пользуются их услугами, но патриоты, которые любят разговаривать с богом лишь на восьмой день недели и которые чихают на скуфейников, на этих ряженых ханжей, вот их, граждане члены Коммуны, совсем неразумно заставлять платить деньги на пропитание всей этой шати!

И это не все!

Дело не только в том, чтобы упразднить к чортовой матери содержание этой бражки, нет, чортова перечница, дело не только в этом!

Нам надо пужаться в деньгах, тысяча громов! И так как держки являются сооружениями государства, то правильно будет сдавать скуфейникам в аренду их святые лавочки.

Довольно давать им даром магазины, где они складывают и продают свои просфоры!

О, тысяча дьяволов! Хорошенько подумайте над этим делом. Папаша Дюшен полагает, что граждане члены Коммуны

не станут канителиться с этим вопросом, столь важным для интересов народа.

В аренду надо сдавать этим скотам все держки, ибо в конце концов не стоит стеснять свободу кого бы то ни было, и раз есть люди, которым доставляет удовольствие слушать скуфейника, то не стоит мешать им в этом.

Да здравствуют веселье и свобода для всех!

Папаша Дюшен время от времени изрядно забавляется, заглядывая в дырку на площади Обсерватории.

А когда он ездил в Лион, чтобы там печатать свой листок, запрещенный в Париже мерзким Винуа³, он козлом побежал глазеть на своего старого друга Петрушку, — вы ведь знаете доброго лионского Петрушку, — который подобно папаше Дюшену является верным приятелем народа и Коммуны.

И как он позабавился тогда!

Итак, будем уважать свободу всех, даже скуфейников.

Но так как это слоны лавочки, то надо их заставить оплачивать патенты, и, — тысяча чертей, — надо поставить их в такое положение, чтобы они не имели никаких преимуществ перед мелкой торговой бражкой!

Все здравомыслящие люди поддержат вас в этом, граждане члены Коммуны!

Неужели, чорт возьми, вы можете подумать, что это будет несправедливо?

Неужели вы можете помыслить, что когда папаша Дюшен, платит налог за свою псуную лавку, то ему доставляет удовольствие воспоминание о том, что часть его грошей пойдет в карман скуфейников! О, далеко нет, тысяча ведем им в зубы! Это приводит его в ярость!

И много таких патриотов, которые мыслят подобно ему!

А затем, граждане члены Коммуны, запретите им носить их пролеваные черные рясы, которым они обязаны большей частью своего авторитета у нашего бабья!

Пусть они одеваются как все порядочные люди!

Разве протестантские священнослужители или ересьякие равнины напяливают себе капюшоны на спину или бабья юбки на бедра подобно всей этой шпане?

Разве вы считаете возможным и удобным, граждане члены Коммуны, чтобы кроме масленичных дней люди паряжались подобным нелепым образом?

Разве вы считали бы возможным предложить папаше Дюшену, чтобы он, отправляясь к своему типографу Сормэ, вместо своей обычной карманной бумажки на манер клоуна?

Не допускайте, граждане члены Коммуны, чтобы эти субчики делали себя посмешищем как в физическом, так и в мо-

реальном отношении, чтобы это помогало им измываться над народом!

Сделайте это, граждане, и вы окажете большую услугу народу!

Вы этим покажете, что вы добрые и смелые ребята! Вся наша бражка, все мы, честные патриоты, будем с вами!

Вы этим не проявите никакого деспотизма.

Вы этим только подчините скуфейную шлану общим законам; и, право же, папаша Дюшен не думает, чтобы они имели право претендовать на что-нибудь большее!

Не стесняйте их торговли, не мешайте им думать, что им угодно.

Но подчините их закону.

Рассматривайте их, как других лавочников.

Позвольте им говорить, писать, печатать все, что им хочется.

Но если они хотят наряжаться в черные платья, как бабы, то разрешайте им это делать только во время карнавала!

О, теперь, когда версальская сволочь видит, что на этот раз наша добрая Коммуна отдала ей ноги, и надолго, она неистовствует от ярости и употребляет всевозможные средства, чтобы нас угробить!

О, тысяча чертей, о, вы, сволочные скуфейники, как вы скалите зубы на нас!

Наши добрые буржуа и лавочники Парижа никогда не забудут, как вы, плюя на все наши дорогие интересы, шептались и свихивались с версальским сбродом!

Мы помним вас, предатели, сбегавшие в Версаль, вы не вернетесь больше сюда, разрази вас гром!

Либо папаша Дюшен ничего не понимает и является круглым старым простофилей, либо патриоты, пока жия хотя бы один санжюлот, не потерпят, чтобы в их среду вернулась та шланя, которая занималась подделкой банковых билетов!

О, вы знаете, патриоты, что они делали, эти сволочи, чтобы сохранить власть!

Вы знаете, — и папаше Дюшену нет нужды напоминать вам об этом, — что в течение шести месяцев они втаптывали в грязь трупы добрых ребят, которых они заставляли умирать без счета, тогда как остальные, их родные и близкие, должны были умирать с голоду!

О, тысяча ведем, папаша Дюшен побагровел бы от стыда, если бы ему пришлось убеждать вас, что все это — мерзавцы и предатели!

Ныне наша добрая Коммуна обретается в полном благополучии, и папаша Дюшен вполне удовлетворен ею, если не

считать его желания иметь указанное выше небольшое дополнение к хорошему закону о квартиронанимателях, дополнение, которое может облегчить положение добрых ребят, так много до сих пор страдавших!

Знаете ли вы, патриоты, что все они чувствуют себя теперь ущемленными и что они готовы на все, чтобы утопить нашу

дорогую Коммуну, на страже которой столь неуспешно стоят добрые граждане!

Эти прохвосты не боятся вносить дезорганизацию в деятельность общественных учреждений и во всю жизнь города!

Они, эти негодии, успели унести уже несколько денежных ящиков, чтобы наши молодцы национальные гвардейцы не могли получить свою кровную плату! Правда, их затея не удалась, ибо Коммуна догадалась открыть мастерские и дать работу всем, кто в ней нуждается.

Затем они остановили обозы с припасами, направлявшиеся в Париж, надеясь, подобно скотине Бисмарку, сломить патриотов голодом. О, тысяча чертей, мы не положим оружия, хватит с нас того, что нас выдали пруссакам!

Сегодня, кроме того, папаше Дюшену сообщили, что пройдоха Рампон позволил себе дезорганизовать почтовую службу, потому что добрые парни из Коммуны не захотели оставить почту в руках друга версальских сволочей, потому что казна Коммуна приняла меры, чтобы добрые патриоты наблюдали за маневрами реакционеров и не заставляли нас палить глаза на лживые плакаты и извещения, подобные пруссацкой дешеше Фавра!

Я спрашиваю нас, добрые буржуа, разве обычно не подозревают всякий, кто живет в доме с дурной славой? Но ведь, гром и молния, дом, из которого вышли версальцы, это дом с отвратительной славой у патриотов!

Вы, версальские сволочи, недовольны еще теми гадостями, которые вы причинили добрым патриотам, вы стараетесь еще при помощи ваших гнусных интриг вызвать гражданскую войну?

Мы являемся общим голосом всей республики, нас выдвинуло всеобщее народное голосование, поэтому мы — ваши хозяева! А вы, вы — подделанная народная воля, вы — искаженный голос народа, произнесенный под чужеземным ярмом!

Вы нас предали, продали и покрыли позором!

Вы хотели нас угробить, погубить вдребезги! Хватит, вы поработали достаточно!

Хотите ли вы, чтобы мы применили репрессивные меры! Берегитесь, как бы папаша Дюшен не собрался идти в Версаль!

Как бы он не явился выпороть вас, мерзавцы и негодии! Выпороть жестоко, до крови!

2

Чорт возьми, патриоты, приходится признать, что Коммуна лишь движется вперед и что за два последних дня она

приняла отнюдь хорошие меры. Бы все конечно читали вчера этот великолепный декрет, изданный в пользу бедных квартированных жителей, которые не в состоянии заплатить и срок и которые так и не окажутся в состоянии расплатиться, как это предвидел уже давно ваш старый друг, печной торговец, который себе на уме, не подавая виду, и который, заверяю вас, отлично видит поверх своих очков.

Но этого мало! Судить нашу добрую Коммуну следует не только по тем важным решениям, которые она принимает в пользу народа и мелкой буржуазии, но и по другим ее мероприятиям, запечатленным духом справедливости и революции.

Вчера например она вынесла отличные резолюции, доставившие чертовское удовольствие панаше Дюшену.

Прежде всего Коммуна объявила, что никто не может быть одновременно членом проклятого собрания аристократов, упорно отсиживающегося в Версале, и членом Парижской коммуны.

Это — великолепное решение, вполне справедливое! Теперь прожженные адвокаты, которые раньше считали своей монополией выступления от имени народа, больше не посмеют соваться с такими претензиями.

Эти субчики, которые никогда не выполняют своих обязанностей, считали для себя вполне естественным занять теплые местечки, получать жалованье за ничегонеделание и; не моргнув глазом, смотреть на то, как народ загоняется его врагами на самое дно траншеи.

Но наши brave коммунары — ребята из другого теста. Они правильно подошли к делу.

Если какой-нибудь тиц, избранный народом Парижа, позволил себе хотя бы секунду колебаться между парижским муниципалитетом и скопищем маленького мерзавца Тьера, то этого вполне достаточно, чтобы усмотреть в нем реактского прохвоста, обманувшего патриотов.

Тут не приходится канителиваться. Надо выбирать между народом и королем!

И Коммуна хорошо поступила, что без всяких обиняков высказалась по этому вопросу.

Есть однако и второе решение, вызывающее, пожалуй, еще больше восторга, чем первое.

Коммуна, проголосовав законность избрания гражданина Фрейкеля⁴, который является хорошим парнем, принадлежащим к Интернационалу, высказалась за то, что в принципе «иностранцы могут быть допущены в Коммуну»⁵.

Вот это дело! Это — хороший пример и отличный урок идютам, которые отдели в Бордо нашего старого Гарибальди⁶ под тем предлогом, что он родился в Ницце.

Мне хочется спросить у вас, — разве нельзя быть китайцем или еще кем-нибудь и тем не менее иметь те же здравые и справедливые идеи?

Когда это дошло до сведения панаша Дюшена, он испытал полное удовлетворение.

Прежде всего, вы конечно понимаете, что ему доставил удовольствие факт допущения Фрейкеля в коммуну, и не только потому, что это его приятель, но и потому, что этот парень является вполне надежным человеком, большим докой, несмотря на свои черные лапы, способным хорошо послужить народу.

Но что больше всего порадовало панашу Дюшена в этом деле, так это торжество принципа. Принцип, чорт возьми, это — вещь, о которой приходится думать в первую очередь!

Итак, принцип заключается здесь в том, что для республиканцев нет ни границ, ни национальных различий, которые служат лишь для того, чтобы порождать раздоры и заставлять людей убивать друг друга, в то время как все народы являются братьями и друзьями.

Следовательно республиканцы никогда не должны спрашивать человека: из какой ты страны? Спрашивать надо: что ты делаешь, какую пользу приносишь ты народу? Человек принадлежит той стране, которую он любит, которой он служит и которой он приносит пользу.

Но по этому вопросу, чорт возьми, лучшим судьей может быть только сам народ!

Добрые ребята из Коммуны отлично это поняли, они показали, что они — честные люди и что у них действительно достаточно политического разума, раз они кроме того заявили, что звание члена Коммуны предполагает само собой знание и обязанности гражданина.

Эти слова, чертовски правильные, вызвали даже слезы на глазах старого панаша Дюшена, ибо они напомнили ему про день, который находится уже далеко позади, но память о котором никогда не изгладится из его сердца. Это — тот день, когда Конвент, также состоявший из хороших ребят, хотя он и совершил большую несправедливость в отношении продавца железного лома⁶, принял в свою среду доброго друга, которого и теперь олицетворяет панаша Дюшен, Анахарсиса Клоута⁷, которого санкюлоты того времени называли оратором рода человеческого.

О, это был отличный патристический праздник и превеликая радость для всех друзей народа.

Когда-то панаша Дюшен не в состоянии был подумать об этой поре, не уважая своих ресниц, но теперь он, наоборот,

любит возвращаться к этому времени в своих воспоминаниях, ибо ему не приходится ни о чем больше жаль.

Он потерял свою дорогую республику и снова обрел ее еще более прекрасной.

Когда аристократы были сильнее, чем сейчас, они, как вы знаете, всегда умудрялись в законах, которые для них сочинялись их стряпчими, как-нибудь угодить прохвостам-скупейникам.

Это конечно теперь не может больше продолжаться!

И наша добрая Коммуна, которая поняла, что давно пора с этим покончить, скоро приведет в порядок весь вопрос о расносах. Давно уже все жалуются на этот счет.

Дело вовсе не в том, чтобы подвергнуть их преследованиям.

О, гром и молния! Они были бы очень рады этому!

Нет, дело вовсе не в том. Дело не в гонениях на расносных скотов. Дело в том, чтобы заставить их подчиниться общим законам, чтобы законы нации применялись к ним так же, как и ко всем гражданам.

Для начала коммунальный советник, делегированный в полицейскую префектуру, который является, повидимому, нарцем, что надо, опубликовал небольшой декрет, который на вид совершенно пивинен, но который тем не менее порядком взбесит богоедов.

С нынешнего для расносным попрошайкам воспрещается во всех местах заключения Парижа огулывать бедных заключенных своими похабными молитвами и хлебать вино каждое воскресенье под предлогом служения обедни, на которую и высокой степени пашеждать людям, ее слушающим.

Ничего не скажешь, мероприятие на большой налед!

Скажите мне, пожалуйста, на кой чорт нужно было, чтобы эти ряженные тонзуриносды набивали себе карманы за счет заключенных!

Я знаю, что мне могут сказать, будто все это нужно было для нравственного исправления преступников.

Но какое же глупое представление нужно иметь о человеческом роде, чтобы воображать, будто можно исправить посаженных в тюрьму бездельников, демонстрируя им каждое воскресенье со всякими церемониями расносного паразита, который отращивает себе живот, ничего не делая, и который имеет возможность бесплатно заливать за галстук не одну чарку доброго вина!

Вы можете думать все, что угодно, но это шелево.

Кроме того у меня есть все основания думать, что не следует особенно доверять морали жюра.

Если у попов так много добродетели, что они готовы дать напрокат известную толкуку ее другим, то почему же попы являются героями бесчисленных скверных историй, о которых папаша Дюшену не приходится говорить более подробно, но которые рисуют расносную бражку вовсе не в таком свете, чтобы в ней можно было видеть образец нравственности!

Наша добрая Коммуна отлично знает, что нравственное воспитание — вещь хорошая, но что для этого нет никакой нужды в скупейниках.

Раньше или позже она займется участием заключенных и предпримет в этой области, как она это уже сделала в ряде других, все необходимые меры, чтобы заменить, — и это будет чертовски хорошо для человечества, — кару исправлением.

Когда эта реформа будет проведена, тюрьма больше не будет для бедных осужденных местом страдания и огулления, она превратится в школу труда, откуда люди будут выходить преобразенными, возрожденными, готовыми занять свое место в обществе и заняться настоящим делом, чтобы зарабатывать себе на пропитание трудом.

Но для этого не следует их обкрадывать, как это делалось раньше, растрачивая плоды их труда на содержание грязных скупейников, и особенно не следует набивать им головы всякими лживыми выдумками пройдох-жюра, способными лишь развращать сердце, вместо того, чтобы его укреплять.

Для того, чтобы действительно нравственно воспитывать заключенных, следует прежде всего послать ко всем чертям всю шапку торговцев молитвами и просфорами...

Надо показывать заключенным действительно хорошие примеры труда и выдержки.

И только тогда, чорт возьми, дело пойдет как по маслу, и скупейники останутся с посом.

3

О, тысяча ведем и чертей! Сегодня у папаша Дюшена выдался хороший денек!

Вчера, опрокидывая чарочку с Жан-Баром, он веселился целый вечер, так как ему пришла в голову чертовски хорошая мысль относительно того, чтобы насолить скупейникам и послужить интересам нации.

Папаша Дюшену пришлось в голову, что неплохо было бы изъять полсотни добрых патриотов из своего батальона и отправить с ними рано утром сплутить с постели проклятых расносцев из семинарии св. Сульпиция, поставить их в ряды национальной гвардии и отправить на передовые позиции.

Вот что было бы хорошим делом!

К несчастью, эта идея папаша Дюшена потерпела неудачу.

Он остался в дураках, потому что у него нашелся кон-курент.

Повидимому, эта же мысль пришла в голову другому парню, который поднялся утром еще раньше, чем папаша Дюшен. Факт таков, что у папаша Дюшена перехватили его мысль, и ему пришлось по-идиотски остаться с носом!

Но вот, чертовщина, другой-то дал маху.

Он, как дурак, удовлетворился тем, что захватил ректора семинарии. А пока он его ташил, остальная шпана задала тягу через забор.

Это порядком рассердило граждан национальных гвардейцев.

Вот уж чего не могло бы случиться, если бы папаша Дюшен проводил это дело.

Он прежде всего расставил бы часовых вокруг общегития, так что ни один из этих святых собачьих сынов не смог бы улизнуть.

А вот теперь все эти проклятые хорьки гуляют себе на свободе и посмеиваются в кулак, тогда как нашим добрым ребятам приходится себе ломать шею, защищая нашу добрую Коммуну.

О, тысяча ведьм и чертей! Можно ли примириться с такой гадостью!

Можно ли допустить, чтобы вся эта бражка продолжала, как и прежде, отлынивать от общих обязанностей!

О, тысяча громов! Разве законы не созданы для них так же, как и для других!

Надо покончить со всей этой гнусной лавочкой.

На Коммуне лежит обязанность предпринять необходимые меры для того, чтобы ее декреты уважались всеми и применялись ко всем.

Коммуна должна принять меры, чорт подери!

Папаша Дюшен требует мер, и строгих!

Коммуна провозгласила, что все здоровые граждане должны входить в состав национальной гвардии, что все парни от 17 до 35 лет должны войти в состав маршевых отрядов, что дает им право и возможность душить по черепам версальских негодяев.

Как же это происходит, что, несмотря на этот декрет, и теперь еще улицы Парижа полны всей этой дезертирской рваньи, которая продолжает себе разгуливать как ни в чем не бывало!

Я знаю, что кой-кого из них уже прибрали к рукам,

По этого недостаточно.

Надо, чтобы не делалось исключения ни для кого. Особенно необходимо, чтобы этот декрет распространялся и на попов.

Эти прохвосты жгли, пытали, обезглавливали и всячески мучили нас в течение 18 веков.

Эти они освящали своими проклятыми молитвами и благословениями все злые замыслы против интересов народа.

Эти они всегда старались услужить своими гимнами и песнопениями всем тиранам всего мира.

Эти они в своих лавочках воспевали на обедах преступлений всех народов.

Эти они продавали нас оптом и в розницу в течение всей этой войны с пруссаками, так дорого обошедшейся нам.

Эти они наконец олицетворяют нашими грошами всех негодяев, которые расстреливают наших молодых, которые пытаются и убивают наших вождей.

И вот им-то мы должны предоставлять возможность свободно разгуливать по бульварам!

Довольно!

Шинели надеть на этих мерзавцев!

Дать им сапоги на ноги и ружье на плечо, и марш, вперед, в первые ряды батальонов!

Пожалуйте в первые ряды, мерзкие попишки!

История оказывает вам большую честь, ставя вас в первые ряды защитников Коммуны!

Любопытно будет посмотреть, как шуацы Шаретто⁸ и напские зуавы будут выглядеть, когда они увидят ваши постылые рожи перед дулами своих ружей!

Папаша Дюшен готов заплатить целых четыре су, чтобы присутствовать при этом зрелище! Так вот, наша добрая Коммуна, ты не смеешь отказать папаше Дюшену в этом удовольствии.

4

О, грязные потаскухи!

И кто бы это мог сказать, глядя на ваши благочестивые физиономии!

И вы хотите заработать себе место на небе таким путем! О, чортова перестрелка!

Разве в раю, куда, по словам скуфейников, принимают только порядочных людей, может быть место для подобной рвани коричневой?

Нет, чорт побери!

Или папаша Дюшен — самая последняя сволочь!

А ведь это, чорт возьми, не так!

Знаете ли вы, патриоты, что они разделявают, эти потаскухи?

Послушайте, что вам расскажет папаша Дюшен;

Эти вот драки, которые пальцем не шевельнут для нации, которые занимаются тем, что молятся бывшему господу богу в промежутке между жратвой, вместо того, чтобы работать, что они делают?

Эти драки расчиханы старыми сполочными режимами по госпиталям и богадельням, куда вынуждены отправляться не имеющие средств граждане, проработав всю жизнь для прокормления бездельников!

И вот в этих госпиталях и домах призрения эти женщины живут себе в свое удовольствие и делают все, что им заблагорассудится. Папаша Дюшен хорошо знает все делишки в этих местах, когда-нибудь он займется разоблачением этой гнусной организации.

О, тысяча ведьм им в зубы!

Когда-то, когда газеты и журналы Парижа подняли вопль против монастырей, где все пороки расплодись подобно гнилым и ядовитым мухоморам, все ханжи и лицемеры начинали единогласно рычать, утверждая, что мы неблагодарны по отношению к этому отродью, которое, мол, приносит большую пользу бедным людям.

О, чорт возьми!

Время это прошло!

Эти мы-то неблагодарны!

И за что!

Ведь когда они ухаживают за патриотами, находящимися в пучке или беспомощном положении, то ведь они на это тратят не собственные деньги; разве все эти богадельни и приюты строятся и содержатся не на средства, данные всякими собственниками, которые из страха перед бывшим дьяволом ухlopывали свои денежки на такое дело!

Нет, напиши, теперь все по-иному! Все это наше и должно принадлежать нам! Впрочем, чорт подери, все дело еще не в этом! Есть кое-что другое, о чем хочет поделиться с вами папаша Дюшен! Есть у него кое-что совсем свеженькое, достойное нашего обсуждения и отклика!

Ныче утром папаша Дюшен нашел в своем почтовом ящике несколько писем от раненых граждан надиональных гвардейцев, которые жалуются на то, что их обижают,

держат в черном теле, заугивают разными угрозами, и кто бы вы думали?

Эти грязные потаскухи-напхахины, которые работают в городских госпиталях!

О, гром и молния! Только этого не хватало!

И знаете ли вы, почему проклятые монахи так относятся к своим обязанностям сестер милосердия?

Знаете ли вы, почему они вместо того, чтобы оказывать самое нежное внимание и неустанное попечение нашим борцам, находящимся в беде, бьют баклуши или огрызаются на всякий призыв раненых?

Потому что, как они говорят, патриоты дрались за Коммуну!

Это может довести до белого каления!

Видите ли, для того, чтобы угодить этой мерзкой шпане, следовало бы, чтобы граждане Парижа отправились прямо в лапы версальцев, смиренно отдали себя на растерзание, вместо того, чтобы драться с ними до конца с той революционной стойкостью, которая их отличает!

Не угодно ли! Что на это можно сказать!

О, потаскухи!

Патриоты отправляются драться за свободу Парижа, за свое существование, за свою независимость, за свое достоинство, патриоты ведут смертельную борьбу за свое будущее, за свое грядущее благополучие, за то, чтобы их не задушила скотская сила провинций.

Патриоты дерутся.

Патриоты подставляют себя под пули и снаряды, патриоты ведут борьбу в такой обстановке, где каждый может быть убитым десять раз в день, рискуя оставить вдову с грудным младенцем на руках!

И вот, когда кто-нибудь из них получает добрую пулю в грудь и попадает в госпиталь,

то есть бездельники, которые смеют ему сказать:

А, ты ранен за Коммуну!

А, сволочь, убирайся вон!

Нет, голубчик, от нас ты ничего не получишь за это.

Подыхай, подлец!

Это — единственный способ для тебя избежать веревки!

Подыхай поскорей!

И ты еще надеешься на помощь, простофиля!

Это тебе-то оказать уход и попечение!

Ухаживать можно лишь за жандармами и патриотическими наемниками, защищающими порядки короля, знать, скуфейников и всю благомыслящую сволочь!

О, тысяча чертей, миллион ведем!

Так не может продолжаться! И так не будет продолжаться!

Папаша Дюшен не в силах сдерживать свою ярость!

Он задыхается от гнева!

Он даже не в состоянии опрокинуть свою чарку вечером,

обсуждая городские дела! А ведь папаша Дюшен любит свою вечернюю чарочку!

Папаша Дюшен требует, чтобы наши добрые патриоты были призреваемы как следует!

Или мы, чорт возьми, посмотрим!

Прежде всего гораздо лучше было бы, если бы не было такого количества служащих, на которых тратится столько денег, тогда как они ничего не делают!

Благодаря дурацкой организации пенки достаются бюрократам, писакам, а уж снятое молоко — патриотам.

Вот почему приходится наводить экономию в уходе за больными и ранеными, вот почему всякого рода немоющим, лишившимся трудоспособности, всем добрым людям, которые раньше делали тяжелую и грязную работу и на этой работе потеряли свое здоровье, получая грошовую оплату, вот почему всем этим людям приходится часто терпеть измывательство над собой!

Этого не должно быть, чорт подери!

Напротив, надо, чтобы каждый мог заработать себе на жизнь, чтобы каждый оправдывал свое существование трудом, чтобы никто не бедствовал, раз у него есть мужество и желание работать, чтобы никто не страдал, если он после многих лет труда потерял способность работать.

Вот поистине патриотическое мнение!

И только бездельники в состоянии возражать против него, так как если все будет устроено так, то им вместо того, чтобы бражничать, придется подтянуть животы!

Но все это изменится!

Папаша Дюшен в этом уверен!

Ибо нынче он получил отличное патриотическое письмишко от гражданина Трейра⁸, назначенного Коммуной директором общественного призрения.

Папаша Дюшен убежден, что гражданин Трейр раскроет все злоупотребления.

Да! Это несомненно будет так!

Гражданин Трейр наверняка посчитается с папашей Дюшеном, он отнесется весьма внимательно к справедливому гневу папаши Дюшена и примет меры, чтобы все дражи-сестры были выставлены ко всем чертям, так как они не ухаживают за патриотами.

Гражданин Трейр, разумеется, примет меры, чтобы патриоты, раненые в войне с версальскими наемниками, были как следует накормлены и напоены,

чтобы на место всех этих благочестивых кривляк, втирающих очки своими постыжными рожами, на место всех этих прокля-

тих монахинь с их четками и подсвечниками, во всех госпитальных
были поставлены добрые гражданки,
гражданки пожилого возраста,
тщательно подобранные,
способные к уходу за больными
и имеющие мягкий и спокойный характер!

О, насколько же будет лучше уход за нашими ранеными,
если это будет поручено испытанным матерям семейств, с
их руками, привычными к уходу за ребятами и за больными,
к вещи, требующей величайшей деликатности и чуткости!

Тогда дело наших раненых борцов пойдет гораздо лучше,
чем теперь, когда их здоровье доверено старым девам, ханжам
и фанатикам или послушницам, совершенно непривычным к
этому делу!

Тогда наши добрые патриоты, слезшие от раны или от
боязни, получат снова возможность опрокинуть в своей ком-
пании чарку доброго вина, а вместе с вином хлебнуть и
веселья.

Тогда, чорт возьми, и старый папаша Дюшен будет спокоен
относительно того, что будет с ним, когда ему доведется
слечь в постель!

5

Папаша Дюшен получил нынче утром чертовское удовле-
творение,

когда он прочел великодушный декрет Коммуны, упразд-
няющий политическую и профессиональную присягу.

Ознакомившись с этим декретом, он тут же с удоволь-
ствием воскликнул:

Чорт возьми, вот хорошее мероприятие!

Принимая этот декрет, наши добрые ребята из парижского
муниципалитета доказали, что они — порядочные люди, что они
не считаются со всякими бездельниками, которые будут кри-
виться по этому поводу.

Папаша Дюшен считает, что они были правы, говоря:

На кой дьявол нам присяга?

От нее ни тепло ни холодно!

Папаша Дюшен не станет возражать против подобного
мнения.

Папаша Дюшен считает однако своей обязанностью раз-
яснить вам, патриоты, что вся эта штука имеет чертовски
большое моральное значение.

Папаша Дюшен считает необходимым спросить вас: разве
честно при совершении какого-нибудь публичного акта при-
зывать или брать в свидетели какое-то идиотское божество

которое не что иное, как мерзкая выдумка скуфейщиков
рассчитанная на то, чтобы лучше обмануть народ,
выдумка, которой наука не признает!

Нет, разрази меня гром! Это не хорошо, это бесчестно!

Тот, кто имеет моральное чувство, не станет подсовывать
ложь в залог правды и истины.

Вот почему наша добрая Коммуна решила, что надо предо-
ставить этот старый трюк гнусным монархическим прави-
тельствам,

которые не способны, подобно ей, жить в атмосфере
справедливости

и которые все свое существование основывают на обмане
и безнравственности.

Она хорошо поступила, наша добрая Коммуна!

Присла, это — штука, которая подходит для Баденге и
прочей сволочи.

Честные ребята не нуждаются в подобной церемонии для
того, чтобы убедить в своей преданности и долге.

Они просто исполняют свой долг.

По их делам, а не по их словам надо судить об их па-
триотизме.

А если, тысяча громов, находится такой парень, который
сбивается с прямого пути и позволяет себе изменить нации,
то его просто убирают ко всем чертям без всяких обиняков
и проволок.

Папаша Дюшен полагает, что для всего этого не к чему
вовсе призывать господа бога.

6

О, тысяча чертей!

На этот раз папаша Дюшен собственными глазами видел все!
И ни одна собака не посмеет упрекнуть его в том, что
он говорит о вещах, которых он не видел.

Несмотря на то, что папаша Дюшен не хотел в это верить,
несмотря на то, что множество патриотов, его друзей,
рассказывали ему об этой проклятой штуке,

папаша Дюшен счел необходимым лично удостовериться,
ибо дело достаточно серьезное.

Словом, опрокинув утром свою чарочку, он отправился в
предместье Антуан и направился в монастырь, находящийся
на улице Никюс.

Здесь он прежде всего крепко пожал руки своим добрым
друзьям — национальным гвардейцам, которые занимались здесь
в это время дьявольски патристическим делом,
вышибая за ворота всех этих бездельниц-монахинь, которые,

судя по тому, что видел папаша Дюшен, вели здесь гнусный образ жизни.

О, дьяволышня, в этом больше сомневаться не приходится! Когда-то об этом новсюду ходили самые разнообразные разговоры.

Бывало, когда папаша Дюшен проходил иногда мимо этих высочайших белых стен, он думал про себя:

„О, чортова дюжина! Хорошие дела должны разделяться за этими стенами!“

И он был прав, папаша Дюшен!

И хорошо было бы еще, если бы здесь только бражничали и гуляли! Это бы еще пустяки!

Но нет, патриоты, здесь происходили вещи, куда более мерзкие!

Вещи, которым вы едва ли поверите!

Здесь мучили и пытали несчастных девушек, так как многие из них, совершенно резонно убедившись, что за этими стенами им не видать настоящей жизни, пытались уйти из монастыря.

Весь грех их заключался в том, что они хотели вырваться из монастырского плена,

что они, чорт возьми, сознавали свой долг быть добрыми матерями семейств,

воспитывать малышей, вместо того чтобы проводить свое время в распевании молитв и в продавании грошей бедного люда!

Папаша Дюшен собственными глазами видел те проклятые нищи, если только можно их так назвать, те мерзкие ямы, куда закидывали этих несчастных девушек!

Он видел также и орудия пытки, все эти железные корсеты, эти вериги, проклятые плети!

О, эти проклятые монахини!

Папаше Дюшену некогда было все осмотреть, так как он торопился к себе в типографию печатать свой листок,

который он считает полезным для патриотов, так как он говорит им всю правду весело и грубо, без обиняков и жеманства.

И все же он успел увидеть в монастыре всякого рода одеяния и наряды,

подземелья, которые по своему убранству были так же похожи на монастырь, как гвоздь на панихиду.

Вот где монахини бражничали в свое удовольствие!

Здесь они опрокидывали не одну чарку, здесь они занимались, чорт бы их подрал, кое-чем и другим!

В монастыре был обнаружен набитый бутылками и бочками погреб и такое количество припасов, которого хватало бы на пропитание целого полка в течение всей осады!

А в это самое время наши добрые ребята-патриоты подыхали с голода у ворот этого проклятого гнезда!

Все это не может располагать к ним человеческое сердце!

И все это, патриоты, чистой правды, разрази меня гром!

Папаша Дюшен ни капельки не заливает здесь!

Вы можете сами идти и убедиться в этом. Смеем вас заверить, что наши молодые национальные гвардейцы не запретят вам этого сделать.

Вы увидите эти ниши, где приходилось по девяти лет лежать несчастным девушкам, вы увидите орудия пытки.

Папаша Дюшен сказал вам еще далеко не обо всем, что ему пришлось видеть. Тысяча дьяволов! Вы бы просто лопнули от ярости, патриоты!

Впрочем, об этом еще будет вестись следствие!

Врач этого вертепа сидит под замком!

Надо думать, что ему развяжут язык.

Так вот видите, патриоты, какова цена всяким словам о нравственности этой яснойосной рвани!

Так вот, патриоты, разве не прав был папаша Дюшен, когда он говорил вам, что безнравственно оставлять эти священные лавочки в руках бездельников, которые злоупотребляют своим правом, которые творят внутри этих лавочек всякие бесчисленные гадости.

Если папаша Дюшен неправ, то заткните ему рот и прогоните его ко всем чертям!

Довольно! Надо прибрать к рукам всю эту скуфейную шатию!

Папаша Дюшен сам пойдет порыться в их святых лавочках. посмотрим, к чему это приведет.

7

О, тысяча ведьм и дьяволов!

Клянусь, что это уже превыше всякой меры!

Скуфейники снова показали *копачки своих ушей!*

Так не может больше продолжаться!

Вы знаете, патриоты,

— папаша Дюшен не упускал случая, чтобы поговорить на этот счет в своем листке, —

что комиссар по обучению, который чертовски хорошо понимает интересы патриотов, издал декрет, который наконец запретил набивать ребячьи головы всякой ерундой и который начисто устранил скуфейников от дела народного обучения!

Вот чего хотел комиссар по народному образованию!

Папаша Дюшен, чорт возьми, обеими руками подписывался под этим декретом.

Так вот в 5-м районе, куда папаша Дюшен частенько заходит к одному из своих друзей-патриотов опрокинуть чарку, в 5-м районе, за Пантеоном, наши ребята деятельно принялись за то, чтобы провестись в жизнь меру, предписанную комиссаром по народному образованию!

Но, гром и молния! Скуфейники оказывают сопротивление!

Они еще делают вид, будто их обидели!

Они по-настоящему вздумали помешать осуществлению декрета нашего доброго парня-комиссара!

Так, по крайней мере, об этом сообщает сегодняшняя афиша гражданина Вальяна!

Не уютно ли, чортова перестница!

Ну можно ли, патриоты, терпеть всю эту сволочь!

Всех тех, которые вот уже 80 лет бросают палки в колеса прогресса, быстро продвигающегося вперед, несмотря на все препятствия,

которые изо всех сил мешали революции, пробивавшейся наверх из народных недр!

Иные революция совершилась!

Красное знамя не может склониться перед сутанами попов!

Да здравствует Коммуна! Долой всех тех, кто противодействует ее утверждению!

Позор тем, кто проповедует невежество, кто тащит людей в скотство и оглушению,

кто тянет к деспотизму,

к эксплуатации нищеты богатством,

к торжеству капитала!

Старый мир потерял крах! Ничто из прошлого не должно вылезть из-под его обломков!

Дорогу разуму, просвещению,

которые одни только в состоянии сделать людей свободными!

Вон скуфейников из народной школы!

8

Добрый папаша Дюшен!

Читая ежедневно вашу газету, мы с удовольствием отмечаем, как вы заботитесь о народных нуждах; но исполнение ваших прекрасных и справедливых декретов происходит не скоро. Я знаю, что нашей Коммуне много дела; но и народные нужды не терпят отлагательства; нужда дошла до крайних пределов. Посмотрите на мое положение, и вам откроюсь, как отду. Я не

состою в законном браке, но люблю одного молодого человека, с которым живу в супружестве уже давно и в полном согласии. Злой рок судил, чтобы он был призван 26 июля как бывший солдат; он попал в плен под Мецом; его последнее письмо от марта месяца прислано из Везеля, в Пруссии; в нем он писал, что со дня на день ждет возвращения. С тех пор писем больше не было. Какое горе! Я знаю его чувства и убеждения. Я захворала от огорчения после его отъезда и три с половиной месяца пролежала в больнице; выписалась только 22 декабря. Я получила единственное пособие — два фута хлеба в неделю. Я много страдала и мучилась и теперь дошла до крайней нищеты; нет ни денег, ни работы, лишилась хлебного пайка, обносилась, снесла в ломбард все, что было: белье, черный плед, платье, — все пошло туда.

Я знаю женщин, которые состоят в браке не больше, чем я, и получают 75 сантимов в день, потому что их мужья состоят в Национальной гвардии; а мой всегда был для меня настоящим мужем и оставался бы им и теперь, не будь войны. И у меня нет ничего, а ничего не получаю и должна умирать с голоду. Ах, добрый папаша Дюшен, — этого нельзя назвать ни равенством ни братством.

Прошу вас, позвольте нам расклеивать афиши от имени Республики, мы готовы умереть от снарядов. Итак, 75 сантимов для всех или работу, выдать наши вещи и белье из ломбарда, безразлично, когда бы они ни были заложены, а из драгоценностей — только обручальные кольца. Все будут довольны, ручаюсь вам за это.

Еще один вопрос, который меня очень беспокоит; поистине более несчастной, чем я, нет в настоящее время; с моего домовладельца требуют платы контрибуции, а он в свою очередь требует денег с меня. У меня же — ни гроша, вот отчаяние. Научите нас, что делать, прошу вас; мы надеемся только на вас, чтобы выпутаться из этого затруднения.

С братским приветом
гражданина Ф. Роз-Пренс.

Бульвар де-ла-Виллетт.

9

Париж, 27 апреля 1871 года.

Старый отпрыск папаша Дюшена!

Помнишь ли ты, старина Дюшен, ту тираду, которую ты поместил против чернорабочих (около 80 лет тому назад) и в которой ты писал между прочим: „Зачем епископы и аббаты имеют доходы по 400, 200 и 250 тысяч фунтов? Разве не для того, чтобы их стол был еще более лакомым, чем у

короля? Не для того ли, чтобы иметь прекрасные экипажи, бешено играть в азартные игры и содержать балерин из Оперы, — которые одеваются роскошнее герцогинь"... И ты добавил к этому следующее: „Эти клобуки полны самозванцев, потому что они получают все это за то, что бездельничают и глумятся несколько молитв, от чего ни законов не прибавляется, ни хлеба не убавляется“ и т. п. и т. п. и многое другое.

Ну, а теперь тебе безызвестно, что все эти чернокожники ведут борьбу не на живот, а на смерть против Парижской коммуны и маленьких коммунах Франции из-за того самого декрета об отделении деревни от государства, за который ты опорожнил столько чарок. Ты прекрасно знаешь, что эти негодяи признают Коммуну не больше, чем своих незаконных детей, и не применяют в провинции этого декрета, пользуясь невежеством и суеверием, в котором они держат бедных крестьян.

Вот, что пишет мне мой друг из провинции, которому я послал твою газету. Над ней вся деревня помирала со смеху, но не мало народу и призадумалось. У них появились мысли и некоторые наблюдения; не надо забрасывать эту добрую почву. Некоторые даже пообещали, что, как только версальцы забудутся опять в свои боры, они пошлют тебе своего доброго вина. Что, старый мухобой, небось, у тебя потекли уже слюнки?

А вот тебе и факты: один священник из-под Амьена составил тариф на свои службы в лавочке молитв (факт установлен точно и происходил в названном месте). Обряд крещения совершается по трем разрядам: за 1-й — 20 франков, за 2-й — 12 франков и за 3-й — 8 франков. В ответ на удивление крестьянина поп, сообщая ему цены на свой товар, сказал поучительно: „Виной тому Парижская коммуна, нам тоже надо жить. Вы нас не слушали, когда мы указывали, куда она вас приведет с этим отделением деревни от государства, а теперь, добрейший, тебе придется платить за все“. Проклятый ханжа, как будто налоги берутся не для того, чтобы его оплачивать. Вот что делает невежество. Если бы крестьянин разбирался, он бы не стал возмущаться республиканскими принципами и правом Коммуны. Видишь, старина, что получается и что продолжают эти бритые макушки, они возбуждают крестьян против Парижа.

А вот и по поводу твоего гнева на домовладельцев: один домовладелец отказал выдать моему приятелю квитанцию за три взноса квартирной платы единственно по той причине, чтобы потом потребовать с него опять два или три взноса.

Тебе известна недобросовестность и злоба этих торгашей-убеждаем, как будто у Коммуны нет законов и справедливости для всех по праву, и в том числе и для домовладельцев.

И раз уж ты суешь твой нос повсюду, то распей бутылочку с расклеиваемыми афиш и скажи им, чтобы они употребили побольше клея для афиш о Национальной гвардии, потому что они очень длинные. Я видел, как один патриот приклеивал афишу хлебным мякишем, чтобы ее не сорвало ветром. Понимаешь ли, ведь, если бы какой-нибудь версалец из тьеровской пайки прошел мимо нее, он бы ее сорвал моментом, а если все углы приклеены хорошо, тут уж не сорвешь.

Да прикрикни еще раз на этих чертовок, жен национальных гвардейцев, которые удерживают своих мужей дома, разнося всевозможные тревожные слухи и всякий вздор, который распространяют предатели.

Подталкивай постоянно членов Коммуны, чтобы они не дремали и не давали залеживаться своим декретам. Пусть они не разыгрывают из себя важных персон; если между ними будет больше согласия, у них будет больше сил для защиты Коммуны, а не своей персоны.

Не пришлешь ли мне, дружище Дюшен, твой № 6-й, у меня его нехватает, а иметь его хочется. Не сердись, что я тебе тыкаю, и позволь мне быть тебе полезным и указывать от времени до времени на ошибки, упущения и всякие злоупотребления.

(Прости за ошибки).

С братским приветом Ирины Даше.

6, улица Бина

Б. Статьи из газеты „Гора“.

1

Монсеньор архиепископ парижский

В 1848 г. во время июньского сражения был убит на баррикаде один прелат. Это был монсеньор Аффр — архиепископ парижский. Говорят, он взмог туда не как представитель какой-либо партии, а как апостол, чтобы проповедывать евангелие, чтобы концом своего золотого креста покорить дымящиеся дула ружей.

Его подняли, омыли его рану, набальзамировали. Он был погребен с великой пышностью, как мученик, как святой. История посвятила ему проникновенные страницы, и над его могилкой буржуазия дала вклятуху вечной ненависти к револю-

дионерам. Эта смерть оправдывала в их глазах зверства Кавельяка. Тогда выдумали, будто в руках, израненных до кровавых оковами, были найдены обрывки диловой мантии.

Это была ложь. Еще и поныне неизвестно, с чьей стороны был нанесен удар; еще неизвестно, была ли то пуля солдата, или же пуля повстанца.

Республиканцы сложили головы, чувствуя на себе проклятие за это пролитие священной крови. В то время еще верили в божественные миссии, в неисполненных провидением людей, и на весах справедливости епископская падаля весила более, нежели труд рабочего.

Провешение сделало из нас скептиков; мы видели, как Сибур чокался своей святой дароносицей с надгробным бокалом Бонапарта; мы знаем, отчего красен каблук папской туфли. Конечно мы более не верим в бога: революция 71 года атеистична; наша республика изображается с букетом импортедлей у полица. Мы без молитв провожаем наших мертвых в могилу и наших женщин на брачное ложе. Святые отцы, наши дочери не будут более преклонять с бормотаньем колени в темноте ваших исповедален. Вы не будете более сечь наших ребятишек.

Наш великий город труда изгоняет лентяев и тунеядцев. Бегите! Кончайте свою монашескую жизнь; засучите рукава ваших ряс, возьмите в руки рогатицу, ведите плуг.

Лучше петь, погоняя быков, чем распевать псалмы.

Смените дерковные сосуды на кружки, где пелится молодое вино. Сбросьте с себя четки и приминайтесь за колбасы. Позабудьте любовь в ризницах. Оставьте одежду клиросных мальчиков, лучше вам темного помять белые косынки красивых девушек.

Пусть выпорхнут на волю монахищи, пусть одним прикосновением ножищ они перережут шпурсы своих передников, распустят волосы, снимут свои нагрудники.

Их белые пальцы созданы не для монастырского безделья, их губы — не для поцелуев св. Терезы.

В их окруженных грудях есть молоко, чтобы выкармливать мужчин.

Бегите, бегите скорей, завтра уже будет, может быть, поздно!

Берегитесь народного гнева! Если народ вдруг начнет рыться в ваших делах, начнет подсчитывать ваши преступления, вспомнит об обещанных вами или сведенных с ума девушках, о детях, которых вы заморили или сделали идиотами, — он не оставит камня на камне от ваших дерквей, он разорвет в клочья ваши ожиревшие тела.

Роясь в подземельях ваших монастырей, каждый день открывают все новые и новые содеянные вами гнусности.

Вчера еще гражданин Прото взломал тюрьму, где вы содержали целый выводок молодых девиц. Почему вы делали это? По какому праву? Во имя какой справедливости? Чем они провинились? Они хотели любить; они отказались склонить свои юные головы под палку идиота-отца или под розгу ханжин-мачехи.

Берегитесь!

Вас могут заставить искупить грехи Арбуаса и Торквемады, Александра VI и Трестайона 10.

Зуб за зуб! — провозгласила Коммуна.

Что, если вам припомнят Галилея и Яна Гуса, если к вашим губам поднесут кубок Медици, если вам в спину вонзят книжка Лукреции Борджиа?

Зуб за зуб! Вы нас истребляли сотнями во время Варфоломеевской ночи. Око за око! В течение целых веков мы были слепы.

Не говорите нам о боге. Пугало это нас более не страшит. Слишком долгое время он служил лишь предлогом для грабежа и убийств.

Ведь это во славу божью Вильгельм выпил полную каску нашей самой чистой крови; ведь это папские солдаты бомбардируют Терр.

Мы упраздним бога!

Наши собаки не хотят больше только смотреть на епископов, они их хватают; наших пух не остановят ваши напечники; не раздастся ни одного проклятия нам в тот день, когда архиепископ Дарбуа будет нами расстрелян.

Пусть это знает г. Тьер, пусть об этом не забывает дерковный староста г. Фавр.

Мы взяли Дарбуа заложником и, если нам не выдадут Бланки, — он умрет.

Коммуна обещала так поступить, и если бы она колебалась в своем решении, то народ сдержал бы эту клятву за нее. И не обвиняйте его!

Пусть судят трибуналы, — сказал Дантон на другой день сентябрьских избраний, — тогда прекратится суд народный.

О, я очень боюсь за монсиньора архиепископа парижского. Газета „Гора“ № 19 (21 апреля).

Гюстав Марот

Итак, нужно платить.

Нет ничего легче, как это сделать, но нужно только поторопиться.

Требующиеся 5 миллиардов находятся у нас в руках. Сожмите же ваши руки покрепче и затем разожмите их над сумой старого слепца Вильгельма! Бросьте в его суму имущества церкви, и пусть этот слепец отправляется затем к себе бормотать свои молитвы торжества! Когда наступит время, мы заткнем ему глотку нашими мозолистыми руками, мы свернем шею этому торжествующему индюку!

По торопитесь, ибо иначе неминуемо бедство этих толстых, разжиревших монахов и развратно-лидемерных монахинь! И на спинах своих они унесут мешки с червонцами, собранными из кармапов невежественных и трусливых матерей семейств, пснутанных дураков и подлых мерзавцев...

Остановите их, ибо время не терпит! Опорожните их мешки, обыщите их кармапы — ведь их деньги принадлежат нам. Пересчитайте их угольные шахты, измерьте их поля, леса и луга, конфискуйте их дома, захватите их золотую и серебряную утварь — все это принадлежит Революции! Бросьте же все это германскому императору, и пусть он делает с этим, что ему заблагорассудится. Мы ведь все равно получим все обратно в день великого пробуждения народов Германии, когда мы понесем им животворящее семя труда и социальной революции. И, получив обратно все эти богатства, мы разделим их, чтобы превратить их в тот хлеб, который мы будем вместе поедать, и в то вино, которое мы будем вместе осушать над навеки погребенными трунами тирании, насилия и невежества.

Торопитесь же с вашим великим делом отделения церкви от государства! Пусть она убирается отсюда, эта церковь! Пусть она отправляется куда угодно, лишь бы не было здесь этой заговорщицы, обогащенной даяниями верующих. Пусть ее утварь исчезнет из лавок и алтарей, пусть поповские рясы служат отныне лишь в качестве подкладки для шинелей наших национальных гвардейцев! Пусть проповедники, исповедники и аистослы лидемерной и часто человеконенавистнической любви навеки исчезнут из нашего отечества равенства, свободы и всемирного братства!

Изгоните их проповедь невежества и подлости!

Заставьте исчезнуть эту фантазмагорию, заставляющую дрожать всех слабых, женщин, детей!

В чем заключается их сила? Костюмы, представления, то веселые, то мрачные; оглушительные и вызывающие бред неспешности; духи и финианы, пробуждающие чувственность влюбленных с вечными сплывами под глазами, девушкам; возбуждающие краски, ослепляющие иллюминации. Пусть же все эти декорации ступают перед ярким солнцем Революции — без этого мы ничего не достигнем!

Сделав набросок Революции, — а то, что вы до сих пор сделали, граждане, еще не более чем набросок, — нужно прежде всего дорисовать до конца.

Чтобы этого добиться — нужна смелость.

Будьте же смелыми, граждане из Коммуны!

Францез Дик

„Гора“ № 1 (2 апреля).

3

Гражданам — членам Коммуны.

Парижская Коммуна издала вчера два прекрасных и важных декрета. Один из них предает суду членов версальского правительства и конфискует в пользу нации имущества этих предателей. Другой — отделяет церковь от государства и изгоняет попов и монахов из больших аббатств и старых монастырей...

...Монахи застегивают свои сандалии и берутся за посохи странников. Монахини удирают, сбрасывая свои большие белокрылые чепцы.

Я не сомневаюсь, что немалая толика нашего золота будет унесена ими в подолах их рас. Но и того, что останется, будет достаточно, чтобы Коммуна смогла прокормить вдов наших солдат и воспитать их сирот.

Гюстав Марото

„Гора“ № 4 (5 апреля).

Р. Статья из газеты „Коммуна“ (1871 г.).

Никогда не сжималось у меня сердце так, как в тот день, когда литераторы из Коммуны, ограниченные пределами от Пей и до Шаронна, от Янгильды до Бонда и от Вальола до Ванна, отнюдь не являясь сами государством, осмелились декретировать захват государством имущества духовенства и религиозных конгрегаций.

Что за глупость, в самом деле, осквернять столь великую идею, чтобы иметь всего-навсего возможность превратить в патифранковые монеты посуду и кухонную утварь нескольких церквей!

Реквизиция имущества конгрегаций не может, казалось бы, вызвать протестов при наличии тех финансовых трудностей, которые мы имеем в настоящее время.

Для того, чтобы оправдать собственность, часто говорят, что источником ее является труд. Но этого никак нельзя сказать про церковную собственность. Основой ее является лишь страх перед адом и обещание рая. Продажа мест на

небе является таким видом торговли, при котором всякий доход составляет чистую прибыль. Такая торговля как нельзя лучше подходит под статью 405 Уголовного кодекса*.

В самом деле — статья эта применяется к колдунам, чародеям, магнетизерам, пророкам и знахарям, но все они гораздо честнее, нежели торговцы освобождением от чистилища.

Церковные имущества не представляют ни затраченный труд, ни произведенную ценность, ни обмен, даже неравный; в них — все одной стороне и ничего другой.

Более того, они равносильны двойной оплате. Священник, оплачиваемый государством, заставляет кроме того платить и верующих; расходы учащихся или благотворительных общин возмещаются коммуна и благотворительными учреждениями. Таким образом дарения в их пользу не могут рассматриваться как возмещение за оказываемые ими услуги или за приносимую ими пользу; они целиком оставляют чистую прибыль.

Если бы церковь была хоть сколько-нибудь патристичной, то патристизм ее не мог бы не проявиться в моменты кризисов, подобных настоящему. Она бы тогда не преминула заявить: „Я являюсь резервом для тяжелых годов; общественная и частная благотворительность сделала меня их казначеем. Получайте же, берите, что вам надо, и пусть мое вмешательство спасет труд от смерти и небытия“.

Но церковь, безразлично — католическая ли, или протестантская, это наиболее яркое воплощение казеного духа современного общества, не только не предлагает истерзанной родине своих сбережений, но, напротив того, старается уклониться даже от платежа падающей на ее долю части расходов.

До 1789 г. духовенство из всех способов вложения капиталов предпочитало землю. Таким образом его собственность была у всех на виду. В настоящее время оно стало более подозрительным и боится новой реквизиции. Из недвижимых имущества оно владеет только строго необходимыми: помещениями, огородами, садами, местами для прогулок и т. д.

Церковные здания, настоящие казармы для монахов, а равно и семинарии и пансионаты, представляют ценность лишь при использовании их по их прямому назначению. Подлинное же богатство церкви заключается в ценностях на предъявителя, железнодорожных акциях и облигациях (французских, но не римских железных дорог!), ренте (государственной, но не папской!), бумагах Финансового кредита и т. д.

* Статья эта предусматривает мошенничество.

Угроза Коммуны заставляла церковь припрятать все эти богатства.

Часть их будет конечно разыскана. То, что будет найдено, сможет быть употреблено на уплату военной контрибуции, не выносимой при этом вреда ни одной части национального богатства. А для экономиста это соображение является решающим.

Жорж Дюшен

Г. Церковь и ее богатства.

Некоторые газеты и несколько корреспондентов в довольно резкой форме обвиняют нашу газету в том, что она подняла завесу, скрывавшую от реквизиции богатства собора богематери.

„Пароль“ не только не отрицает помощи, которую он оказал этой реквизиции, но, напротив того, решительно заявляет, что, если бы он знал о существовании еще каких бы то ни было принадлежащих духовенству богатств, он бы немедленно заявил об этом Коммуне.

Мы считаем и будем всегда считать, что, поскольку Иисус христос родился в хлеву, единственное сокровище, которым богоматерь должна обладать, это — охапка соломы. Что касается до всех церковных ценностей, то мы без обиняков заявляем, что считаем их национальным достоянием уже в силу одного того обстоятельства, что они имеют своим источником щедрость тех, кому церковь обещает райское блаженство. А ведь уголовные кодексы всех стран сходятся на том, что обещание вымысленных благ в качестве компенсации за какие бы то ни было реальные ценности есть не что иное, как мошенничество.

В силу каких соображений запрещается врачам быть наследниками своих пациентов? Потому, что предполагается, что, пользуясь страхом смерти, они могут воздействовать на ум своих больных и в обмен за обещание выздоровления заставить их вписать свое имя в завещательный акт.

По разне церковь и ее служители не находятся в таком же точно положении? Мы не знаем, как первые христиане понимали религию, подвергнувшись с тех пор столь странным изменениям и дополнениям, но факт тот, что вот уже несколько веков как религия эта служит поводом для всевозможных видов шантажа и мошенничества.

Поэтому нам гораздо больше правится, когда Коммуна производит реквизиции у церкви, чем у торговцев.

„Копеечек или ад“ — такова в настоящее время единственная программа католического духовенства. Но так как француз-

небе является таким видом торговли, при котором всякий доход составляет чистую прибыль. Такая торговля как нельзя лучше подходит под статью 405 Уголовного кодекса*.

В самом деле — статья эта применяется к колдунам, чародеям, магнетизерам, пророкам и знахарям, но все они гораздо честнее, нежели торговцы освобождением от чистилища.

Церковные имущества не представляют ни затраченный труд, ни произведенную ценность, ни обмен, даже неравный; в них — все одной стороне и ничего другой.

Более того, они равносильны двойной оплате. Священник, оплачиваемый государством, заставляет кроме того платить и верующих; расходы учений или благотворительных общин возмещаются коммуна и благотворительными учреждениями. Таким образом дарения в их пользу не могут рассматриваться как возмещение за оказываемые ими услуги или за приносимую ими пользу; они целиком составляют чистую прибыль.

Если бы церковь была хоть сколько-нибудь патриотичной, то патриотизм ее не мог бы не проявиться в моменты кризисов, подобных настоящему. Она бы тогда не преминула заявить: „Я являюсь резервом для тяжелых годов; общественная и частная благотворительность сделала меня их казначеем. Получайте же, берите, что вам надо, и пусть мое вмешательство спасет труд от смерти и небытия“.

Но церковь, безразлично — католическая ли, или протестантская, это наиболее яркое воплощение казеного духа современного общества, не только не предлагает истерзанной родине своих сбережений, но, напротив того, старается уклониться даже от платежа падающей на ее долю части расходов.

До 1789 г. духовенство из всех способов вложения капиталов предпочитало землю. Таким образом его собственность была у всех на виду. В настоящее время оно стало более подозрительным и боится новой реквизиции. Из недвижимых имуществ оно владеет только строго необходимыми: помещениями, огородами, садами, местами для прогулок и т. д.

Церковные здания, настоящие казармы для монахов, а равно и семинарии и пансионы, представляют ценность лишь при использовании их по их прямому назначению. Подлинные же богатства церкви заключаются в ценностях на предъявитель, железнодорожных акциях и облигациях (французских, но не римских железных дорог!), ренте (государственной, но не папской!), бумагах Финансового кредита и т. д.

* Статья эта предусматривает мошенничество.

Угроза Коммуны заставила церковь припрятать все эти богатства.

Часть их будет конечно разыскана. То, что будет найдено, сможет быть употреблено на уплату военной контрибуции, не намоет при этом преда ни одной части национального богатства. А для экономиста это соображение является решающим.

Жорж Дюмен

Г. Церковь и ее богатства.

Некоторые газеты и несколько корреспондентов в довольно резкой форме обвиняют нашу газету в том, что она подыала завесу, скрывавшую от реквизиции богатства собора богоматери.

„Пароль“ не только не отрицает помощи, которую он оказал этой реквизиции, но, напротив того, решительно заявляет, что, если бы он знал о существовании еще каких бы то ни было принадлежащих духовенству богатств, он бы немедленно заявил об этом Коммуне.

Мы считаем и будем всегда считать, что, поскольку Иисус христос родился в хлеву, единственное сокровище, которым богоматерь должна обладать, это — охапка соломы. Что касается до всех церковных ценностей, то мы без обвиняков заявляем, что считаем их национальным достоянием уже в силу одного того обстоятельства, что они имеют своим источником щедрость тех, кому церковь обещает райское блаженство. А ведь уголовные кодексы всех стран сходятся на том, что обещание вымышленных благ в качестве компенсаций за какие бы то ни было реальные ценности есть не что иное, как мошенничество.

В силу каких соображений запрещается врачам быть наследниками своих пациентов? Потому, что предполагается, что, пользуясь страхом смерти, они могут воздействовать на ум своих больных и в обмен за обещание выздоровления заставить их вписать свое имя в завещательный акт.

Но разве церковь и ее служители не находятся в таком же точно положении? Мы не знаем, как первые христиане понимали религию, подвергшуюся с тех пор столь страшным изменениям и дополнениям, но факт тот, что вот уже несколько веков как религия эта служит поводом для всевозможных видов шантажа и мошенничества.

Поэтому нам гораздо больше нравится, когда Коммуна производит реквизиции у церкви, чем у торговцев.

„Кошелечек или ад“ — такова в настоящее время единственная программа католического духовенства. Но так как француз-

ская нация уже не верит больше в ад, то нет ничего более естественного, чем если она, в случае нужды, вернет себе кошелек.

Газета „Пароль“ № 30.

*Апри Рошфор*¹¹

Д. Вопросы религии и церкви в революционных клубах Парижа.

1

Клуб на улице Арра. Заседание 8 ноября.

Собрание в клубе на ул. Арра многочисленно и оживленно. Один оратор энергично жалуетсЯ по поводу того, что до сих пор не декретирована всеобщая мобилизация, включая членов религиозных конгрегаций, кюре, капоников и других бездельников, которые обжираются и катаются, как сыр в масле, в то время, когда народ находится на передовой линии. Сформулированное в этом духе предложение принимается с энтузиазмом. Вносится решение о проведении этой резолюции во всех остальных клубах округа и о представлении этой резолюции новому мэру, гражданину Вашро, который, проводя ее в жизнь, получит великолепную возможность избавиться от иезуитских элементов. Другой оратор необычайно горячо высказывается по этому же вопросу. Если, говорит он, будет отказано в том, чтобы заставить кюре и монахов стать в ряды, то мы сами отправимся их арестовать и ударами кнутов погоним их на линию огня. (Аплодисменты, смех и сочувственные возгласы).

2

Клуб Освобождения. Заседание 15 ноября.

Оратор весьма эксцентричного вида обращается к собранию с рассуждением о существовании бога и бессмертия души. (В зале признаки удивления). Аудитория как будто считает вопрос не очень своевременным. Наступил момент, говорит он, призвать чудотворную деву из Докреми. (Новые и шумные восклицания). И принес знамя Жанны д'Арк. (Пенсивный смех охватывает собрание; крики: знамя! знамя! на свет его!) Оратор спешит выполнить эту просьбу, он начинает искать знамя, поставленное им в угол, и осторожно раздвигает его. Это — белый стяг с красным крестом посредине. Он поворачивает его со всех сторон несколько раз. Изнанка знамени снабжена подписями, смысла и значения которых автор весьма важно и долго разъясняет собранию, во аудитория, пришедшая

в веселое настроение, больше не слушает этого чемпиона Жанны д'Арк. Председатель вежливо кладет конец его излияниям, и оратор не без труда решается наконец закончить свою речь и уходит со знаменем подмышкой.

3

Клуб Фавье, в Бельвилле. Заседание 19 ноября.

Один весьма революционно настроенный оратор зачитывает смертный приговор, единодушно вынесенный заочно несколькими клубами 4-го округа председателю Вазену и его сообщникам: Капроберу, Лебёфу и Коффийеру. Он приглашает граждан Бельвиля присоединиться. (Все в зале встают, осуждение единодушно подтверждается). Далее оратор присовокупляет, что граждане приглашаются самолично выполнить этот приговор. Перейдя затем к социальному и религиозному вопросу, оратор заявляет, что наступил момент заменить богословие и метафизику биологией и социологией. Он пускается в длинные рассуждения, которые, повидимому, не совсем доходят до сознания слушателей. Скоро однако он начинает говорить более доступно, быть может, даже слишком доступно. „Я не боюсь грома, — говорит он, — я ненавижу бога, жалкого бога монахов, и я хотел бы, подобно титанам, взобраться на небо, чтобы прикончить его“. (Этот второй смертный приговор встречается с гораздо меньшим восторжением, чем первый). Несколько энтузиастов все же аплодируют. Раздается голос: для этого потребуется воздушный шар! Гражданки растерянно переглаживают между собой).

4

Демократический клуб Казино на ул. Гадв. Заседание 25 ноября.

В этом клубе с неугасимой горячностью выставляется требование непосредственного призыва семинаристов, членов конгрегаций и кюре в ряды войска. Требование это мотивируется конечно не безграничным доверием к воинским доблестям этих людей, но принципом, согласно которому при республиканском строе все граждане обязаны защищать отечество. Гражданин Валах напоминает по этому поводу о петициях, которые раньше подавались по этому вопросу, и требует выполнения выставленных в них предложений. Другой гражданин, напротив, держится того мнения, что к этому вопросу необходимо подойти с осторожностью. Свидетельки пользуются значительным влиянием на „невежественную толпу“. Это конечно очень плохо,

но это так. Не следует забывать, что эта „невежественная толпа“ составляет собой 30 миллионов французов. Он полагает, что гораздо разумнее предоставить юра трепникам и удовольствоваться призывом семинаристов и членов конгрегаций. Третий оратор считает, что вряд ли содействие 40 тысяч попов, среди которых много лиц, непригодных к военной службе, так уж необходимо для национальной обороны. Однако он не имеет ничего против того, чтобы несколько оборотить поповское жалование и чтобы заставить их удовольствоваться суммой в один франк 50 сантимов, которую получают национальные гвардейцы. (Аплодисменты и смех). Оратор, далее, высказывается в том духе, что попы, как и короли, являются по самой природе своей врагами республики. Он разоблачает и клеймит союз трона и алтаря, жалуясь на осторожность, которую правительство национальной обороны считает необходимым проявлять в отношении этих двух враждебных сил.

5

Клуб Фавье в Бельвилле. Заседание 8 ноября.

В этот вечер публика в этом клубе занята главным образом вопросом об иезуитах. Согласно заявлению одного оратора все обрушившиеся на нас несчастья являются делом рук иезуитов. Бошарт, мол, был их марионеткой. Однако, когда он стал им мешать, они использовали Пруссию, чтобы избавиться от него. Они, мол, имеют своих агентов в Пруссии, как и везде. Молоток является иезуитом, иезуиты же стояли во главе нашей армии и предали ее. (Восклицания: он преувеличивает! нет! нет! верно! верно!). Оратор жестами и взглядами готов испепелить прерывающих его речь. „Отлично известно, заявляет он, что на всех собраниях, где заходит речь об иезуитах, имеются люди, готовые помешать этому и являющиеся скрытыми иезуитами. (В зале волнение, прерывающие голоса мгновенно замолкают). Вот почему, продолжает оратор, наша армия постоянно терпит поражения. 4 сентября мы избавились от империи, но не от иезуитов. (Голоса: правильно!). Они срывают оборону, делая вид, что руководят ею. Они организуют заговор голода, да, у нас заговор голода. (Пронзительные крики негодования: да! да! правильно!) Вот что делают иезуиты. Мы преданы им со связанными руками и ногами, вот почему мы не прогнали пруссаков и не прогоним их до тех пор, по крайней мере, пока не избавимся от иезуитов“. Оратор медленно и торжественно сходит вниз. (В зале движение: он прав! святой Трою нас предал! долой иезуитов!) На трибуну поднимается гражданин Болонь. Он отнюдь не друг иезу-

итов. Он готов слышать их, как и все (аплодисменты и смех), но он не считает момент подходящим для раскола. Мы сидим в ложе и барахтаемся в ней. (Аа! да! как лягушки!) Надо сначала выбраться из лужи, надо избавиться от пруссаков, а затем мы займемся иезуитами и скажем им пару добрых словечек. (Волнение, шум, аплодисменты.) Другой гражданин, выражающий свой восторг по поводу слов первого оратора, глубокие слова которого взволновали его душу, но без досады полемизирует с гражданином Болонем. „Мы сидим в ложе, пусть так! Мы сидим в ней, как лягушки из басни, но мы не просим дара. (Нет! нет! да здравствует республика!). Но знаете ли вы, что случится, если мы предоставим иезуитам свободу действий? А случится то, что республика будет задупена святым Трошю и провинциальные войска, предводительствуемые другими иезуитами, Катеано, Шарестами и Каратри и приближающиеся к Парижу, посадят нам на шею короля. (Нет! нет! Никогда! Мы этого не хотим.) Вы не хотите, а я еще меньше! Но что же мы должны делать? Мы не должны ждать, пока войска из провинции явятся на выручку к нам, мы должны освободить себя сами“. (Горячие продолжительные аплодисменты.) Другой гражданин развивает тот же тезис; он обвиняет иезуитов в организации избиения альбигойцев. (Крики негодования в аудитории). Он не смеет подозревать гражданина Болоню в принадлежности к иезуитам, но он считает его слишком доверчивым, он держится того мнения, что единственным способом изгнания пруссаков является предварительное устранение иезуитов. Гражданин Болоню пытается оправдаться от прозрачных обвинений, адресованных к нему. Некогда, — говорит он, — делать революцию до изгнания пруссаков. (Правильно! Аплодисменты; протесты). Гражданин Гийяр приходит на помощь гражданину Болоню, но его не слушают; в собрании начинаются горячие споры между теми, которые думают, что пруссаков надо прогнать раньше, чем иезуитов, и теми, кто, напротив, хотят прогнать иезуитов раньше, чем пруссаков. Заседание заканчивается среди общего шума. При выходе мы слышали, как один из членов собрания, который, возможно, был действительно скрытым иезуитом, бормотал про себя слова гражданина Болони: „Мы сидим в луже. Как выберемся мы из лужи?“.

6

Тот же клуб. Заседание 23 декабря.

Один оратор начинает с напоминания о том, что нынче канун рождества. Он начинает рассказывать, как сытно справ-

ляют его англичане. Везде, говорит он, в изобилии имеются окорока, откормленные гуси, телачьи пожки, ибо Англия — это преимущественно страна самых материальных ашметитов. (Со скамеек гражданок раздаются вздохи и еле подавляемые стенания). В Берлине тоже празднуют рождество, но там в гости не ходят и остаются дома. Так как пруссаки очень палубжны, то они не работают с субботы до понедельника. Вот почему в Дранси заметили, что прусские пушки не отвечали на нашу стрельбу. Так вот наши генералы, которые должны были знать нравы и обычаи пруссаков, должны были использовать этот случай для общей вылазки и прорыва осады. Это было бы для нас веселым рождеством. (Аплодисменты и смех). К несчастью, с каждым днем становится все яснее, что наши генералы не хотят разорвать блокаду Парижа и что Трошю думает только о постыдном мире. — Другой оратор заявляет, что Трошю окружен ханжами и иезуитами. Под предлогом подбирания раненых и погребения убитых эти люди подкрадываются к прусским передовым постам и передают им сведения о наших военных операциях, получаемые ими из надежных источников. А иначе как же объяснить, что пруссаки были в одиннадцать часов вечера предупреждены об атаке Бурже, которая имела место в 2 часа утра? Мы предапы мракобесами и иезуитами с ведома и содействия Трошю. (Это очевидно! мы предапы!). Один гражданин пытается протестовать. Его обзывают шпиком и барабанной шкурой, а так как эти эпитеты не успокаивают смутьяна, то его за руку выпроваживают за дверь.

7

Клуб королевь Бланш. Заседание 10 января.

По словам одного оратора, осталось еще очень много дела. Первая революция избавила нас от аристократии и уверена была, что избавляет нас и от духовенства; духовенство однако снова размножилось, как бурьян, а на месте старой знати, у которой по крайней мере не было недостатка в храбрости, среди обломков реакции выросла буржуазия, которая обогатилась, загребая жар чужими руками. Духовенство и буржуазия, вот что еще должно быть нами уничтожено.

ЭНЦИКЛИКА ЛЬВА XIII: О СОВРЕМЕННЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ.

28 декабря 1878 г.

С самого начала нашего понтификата мы не упускали случая, как этого требовало наше апостольское служение, заклеить эту смертельную заразу, которая проникает в самые потаенные члены современного общества и ведет его к гибели; одновременно мы указывали, каковы те наиболее действительные делительные средства, при помощи которых общество может снова обрести путь спасения и избежать тяжелых опасностей, ему угрожающих. Однако зло, по поводу которого мы тогда сокрушались, столь стремительно разрослось, что мы снова вынуждены обратить к вам наше слово, ибо кажется, что мы слышали, как в ушах наших звучат слова пророка: „Кричи, не переставая кричать; подними голос и пусть он будет подобен трубе“.

Вы понимаете бремя труда, досточтимые братья, что мы говорим о секте этих людей, которые называют себя по-разному, почти варварскими именами, *социалистами, коммунистами и нигилистами*, и которые, распространившись по всей земле и будучи связаны между собой нечестивым союзом, отныне не таятся уже больше во мраке, но, действуя среди бела дня и с полной свободой, пытаются довести до конца союз с давних пор легасемое намерение поколебать основы гражданского общества. Это, несомненно, они, которые, по свидетельству слова божия, „оскверняют всякую плоть, презирают всякую власть и хулят всякое величество“.

И действительно, они не оставляют нетронутым ничего, что было мудро предписано и установлено божественными и человеческими законами в целях безопасности и чистоты жизни. Порядки и отвергая повиновение высшим властям, которые от бога имеют право повелевать людям и которым, по учению апостола, всякая душа должна быть покорна, они

проповедуют полное равенство всех людей в отношении прав и обязанностей. Они поносят естественный союз мужчины и женщины, который был священен даже для варварских народов. Они ослабляют или даже подчиняют прихотям разврата узлы этого союза, которые главным образом и скрепляют домашний строй людей.

Наконец, соблазненные алчностью к преходящим благам, которая является источником всех зол и которая немало людей привела к заблуждению в вере, они нападают на право собственности, освященное естественным правом, и в своем чудовищном посягательстве, разлагавшемся о своем стремлении удовлетворить все желания людей и удовлетворить все потребности каждого, они стремятся отнять и похитить с целью превращения в общую собственность все, что кем бы то ни было было приобретено либо на правах законного надела, либо путем умственного или ручного труда, либо благодаря бережливости. Больше того, они проповедуют эти чудовищные мнения на своих собраниях, они развивают их в своих брошюрах и многочисленных органах печати, они всячески распространяют их среди толпы. Вместе с тем власть и величество монархов сделались среди мятежного народа предметом столь сильной вражды, что гнусные предатели, не терпящие никакой узды и одушевленные пагубным нечестием, несколько раз за короткое время дерзнули обратить свое оружие против самих глав правительств.

По ведь эта дерзость вероломных людей, каждодневно угрожающая весьма тягостными последствиями гражданскому обществу и возбуждающая во всех умах беспокойство и смуту, имеет своим источником и своей причиной эти адюльтерные учения, которые, распространившись за последнее время среди народов подобно семенам порока, дали теперь свои столь губительные плоды. Ведь вам хорошо известно, досточтимые братья, что жестокая война, которая с XVI в. была объявлена новаторами католической вере, имела своей целью устранить всякое откровение и опрокинуть всякий сверхъестественный порядок, дабы был открыт доступ измышлениям или, вернее, сумасбродствам и иступлениям одного разума.

Лицемерно позанимываясь свое имя у разума, это заблуждение, которое льстит гордыне, прирожденной человеческому сердцу, и которое ослабляет сдержку для всякого рода страстей, в сильной степени распространило свое ошустоительное действие не только в умах большого количества людей, но и в самом гражданском обществе. Под влиянием совершенно неслыханного нечестия, такого, которое неведомо было даже самим язычникам, стали создаваться правительства, ни в малой

мере не считавшихся с Богом и с порядком, установленным им; было провозглашено, что общественная власть получает свое начало, величие и силу не от Бога, а от народа, который, считая себя независимым от всякой божественной санкции, не должен больше повиноваться никаким законам, кроме тех, которые приняты им самим по собственному своему произволу.

Затем, после того как были отвергнуты в качестве противных разуму сверхъестественные истинные веры, сам великий искушитель рода человеческого оказывается постепенно и мало-по-малу вытесненным из занятий и учения в университетах, лицеях и средней школе, равно как из общественных обычаев человеческой жизни. Наконец, предав забвению вечные награды и кары будущей жизни, пламенное желание счастья замкнулось в пределах настоящего времени. При таком распространении вглубь и вширь этих учений, при той великой распушенности в мыслях и поведении, которая порождена таким образом всюду, приходится ли поражаться, что люди низшего положения, те, которые живут в бедном жилище или в убогой мастерской, пожелали возвыситься до дворцов и до благосостояния более богатых? Приходится ли поражаться тому, что нет больше никакого спокойствия в общественной или частной жизни и что род человеческий дошел почти до гибели?

По вышепие пастыри церкви, те, на которых лежит обязанность защищать стадо господне против козней врага, во-первых старались предотвратить гибель и бодрствовать на страже спасения верных. Как только начали размышляться и расти тайные общества, в недрах которых уже тогда таились семена заблуждений, о которых мы выше говорили, римские первоверховенники Климент XII и Бенедикт XIV² не преминули разоблачить нечестивые планы этих сект и предостеречь верных всего мира от зла, которое тайно готовится этим путем. Однако после того, как благодаря тем, которые кичились именем философов, человеку была присвоена развуждавшая свобода, после того, как начало выковыряться и санкционироваться в противовес естественному и божественному закону новое право, как они его называют, блаженной памяти папа Пий VI немедленно разоблачил в публичных документах гнусный характер и ложность этих учений. Вместе с тем апостольская пророчливость предсказала те великие бедствия, в которые будет влечен обманутый народ.

Тем не менее, так как никакое сильное средство не смогло пошептать их извращенным догмам получать все большее признание у народов и нанести удары даже общественным установлениям правительства, папы Пий VII и Лев XII ана-

феметовали тайные секты и, поскольку это от них зависело, еще раз предостерегли общество от опасности, ему угрожающей. Паповеи всем превосходно известно, с каким постоянством, с какой душевной твердостью, в какой возвышенной форме наш славный предшественник, блаженной памяти Пий IX³ ополчался в речах и энцикликах, посылавшихся епископам всего мира, как против нечестивых усилий сект, так и против чумы социализма, которая из этого источника вторглась повсюду.

Однако, что достойно величайшего сокрушения, так это то, что люди, которым доверено попечение об общем благе, всегда обнаруживали в отношении церкви подозрительные или даже враждебные настроения, позволяли себе доверять лжи нечестивых людей и гугаться их угроз. Они не поняли, что усилия сект оказались бы тщетными, если бы учение католической церкви и авторитет римских первосвященников сохранились бы в неизменном и должном почете как у клирей, так и у народа. Ибо церковь Бога живого, которая есть столп и опора истины, проповедует те учения, те заповеди, при помощи которых только и можно обеспечить благополучие и покой общества, приостановив одновременно самым решительным образом распространение гнусной пропаганды социализма.

И действительно, хотя социалисты, злоупотребляя самим евангелием для более легкого обмана злонамеренных людей, усвоили привычку извращать его, чтобы согласовать его со своими учениями, все же истиной остается, что между их мерзкими догмами и пречистым учением Иисуса Христа лежит бездонная пропасть. Ибо что может быть общего между справедливостью и несправедливостью? Какой может быть союз между светом и мраком? Социалисты, как мы знаем, не перестают утверждать, что люди по природе равны между собою, и в силу этого они говорят, что люди не обязаны оказывать почтение и повиновение никаким законам, кроме тех, которые санкционированы по их собственному произволу.

Согласно евангельским же писаниям, напротив, равенство людей заключается в том, что все, имея одинаковую природу, призваны к одному и тому же весьма высокому достоинству сыновей Божиих и что одновременно, так как всем предложена одна и та же вера, каждый должен быть судим по одному и тому же закону и получить награду или кару согласно своим заслугам. Однако существует неравенство в правах и власти, которое исходит от самого творца природы, в силу того, что „всякое старшинство имеет свое имя на небе и на земле“. Что касается клирей и подданных, то их души, по учению и заповедям католическим, взаимно связаны между собою правами и обязанностями такого рода, что, с одной стороны, власти

оказывается вмененной умеренности, а с другой стороны, повиновение становится легким, надежным и благодарным.

Таким образом церковь постоянно внедряет в сознание подданных следующую апостольскую заповедь: „Нет власти, которая не от бога“, и те, которые есть, установлены богом. Вот почему противодействующие власти противодействуют установлениям божьим. Те же, которые противятся власти, навлекают сами на себя осуждение“. Эта заповедь предписывает также повиноваться не только из боязни гнева, не только за страх, но и за совесть, и воздавать всем, что им подобает: кому же дань — дань; кому же страх — страх; кому же честь — честь.

Ибо тот, кто сотворил мир и управляет всеми вещами, расположил их к своей провидящей мудрости таким образом, что низшие достигают своей цели через посредство средних, а последние — через высших. Подобно тому, как он пожелал, чтобы в самом небесном царстве ангельские хоры были разделены между собою и подчинены друг другу, подобно тому, как он в церкви установил разные степени, которым присвоены различные функции, дабы не были все одинаково апостолами, учителями и пастырями, подобно этому он и в гражданском обществе установил несколько разных степеней, отличающихся по достоинству, правам и власти, дабы государство, подобно церкви, образovalo единое тело, составленное из множества членов, из которых одни более благородны, чем другие, но которые все необходимы друг другу и все объединены заботой об общем благе.

Но для того, чтобы правители народов пользовались доверенной им властью для созидания, а не для разрушения, церковь Христова предостерегает самих государей, что строгость высшего суда осеняет их, и, занимая слова божественной мудрости, она кричит им всем от имени бога: „Настрожите уши, вы, управляющие народами, и вы будете спускательными к вашим подданным, ибо власть дана вам богом, а сила — всевышним, который испытает все ваши дела и проверит все ваши мысли... Ибо строг будет суд для правящих... Господь, поистине, не минет никого и не воззрит ни на какое величие, ибо господь сотворил большое и малое и равно печется о всех; но для более сильных уготована и более сильная кара“.

Если однако случается, что государи безрассудно излишествуют в применении своей власти, то католическое учение не позволяет восставать по собственной воле против них из боязни, что общественный порядок будет все больше разрушаться и общество будет терпеть все больший ущерб. Когда же злоупотребление властью доходит до такой степени, что не

остается больше никакой надежды на спасение, христианское терпение учит искать исхода в несперывных молитвах, обращенных к государи. Если же установления законодателей и государей освящают или предписывают что-либо противное божескому или естественному закону, то достоинство христианского имени, долг и заповеди апостолов говорят, что богу надлежит повиноваться больше, чем людям.

Однако, силу этой спасительной добродетели церкви, которая благодатно осеняет гражданское общество, поддерживая в нем порядок и сохраняя его, одушевляет и испытывает на себе также и семейный строй, являющийся основой всякого государства. Вы знаете действительно, досточтимые братья, что вера уклад этого общества имеет, согласно естественному праву, свое основание в нерасторжимом союзе между мужичной и женичной и свое дополнение в обязанностях и правах родителей и детей, хозяев и служащих в отношении друг друга. Вы знаете также, что теории социализма почти целиком упраздняют эти права и обязанности, ибо родительская власть над детьми и обязанности детей в отношении родителей с необходимостью оказываются упраздненными, раз они теряют силу, которую они черпают в религиозном браке.

Церковь же, напротив, учит, что брачный союз, установленный самими богами в начале мира для продолжения и сохранения вида и сделанный им нерасторжимым, стал еще более крепким и священным по учению Иисуса Христа, который возвел его в степень таинства и пожелал сделать его образом своего единения с церковью. Вот почему, согласно предостережению апостола, муж есть глава жены, подобно тому как Иисус Христос есть глава церкви, и подобно тому как церковь повинуетея Иисусу Христу, объемлющему ее вечною и целомудренной любовью, жены должны повиноваться мужьям, которые в ответ должны любить их верной и постоянной привязанностью.

Церковь регламентирует равным образом власть отца и господина, убеждая сыновей и слуг верно исполнять свои обязанности и не переступая здесь границ. Ибо, согласно католическим учениям, власть родителей и господ есть не что иное, как истечение власти отца и владыки небесного. Таким образом власть родителей и господ не только берет свое начало и силу от власти отца и царя небесного, но и необходимо заимствует у нее свою природу и свой характер. Вот почему апостол убеждает детей повиноваться богу в лице своих родителей, почитать отца и мать, что является первой из заповедей, сопровождаемых обетованием. Родителям он говорит: „И вы, отцы, не вызывайте злобы у сыновей ваших,

мо воспитывать их в послушании и в следовании по путям Божиим". Заповедь, даваемая тем же апостолом слугам и господам, требует, чтобы одни повиновались их господам по плоти, служа им со всей доброй волей, как самому Богу, и чтобы господа не обходились дурно со своими слугами, памятуя, что господь есть владыка всех в небесах и что нет ни для кого излияния перед ним.

Если бы все эти заповеди соблюдались каждым из тех, к кому они относятся, то каждая семья являла бы собой образ небесной обители и бесчисленные благодеяния, которые произошли бы из этого, не ограничивались бы пределами семьи, но распространились бы на всю жизнь самих государств.

Что касается общественного и домашнего спокойствия, то католическая мудрость, опираясь на заповеди божественного и естественного законов, весьма благоразумно считает о нем в тех идеях, которые она проповедует относительно права собственности и разделения благ. Ибо, в то время как социалисты изображают право собственности как человеческое измышление, которое противно естественному равенству между людьми, в то время как социалисты, проповедая общность благ, утверждают, что не следует терпеливо переносить бедность, что можно безнаказанно захватывать владения и добро богатых, — церковь с гораздо большей пользой и мудростью признает, что существует неравенство между людьми, от самой природы несходным между собою по своим телесным и умственным силам, что неравенство существует также и в обладании благами. Церковь учит кроме того, что право собственности и владения, исходящее от самой природы, должно быть сохранено неприкосновенным и нерушимым в руках тех, кто им обладает, ибо она знает, что воровство и грабеж были осуждены богом, творцом и стражем всякого права, в такой степени, что не разрешено даже пожелать добра другого человека, что воры и разбойники изгнаны, подобно предубодеям и идолопоклонникам, из царства небесного.

Зато церковь, как добрая мать, не пренебрегает попечением о бедных и не упускает ничего для обеспечения их нужд, ибо, зная, что они представляют самого Иисуса Христа, который считает благо, сделанное самому последнему из бедных, благом, содеянным ему самому, церковь держит их в большом почете. Она оказывает им поддержку из всех своих сил, она заботится о сооружении для них новосюдо домов и приютов, где они получают пропитание и прикрытие, она берет их под свою защиту. Больше того, она вменяет в строгую обязанность богатым отдавать свой излишек бедным, она штрафит их мыслью о Божьем суде, который осудит их на вечные муки, если они не

снизойдут к потребностям и нуждам бедных людей. Наконец она ободрит и утешит бедных, стави перед ними пример Иисуса Христа, который, будучи богатым, восхотел обнищать ради нас, напоминая им о словах, в которых Иисус Христос обещал бедным блаженство и подал им надежду на вечные награды в будущей жизни. Кому не ясно, что это — лучшее средство для смягчения исконного разлада и конфликта, существующих между бедными и богатыми? Ибо, как с полной очевидностью показывают сами факты, если это средство будет отвергнуто или забыто, то неизбежно случится, что либо большая часть человеческого рода будет сведена до позорного положения рабов, как это когда-то было у языческих народов, либо человеческое общество будет страдать от вечных смут и терпеть тяжелый ущерб от грабежа и разбоя, как это мы со скорбью видим в последнее время.

Раз это так, дорогие братья, то мы, на которых лежит обязанность управления всей церковью, так же, как мы уже в начале нашего понтификата показали народам и государям, выведенным из равновесия длительной бурей, спасительный выход, поднимаем и в настоящий момент высшей опасности наш апостольский голос, чтобы умолять их во имя их собственного интереса и благополучия государств, чтобы заклинять их обратиться к церкви, которая играла столь большую роль в процветании государства, как к воспитательнице и призывать, что связь между управлением и религией столь тесна, что всякий ущерб, наносимый церкви, ослабляет повиновение подданных и величие власти. А когда они признают, что церковь Иисуса Христа обладает для предотвращения бича социализма такой силой, которой нельзя найти ни в человеческих законах, ни в репрессивных властях, ни в оружии солдат, пусть они тогда наконец поставят эту церковь в такие условия, чтобы она могла с полной свободой проявлять свое спасительное влияние в интересах всего общества.

А мы, дорогие братья, знаящие происхождение и природу душ, скопившихся в мире, приложите все свое рвение, всю силу вашего духа для возможно более глубокого внедрения во все души католического учения. Действуйте так, чтобы люди с самого нежного возраста привыкали чувствовать к Богу сыновнюю любовь и почитать его авторитет, чтобы люди склоняли свою голову перед величием государей и законов, чтобы они воздерживались от всякого вожделения и верно поддерживали строй, установленный богом, как в гражданском обществе, так и в домашнем быту. Вам необходимо также заботиться о том, чтобы дети католи-

ческой церкви не вступали в гнусную секту и не служили ей каким бы то ни было образом. Вы должны позаботиться о том, чтобы дети католической церкви, напротив, на собственном примере, своим собственным поведением показывали, какими устойчивым и счастливым было бы человеческое общество, если бы все его члены отличались правильным поведением и добродетельностью. Наконец, так как последователи социализма рекрутируются особенно среди людей, занимающихся разными промыслами или продающих свой труд и легко поддающихся, в силу нежелания примириться со своим положением, на приманку богатства и обещания всяких благ, то нам кажется удобным и целесообразным поддерживать и ободрять союзы рабочих и ремесленников, которые, будучи организованы под покровительством религии, умеют делать всех своих членов довольными своей судьбой, преданными своему труду и научают их вести мирную и спокойную жизнь.

Молтва. Благословение.

VI и VII. Материалы и документы

1. ПНА, *Феликс (1810-1889)* — французский журналист и мелкобуржуазный революционер, участник революции 1848 г. Являлся влиятельным членом Коммуны (он принадлежал к группе якобинцев). Пна своими яростными выступлениями против социалистической части Коммуны, своими колебаниями и интригами причинил значительный ущерб делу Коммуны. Маркс отнесет его к людям, которые „не понимают смысла настоящего движения“, хотя „они и слышат революционерами высшей пробы“. После гибели Коммуны эмигрировал и заочно был приговорен к смерти.

2. РАСТУЛЬ, *Поль-Эмиль (1835-1875)* — член совета Коммуны, врач по профессии. Примыкал к мелкобуржуазным якобинцам. Был сослан в Новую Каледонию и утонул при попытке бежать.

3. КЛЕМАН, *Виктор* — коммунар, рабочий-красильщик. Работал в военной и финансовой комиссиях. Был приговорен к тюремному заключению. *ФЕРРЕ, Шарль-Тофиэль (1845-1871)* — коммунар, бланкист, член „Комитета общественной безопасности“, руководивший борьбой с контрреволюцией. Расстрелян версальцами.

4. ТЕЙН, *Фредерик-Феликс (1839-1881)* — коммунар, рабочий-металлист, член II Интернационала. Примыкал к правым proudistas, был директором почтового ведомства. После гибели Коммуны эмигрировал в Англию.

5. ДЕФРАНСЕ, *Гюстав (1826-1901)* — коммунар, педагог по профессии, член II Интернационала. В Коммуне, где он примыкал к левым proudistas, был членом Исполнительного комитета. После подавления Коммуны эмигрировал, заочно приговорен к смерти. До конца дней своих активно участвовал в социалистическом движении. Его мемуары („Воспоминания коммунара“) переведены на русский язык.

6. ВЕРМОРЕЛЬ, *Огюст (1841-1871)* — коммунар, журналист, неоднократно подвергавшийся штрафам и аресту за пропаганду социализма. В Коммуне (где он примыкал к левым proudistas) Вермо-

рель был членом Исполкома. Был ранен на баррикадах в майские дни и умер в тюрьме у версальцев.

7. ВАРДЕН, *Эжен (1839-1871)* — коммунар, рабочий-переплетчик, один из крупнейших деятелей французского рабочего движения и основателей французской секции II Интернационала. После подавления Коммуны Варден, один из наиболее мужественных и стойких ее борцов, был расстрелян версальцами. *ВАЛЛЕС, Жюль (1832-1885)* — коммунар, журналист и бланкист. Работал в Комиссии просвещения. После падения Коммуны, где он примыкал к proudistas, Валлес бежал в Англию и был заочно приговорен к смерти. Им написано несколько романов, из которых два — „Банкзавар“ и „Изгнанный“ — переведены на русский язык. *РАЙК, Артур (1831-1903)* — буржуазный республиканец, журналист. Избранный в Коммуну, он вел там соглашательскую политику и вышел из нее после декрета о расстреле заложников. После падения Коммуны был заочно приговорен к смерти. После амнистии он сделал карьеру буржуазного парламентария и перед смертью был выбран в сенаторы. *ГРУССС, Паскаль (1845-1909)* — коммунар, сын учителя, радикальный журналист. В Коммуне, где он примыкал к бланкистам, был „делегатом для внешних сношений“. Сосланный в Новую Каледонию, бежал оттуда в 1874 г. в Англию.

8. УРБЭН — коммунар, сторонник якобинско-бланкистского большинства.

9. АРПУ, *Артур (1833-1895)* — коммунар, примыкавший к proudistско-бакунистскому меньшинству Коммуны. На русский язык переведены его „История инквизиции“ и „Народная история Парижской коммуны“. *ГУНИЛЬ, Эдмон* — мелкобуржуазный радикал, врач по профессии, сложивший подножничья члена совета Коммуны после начала военных действий между Коммуной и версальцами.

10. БАВНК и *ЖЕРЕСМ* — коммунары, бланкисты. Второй из них, рабочий-мебельщик, был членом Военной комиссии. После подавления Коммуны был приговорен к должностям каторжным работам.

11. ПРОТО — коммунар, бланкист, „делегат юстиции“ в Коммуне.

12. ТРЕВЕР — мелкобуржуазный революционер, директор Ведомства общественного призрения в Коммуне. Был расстрелян версальцами.

13. Как видно из настоящего обращения, Коммуна первое время не пошла дальше провозглашения принципа безрелигиозного воспитания, атеизм не мог быть за короткое существование Коммуны претворен в жизнь.

14. ВАЛЬЕН, *Эдуар (1830-1915)* — коммунар, бланкист, делегат по народному просвещению в Коммуне. После гибели Коммуны бежал в Англию. По возвращении во Францию после амнистии 1880 г. принимал активное участие в социалистическом движении, являясь одним из лидеров II Интернационала. Во время мировой войны занял крайнюю социал-шовинистскую позицию.

15. МИШЕЛЬ, *Луиза (1833-1905)* — французская анархистка, учительница по профессии. В Коммуне примыкала к бланкистам. Была осуждена на каторгу. Возвратившись после 1880 г., активно участвовала в анархистском движении. Проявила себя как талантливый и неустрашимый революционный боец (за ней утвердился эпитет „Красной девы Коммуны“). Написала мемуары и историю Коммуны.

16. Сколько ни старалась буржуазная пресса оклеветать Коммуну в связи с декретом 5 апреля о заложниках, исторические факты свидетельствуют о том, что этот декрет явился необходимой мерой самообороны в ответ на зверскую расправу, которую версальцы пачкал систематически учинять над попадавшими к ним в плен коммунарами.

17. **ВИНЬА, Жозеф (1800—1880)** — французский генерал, участник переворота Луи Бонапарта. Будучи военным губернатором Парижа с января 1871 г., пытался разоружить рабочих, но вынужден был отступить с войсками в Версаль. В качестве командующего «резервной армией» версальцев проявил чрезвычайную жестокость в борьбе против Коммуны.

18. **ДЮВАЛЬ, Эмил-Виктор (1811—1871)** — коммунар, рабочий-литейщик, бланкист, член I Интернационала. Он играл видную роль в восстании 18 марта. В Либкнехт характеризуется его как «человека с неперекроной, железной волей, имевшего все данные, чтобы стать гением новой революции». Он работал в Военной комиссии и являлся одним из трех главнокомандующих Национальной гвардии. 4 апреля был захвачен в плен версальцами и без суда расстрелян вместе с двумя своими офицерами.

19. **ДЕЛЕКАЮЗ, Шарль (1809—1871)** — мелкобуржуазный революционер, радикальный республиканец. За свою революционную деятельность отбыл категорию при второй империи. В Коммуне был одним из вожаков якобинско-бланкистской группы и делегатом по военным делам. 25 мая он погиб на баррикадах.

20. **ВИЛЬЮМ, Максим (1849—1923)** — радикальный демократ, журналист, один из редакторов «Папани дюшена» во времена Коммуны. Заочно приговоренный к смерти, бежал в Швейцарию. Впоследствии, возвратившись во Францию, примкнул к радикалам.

21. **ШАРЕТТ и КАТЕЛИНО** — два реакционных генерала, являвшиеся потомками двух носивших те же фамилии вожаков шуанов (так называли напавших на революционных коммуна и помещиками остальных крестьян Вандеи, восставших против республики во время Великой французской революции). Генералы эти в 1871 г. возглавляли провинциальные армии, призванные на помощь версальцам.

22. **ТРОШЮ, Луи-Жюль (18.5—1896)** — французский генерал, ярый монархист, который, возглавив образованное 4 сентября 1870 г. «Правительство Национальной обороны», стремился скорее сдать Париж пруссакам, чтобы развязать себе руки для борьбы с пролетариатом. Его «план» был разгадан массами, которые ненавидели и презирали Трошю.

23. Шуаны — см. примеч. 21.

24. **РИГО, Рауль (1816—1871)** — коммунар, бланкист, прокурор Коммуны и руководитель борьбы с контрреволюцией. Вызывавший боешену ненависть у версальцев своей твердостью и мужеством, Риге был расстрелян немедленно после того, как он попал к ним в руки.

25. **ФЛОТТ, Бенжамин** — друг и сподвижник Бланки, осужденный вместе с ним за майское восстание 1848 г. Во время Коммуны он, не принимая участия в движении, поддерживал связь с бланкистами.

26. **ЛЕКОНТ, Шарль (1817—1871)** и **ТОМА, Клеман (1814—1871)** — два французских генерала, расстрелянные 18 марта путем самосуда своими же солдатами, перешедшими на сторону народа. Буржуазия обвиняла в этом акте самосуда Центральный комитет Национальной гвардии, совершенно непричастной к расстрелу генералов. После подавления Коммуны версальцы в отместку за двух реакционных генералов (Томе был одним из усмирителей июньского восстания) расстреляли много людей, которые либо присутствовали при расстреле генералов, либо даже старались вырвать генералов из рук разъяренных солдат, которые подозревали генералов в шпионаже.

27. **МИЛЛЕР, Жан (1817—1871)** — журналист, сын бочара, активный участник революции 1848 г., прудонист. Одно время после

сентября 1870 г. командовал батальоном Национальной гвардии. Был редактором газеты «Коммуна». Миллер один из талантливейших социалистических публицистов эпохи. При взятии Парижа расстрелян версальцами.

VIII. Революционная пресса и клубы

1. **«ПАПАША ДЮШЕН» («ПЕР-ДЮШЕН»)** — название массовой революционной газеты в дни Коммуны. Ее редакторами и главными сотрудниками были молодые журналисты-бланкисты — Вермеш, Эмбер и Витом. Она начала выходить 5 марта 1871 г., 10-го она была закрыта, 21-го она возобновила свой выход и продолжала выходить до 22 мая (всего вышло 68 номеров). Как название, так и стиль ее (грубый, ядреный, усиленный крепкими словечками язык парижских предместий) были заимствованы из времен Великой французской революции, когда в период 1790—1794 г. в Париже под редакцией Эбера выходила газета «Папаша Дюшен», служившая органом боевого социализма и предостерегающая материал в самом закатном тоне. Тираж «Папаша Дюшена» 1871 г. доходил до 70 000 экземпляров — цифры, огромной для того времени.

2. **ТРОШЮ** — см. раздел VI, примеч. 22.

3. **ВИНЬА** — см. раздел VI, примеч. 17.

4. **ФРАНКЕЛЬ, Лео (1849—1896)** — рабочий-ювелир, венгерский еврей по происхождению, организатор немецкой секции I Интернационала в Париже. Избранный в Коммуну, он возглавлял «Комитет труда, промышленности и обмена». Работавший на баррикадах в последние дни Коммуны, бежал в Швейцарию и был заочно приговорен к смерти. Впоследствии он явился одним из организаторов венгерской социалистической партии.

5. **ГАРИБАЛЬДИ, Джузеппе (1807—1882)** — итальянский революционер, крупнейший деятель национально-освободительного движения в Италии. В 1870 г. он принял участие в войне с Германией на стороне Франции. Некоторые из гарибальдийцев сражались в рядах Коммуны. Сам Гарibaldi пользовался огромной популярностью среди парижских масс, а сын его был избран в совет Коммуны, хотя и не принимал в ней участия.

6. Разумеется **ЭБЕР, Жан-Рене (1757—1794)**, журналист и деятель Великой французской революции, редактор «Папаша дюшена», где он выступал от имени старого Дюшена, продавца железного лома. Эбер, бывший рупором популяристических и демагогических элементов санкюлотства, ярый атеист и влиятельный представитель группы, сложившейся вокруг Парижской коммуны 1793 г., был отправлен Робеспьером на эшафот вместе с товарищами в 1794 г.

7. **КАУОТС, Анатолес (1755—1794)** — деятель Великой французской революции, идеолог революционного крыла мелкой буржуазии, атеист и космополит (он называл себя оратором рода человеческого), один из инициаторов культа Разума, казненный в 1794 г. вместе с эбертистами.

8. **ШУАНЫ ШАРЕТТА** (см. раздел VI примеч. 21).

9. **ТРЕЯЯ** — коммунар, занимавший в коммуне пост директора ведомства общественного призрения. Расстрелян версальцами при взятии Парижа.

10. **АРБУЭС, Педро** — испанский инквизитор, жестокий гонитель еретиков и марьянов (принудительно крещенных евреев), убитый в 1485 г. **ТОРКВЕМАДА, Фома (1420—1498)** — один из самых кровавых главных инквизиторов в Испании, погубивший тысячи жертв (при нем было сожжено около 9 000 человек и конфисковано иму-

щество 90 000 человек). *ТРЕСТАЙОН* (настоящее имя его *Жак Дюпон*) — один из вожakov католическо-роялистских банд, сотрудничавших во время белого террора (в эпоху Реставрации) во французской провинции. Благочестивые бандиты прекращали свои бесчинства и грабежи лишь в „святой день“, в воскресенье.

IX. Энциклика Льва XIII

1. *ЛЕВ XIII (1878—1903)* — римский папа, ловкий дипломат и политик, который не раз прикидывался либералом и другом трудящихся (в своей знаменитой энциклике 1891 г. он выступил с елейной болтовней о „справедливом вознаграждении за труд“ как панацее от всех социальных бед). Это не мешало ему вести бешеную борьбу с социализмом, с масонством, со всякими проявлениями вольнодумства.

2. *КЛИМЕНТ XII (1730—1740)* и *БЕНЕДИКТ XIV* (1740—1758)* — римские папы, ведшие борьбу с просветителями и энциклопедистами.

3. *ИНН IX* — см. раздел V, прил.